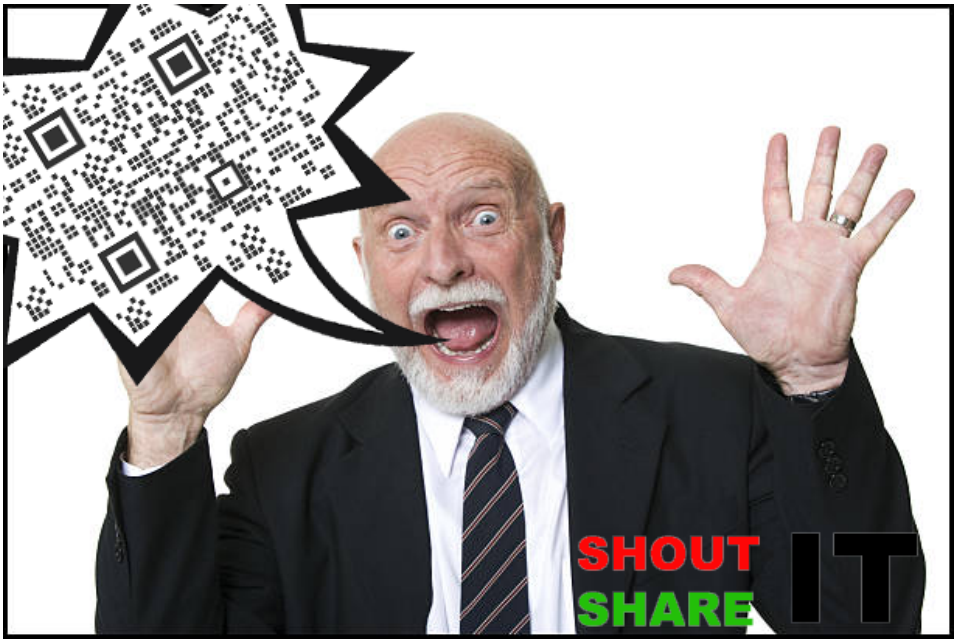
Юрий Сушко

Любимая женщина Альберта Эйнштейна

Биографии великих

Неожиданный ракурс


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

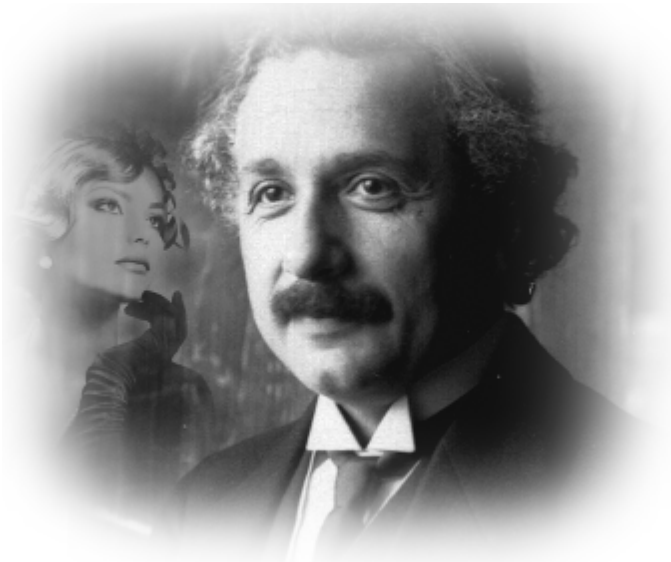
В новой книге историка Юрия Сушко на редкость удачно смешаны жанры – политический детектив с авантюрной мелодрамой. Свежие, никогда ранее не обнародованные факты из личной жизни гениального физика просто шокируют, а возмутительная безнравственность и «гибкость» жизненных принципов Маргариты Воронцовой, супруги скульптора Сергея Коненкова, заставляет усомниться: да разве такое могло быть?! Увы, могло. Точнее, так: к счастью, могло! Ибо любовный треугольник и женские интриги в конечном счете дали Сталину ядерное оружие, которое и сохранило хрупкий мир после Второй мировой войны…

- Юрий Сушко
  - НЬЮ-ЙОРК, март 1940

Юрий Сушко
Любимая женщина Альберта Эйнштейна

Хотя влюбляться – это не самое глупое, что делают люди, тем не менее, гравитация за это ответственности не несет...

А.Эйнштейн



НЬЮ-ЙОРК, март 1940

«Дорогой брат Иосиф Виссарионович!

...Я прилагаю здесь фотографию, на которой Вам наглядно будет видно, где вскоре произойдет атака на С.С.С.Р. Провозгласите об этом между народами, приготовьтесь к войне, возбудите храбрых; пусть выступят, поднимутся все ратоборцы. Перекуйте орала ваши на мечи и серпы ваши на копья; слабый пусть говорит: «Я силен». Спешите и сходитесь, все окрестные, и собирайтесь; туда, Господи, веди своих героев...

Вы, дорогой Иосиф Виссарионович, представлены как символ в книге пророка Исаіи 19:1-7т. Так тоже и Навуходоносор в Св. Писании есть фигурой на Вас. То, что делал Навуходоносор там, – Вы выполняете тут...

Вы, большевики, будучи, так сказать, атеистами, выполняете Божие Дело, которое есть мир и братство... «Слово не подобно ли молоту, разбивающему скалу? Пустите в дело серпы, ибо жатва созрела. – Іеремія 23:29. – Іоиль 3:13. Серп и молот – знамя С.С.С.Р.

Царство Божие идет от севера (от С.С.С.Р.) «От севера откроется бедствіе на всех обитателей земли» (бедствие – для капиталистов)... ибо от севера появляется беда и великая гибель (для капиталистов)... вот идет народ от страны северной и народ великій (большевики) поднимается от краев земли (А братан Папанин подтвердит нам, что там на севере, где он был, уже и не живут люди – край земли)...

Сообщаю некоторые сведения о себе. Я русский скульптор. Жил и работал в Москве. Работы мои имеются в музеях Москвы, Ленинграда, Смоленска, Казани, Симбирска и др. Был три года руководителем скульптурного отдела Государственных мастерских, а также скульптурного отдела Пролеткульта. Был председателем профессионального союза скульпторов. На кремлевской стене около Мавзолея Ленина – мемориальная доска «Павшим в борьбе за мир и братство народов», а в Музее революции на бывш. Тверской, Стенька Разин с ватагой – мои работы. Был я также не малый пьяница. В Америку выехал легально с выставкой русских художников в декабре 1923 г.».

Подумав, Сергей Коненков решил, что будет нелишним дополнить свой автопортрет комплиментами коллег:

«При отъезде из Москвы скульпторы поднесли мне адрес следующего содержания:

«Дорогому Сергею Тимофеевичу, нашему наибольшему товарищу. Мы, московские скульпторы, приносим Вам свой

привет и поздравляем с двадцатилетней годовщиной Вашего Славного служения Русской скульптуре. С мощью Самсона, с глубиной Баха, с виртуозностью Паганини и с горячим сердцем русского Богатыря Вы трудились над созданием русской скульптуры. Сейчас Вы покидаете нас и Родину для более широкой деятельности перед лицом Нового и Старого Света. Мы уверены, что Вы покажете, какие силы таятся в недрах России. Эта мысль смягчает горечь разлуки с Вами и родит надежду увидеть Вас снова в нашей среде тем же дорогим товарищем, но венчанным мировой славой». Следует 24 подписи.

До свидания, дорогой Иосиф Виссарионович. Примите мои самые сердечные пожелания, также привет Вашим друзьям и сотрудникам.

Приветствуйте Красную Армию – Армию Божию.

Остаюсь верный Господу навсегда. С.Коненков».

Он поставил точку, вернулся к началу письма и в самом верху сделал пометку: «Нью-Йорк 4/3 1940 г.».

НЬЮ-ЙОРК, июль 1940

– Сергей, ваш священный долг написать Иосифу Виссарионовичу Сталину. Вас он непременно услышит.

– Он не отвечает на мои послания, брат Заборовский. Сколько раз я к нему уже обращался...

– Неважно. Главное, чтобы он прочел ваши письма, а они уже достигнут его души и разума. В марте я сам решил написать ему письмо. Но вряд ли он его прочел, потому что представился, кто я есмь, то есть религиозным человеком.

– А могу я прочесть ваше письмо, брат Заборовский?

– Конечно. Я вам оставлю копию. Но вы напишите свое. – Заборовский вынул из кармана пиджака несколько изрядно помятых листов бумаги, положил перед Коненковым и, перекрестившись, покинул мастерскую скульптора:

– С Богом, брат Сергей.

Читая копию послания Заборовского товарищу Сталину, Коненков поразился, насколько пророчества брата совпадают с его собственными видениями и с тем, о чем он собирался сообщить в Москву, брату Иосифу Виссарионовичу. Не откладывая ответственное поручение в долгий ящик, Сергей Тимофеевич решил перенести намеченный еще неделю назад сеанс позирования на следующий день. Позвал Элен, попросил позвонить мистеру Линдбергу, извиниться и назначить иное время для работы. Какое? Теперь пускай наш авиатор сам определяет. Не до того мне сейчас.

Сергей Тимофеевич взялся за перо:

«Дорогой брат Іосиф Виссаріонович!

Пишу Вам снова, третье послание. Вы не ответили на первые два... Но что же делать! Вновь предупреждаем Вас, так как час близок. У Вас там будет великое смятеніе и замешание, и мы должны Вас уведомить о том, что до этого мы (последніе члены Церкви Христовой) должны быть там у Вас...

Какое будет следствіе с того конфликта, который начался там, в Европе, года 1939?.. Вот идет буря Господня с яростію, буря грозная, и падет на голову нечестивых. Гнев Господа не отвратится, доколе Он не совершит и доколе не выполнит намереній своих сердца Своего, в последующіе дни вы ясно уразумеете это (Іеремія 23: 18-20).

...Так как Навуходоносор забыл тот сон, и никто не мог выяснить и сам забыл...

Катастрофа эта от 1939 г. с осени. А следствіем будет пророчества Іезекіиля, глава 38... Когда Сатана, чрез своего

агента Гога, который теперь действует в земле Магога, подобьет все народы, тогда он (Сатана) направит Гога на Россию…

Вне дома – меч, а в доме – мор и голод. Кто в поле, тот умрет от меча, а кто в городе, того пожрут голод и моровая язва. А уцелевшіе от них убегут и будут на горах, как голуби долин (Іезекіил 7: 15-16).

И тогда Господь начнет воевать… И будет с Гогом и со всеми царствами то, что с Содомом и Гоморрой… Ты же, Сын человеческій, изреки пророчества на Гога и скажи: так говорит увала! Я поведу тебя и выведу тебя от краев севера и приведу тебя на горы Израилевы (в Россію) – в Советский Союз. И выбью лук твой из левой руки твоей и выброшу стрелы твои из правой руки твоей. Падешь ты на горах Израилевых (в Россіи), ты и все полчища твои и народы, который с тобою…»

Начав следующую фразу: «На весну 1941 года сбудется следующее…», Сергей Тимофеевич неожиданно запнулся. «Сделаем паузу». Встал из-за стола, посмотрел в окно: «До чего же чудесный вид», – и решил пройтись, подышать воздухом, развеяться. Встретив в коридоре горничную, спросил, дома ли Маргарита Ивановна. И услышал привычный ответ:

– Нет, Сергей Тимофеевич, они же в Принстоне.

– Ах да, я запамятовал.

Вернувшись после короткой прогулки, Коненков вновь принялся за свои пророчества:

«,,,И освобождены были четыре Ангела, приготовленные на час и день, и месяц, и год, для того, чтобы умертвить третью часть людей… Армія Божія, Красная Армія + красная рабочая армія всего міра. Эта Армія Божія будет воевать с Арміей Сатаны, которая также будет весьма велика, но которая будет побеждена. Битва будет до 1944 г.

…Пустите в дело серпы, ибо жатва созрела; идите спуститесь, ибо точило полно и подточилія переливаются, потому что злоба их велика… И возгремит Господь с Сіона, и даст глас свой из Іерусаліма; содрогнутся небо и земля, но Господь будет защитою для народа Своего и обороною для сынов Израилевых. Тогда узнаете, что я – Господь Бог ваш, обитающий на Сіоне на святой горе Моей.

Посылаю это посланіе Вам, дорогой брат Іосиф Виссаріонович, выполняя поручение Божіе, переданное мне чрез Его слугу брата Заборовского. Принося благодареніе Отцу Небесному чрез Его возлюбленнаго Сына, а нашего Спасителя и Господа Іисуса Христа, прошу принять наши хрістіанскія приветствия Вам и Вашим помощникам и сотрудникам, а также приветствуем Красную Армію – солдат Божіих – Израильтян.

Остаюсь верный Господу навсегда
С.Коненков».

* * *

Когда поздним вечером Маргарита Ивановна вернулась домой после своего очередного путешествия в Принстон, мужа она нашла спящим ничком на диване, а на рабочем столе – черновик его письма Сталину. Быстро пробежала глазами, оставляя без внимания пространные библейские изыски, покачала головой: «Кажется, эти святые братья скоро Сергея совсем с ума сведут». Но, взвесив, решила: «Да нет, пускай хоть в такой дурацкой форме, но все-таки он должен время от времени напоминать о себе Сталину... Навуходоносор, это же надо до такого додуматься... Гог и Магог... Прости меня, Господи... Ох, Сережа, Сережа...»

Вздохнула и отправилась в туалетную комнату смыть с себя дорожную пыль и усталость. Ее утомил и долгий путь, и бурные ласки неугомонного Альберта. Прежде чем погрузиться в ванну, она, раздевшись, внимательно осмотрела себя в зеркале: не осталось ли предательских следов. Вроде бы нет. Хотя, вот черт, на груди заметна уже начинающая багроветь отметинка!.. И вот еще, на шее, чуть выше ключицы... Ведь просила же Альберта быть аккуратнее... Бес неуемный...

Она осторожно переступила бортик утопленной в полу ванны и с наслаждением окунулась в теплую пенную воду. Маргарита думала немного подремать, но неясная тревога не давала покоя. В последнее время ее до безумия раздражали эти диковатые «братья», окружавшие мужа, всякий раз старавшиеся уединиться с ним в мастерской. А бывало, и он куда-то исчезал с ними на день-другой, напрочь забывая о своих жестких временных обязательствах по тому или иному выгодному контракту. Что было еще печальней, ведь большую часть заказов для мужа обеспечивала именно она...

Марго с наслаждением нежилась в небесно-голубой ванне, а в памяти возникли средневековые банные помывки в ее родном Сарапуле, откуда она еще девчонкой благополучно сбежала в Москву. Слава богу, папенька, присяжный поверенный, снабдил ее рекомендательными письмами к своему старинному столичному другу, доктору Ивану Бунину. Именно в его доме в Москве на Поварской юная, очаровательная провинциалочка и обрела тогда свой кров.

Ах, как здесь было здорово и интересно! Какие люди бывали

в гостях у Буниных! Художники, артисты, поэты, почтенные думцы, задорные политики, журналисты... Куда там скучнейшим юридическим курсам мадам Полторацкой, которые Маргарита была вынуждена посещать, оправдывая перед родными свое затянувшееся пребывание в Москве!

Как-то в один из вечеров Маргарита познакомилась с очень симпатичной девушкой, которая представилась Ириной. У них быстро нашлись общие интересы. Только в самом конце беседы Ирина решила назваться полным именем:

– Ирина Федоровна. Шаляпина.

– Как, правда?..

– Правда, правда. К чему мне тебя обманывать? Приходи к нам завтра, я тебя и с отцом познакомлю, и с братом. Обязательно приходи.

С того дня все и завертелось. Маргарита каждую свободную минуту пропадала в доме Шаляпиных. Правда, самого Федора Ивановича ей доводилось видеть редко – спектакли, гастроли. Но зато когда он появлялся в доме, большой, шумный, громогласный, вальяжный, вкусно пахнущий водочкой и заморским одеколоном, в Маргарите сразу вспыхивали какие-то неясные ожидания и тревоги. Все вокруг становилось шумно, оживленно, весело. Без конца звонил телефон, и верный служка Шаляпина китаец Василий, носивший длинную-длинную косу, ловко скользя по паркету, то и дело выходил на парадное крыльцо открывать двери новым гостям.

Зато с сыном знаменитого певца Борисом отношения складывались легко и просто. Мальчишка страстно влюбился в новую подружку сестры и неуклюже пытался за ней ухаживать. Застенчиво вручал какие-то подарочки, букеты, открыточки, угощал конфетами. Маргарита, девушка разумная и расчетливая, позволяла ему далеко не многое, но молодого художника это вовсе не злило, а только еще больше привязывало к ней, прекрасной, желанной, но недостижимой.

Но однажды случился конфуз, которого мало кто ожидал. Однажды Ирочка Шаляпина, неожиданно рано вернувшись с занятий в театральной студии, услышала, что в дальней комнате слышатся какие-то неясные звуки. Подойдя ближе, она сразу поняла их происхождение. Не в меру любопытная, Ирина на цыпочках подкралась к двери спальни и чуть приоткрыла створку: интересно, да кто же там с папашей? И от неожиданности ойкнула: Маргаритка!

Разумеется, тем же вечером она рассказала об увиденном младшему братцу. У них и мысли не возникло осуждать отца. Подобные случаи «неуемных любовных игрищ и забав» уже

случались с ним, и не раз, чуть ли не на их глазах… Но эта нахалка! Тянуть под венец Бориса и при этом баловаться в постельке с будущим свекром?!. Да это же верх бесстыдства!

Конечно, ни о какой свадьбе никто уже даже не поминал. Девицу же Маргариту (или уже не девицу?), естественно, отлучили от дома. Хотя нет, она сама решила: больше в дом Шаляпиных ни ногой. Так ей считать было приятнее.

Что же до кавалеров, то от них отбоя не было. И до Бориса, и при Борисе, а уж после него… Выбор делала она сама. Очень скоро избранником Маргариты стал 30-летний весьма способный художник и скульптор Петр Бромирский. Пылкий поклонник любовался Маргаритой, повсюду носил с собой ее фотографическую карточку и с гордостью демонстрировал всем знакомым. Когда он с той же целью явился к Сергею Коненкову, то не подозревал, что совершает роковую ошибку. Расписывая прелести и достоинства своей дамы сердца, Бромирский извлек из кармана фотографию Маргариты и показал Сергею Тимофеевичу.

«Девушка на фотографии была так прекрасна, – в старости вспоминал мастер, – что показалась мне творением неведомого художника. Особенно прекрасен был поворот головы. И руки – необыкновенно красивые руки, с тонкими, изящными пальцами были у девушки на фотокарточке. Таких рук я не видел никогда!..»

Очарованный Коненков тут же приступил к «допросу с пристрастием»: кто такая, откуда родом, чем занимается, где живет… Бромирский уже чуял, что он совершенно напрасно продемонстрировал Сергею Тимофеевичу фото своей почти что невесты.

– Я должен убедиться, что в жизни она столь же хороша, как на карточке, – темпераментно убеждал молодого приятеля Коненков. – Приведи меня в дом Бунина, познакомь. Обещаю, все будет прилично.

Бромирский обреченно согласился.

Живой оригинал оказался куда эффектнее фотографического изображения женщины. Длинноногая, черноволосая, с точеным профилем и так много обещающими глазами.

Какой же это был год? Ах да, 1916-й. Маргарите в ту пору было всего лишь около двадцати, а Сергею Тимофеевичу уже сорок два. Вначале он очень смущался, был непривычно застенчив и скромен. Но когда они стали играть в саду в мяч, это вывело Коненкова из состояния заторможенности. Осмелев, он пригласил Маргариту посетить его мастерскую на Пресне.

Да она об этом только и мечтала! Знаменитый скульптор,

художник, действительный член Императорской Академии художеств, к которому полагалось обращаться исключительно «Ваше Превосходительство»... К тому же, как она успела выяснить, Коненков был свободен от брачных уз. Его прежняя жена – Таня Коняева, эта породистая кобылица-производительница, по определению Маргариты, оставила его, когда ей до смерти осточертела вся эта непонятная богемная жизнь, бесконечная круговерть гостей, шум и гам, то там, то сям вспыхивающие споры и ссоры, сцены ревности, песни и пляски. Она тихо собрала свои вещички и без скандалов, как говорят, полюбовно ушла от мужа прочь, совсем в другую жизнь, в неведомые дали...

Через несколько дней Маргарита в сопровождении Бромирского впервые переступила порог мастерской. Сергей Тимофеевич, взволнованный визитом желанной гостьи, тут же объявил: «Едем кутить на Стрельню!» Цыгане встретили Коненкова как родного. Его спутнице тут же было предложено шампанское или любое другое вино на выбор. Она же скромно попросила: «Если можно, стаканчик молока». Хозяева, хорошо знавшие обычные вкусы компании Сергея Тимофеевича, были, мягко говоря, ошарашены... Сам же Коненков в тот момент был растроган до слез детской просьбой, что, в сущности, и требовалось любительнице молока. А друзья, опасаясь его непредсказуемых кулаков (он до старости гнул пятаки на спор), промолчали, хотя прекрасно знали, что Марго был хорошо известен не только вкус вина.

Ах, лихие времена... С умилением вспоминал подобные «африканские ночи» Федор Иванович Шаляпин! «Горы фруктов, все сорта балыка, семги, икры, все марки шампанского и все человекоподобные – во фраках. Некоторые уже пьяны... Обнимаются и говорят друг другу с чисто русским добродушием:

– Люблю тебя, хотя ты немножко мошенник!

– Тебе самому, милому, давно пора в тюрьме гнить!

– П-поцелуемся!

Целуются троекратно. Это очень трогательно, но – немножко противно. Замечательно, что хотя все очень пьяны, но почти никто не упускает случая сказать приятелю какую-нибудь пакость очень едкого свойства. Добродушие при этом не исчезает.

Четыре часа утра. К стенке прижался и дремлет измученный лакей с салфеткой в руках, точно с флагом примирения. Под диваном лежит солидный человек в разорванном фраке – торчат его ноги в ботинках, великолепно сшитых и облитых вином. За столом сидят еще двое солидных людей, обнимаются, плачут, жалуясь на невыносимо трудную жизнь, поют:

– Эх, распошел! – и говорят, что порядочным людям можно

жить только в цыганском таборе.

Потом один говорит другому:

– Постой, я тебе покажу фокус! Половой – шампанского!

Половой приносит вино, открывает.

– Гляди на меня, – говорит фокусник, мокренький и липкий. Его товарищ старается смотреть сосредоточенно и прямо – это стоит ему больших усилий. Фокусник ставит себе на голову полный стакан вина и встряхивает головой, желая поймать стакан ртом и выпить вино на лету. Это не удается ему: вино обливает его плечи, грудь, колени, стакан летит на пол.

– Не вышло! – справедливо говорит. – Нечаянно не вышло! Погоди, я еще раз сделаю...

Но товарищ его, махнув рукой, вздыхает:

– Н-не надо!

И слезно поет:

– Эх-х, распошел, распошел...»

* * *

Под утро художник с будущей музой вдвоем вернулись в мастерскую на Пресне...

Когда они, обессилевшие от ласк, лежали, не размыкая объятий, на смятых простынях, Коненков, целуя божественные девичьи руки, шептал ей на ушко:

– Так ты откуда, прелестное дитя?

– Сереж, ну я же уже говорила – из Сарапула.

– И где же сей укромный уголок?

– Ой, далеко-далече, на Каме, на высоком берегу. Городок небольшой, зато у нас 33 храма...

Познав о романе Маргариты с Коненковым, добропорядочные Бунины забили тревогу: девочка попала в богему, в объятия известного на всю столицу горького пьяницы. Едва на курсах мадам Полторацкой объявили каникулы, «опекуны» спешно спровадили Марго от греха подальше домой, к родителям.

Впрочем, сообразительной девице природный инстинкт и самой подсказывал, что на заре романтического приключения женщине имеет смысл на какое-то время исчезнуть из поля зрения по уши влюбленного мужчины. Как бы для проверки чувств. Его или ее.

Конечно же, Коненков кинулся следом за Марго. С трудом отыскав дом Воронцовых в Сарапуле, Сергей Тимофеевич чуть ли не с порога стал просить у родителей руки их дочери. Своей

решимостью, внешним видом, голосищем он немало смутил провинциальную дворянскую чету. Они с недоумением взирали на седовласого гиганта (почти их ровесника) и не могли прийти в себя от неожиданного напора.

Наконец, собравшись с духом, исполненный кичливой гордости присяжный поверенный объявил незваному гостю о своем решительном отказе. И разница в возрасте, батенька, и образ жизни, знаете ли, нам не позволяет… Да и как-то вообще…

Возвратившись в Москву, Коненков заперся в своей мастерской, несколько дней беспробудно пил, а придя в себя, уселся делать по памяти скульптурный портрет Маргариты. Когда спустя некоторое время в мастерской объявилась Она, Сергей показал ей законченную работу, надеясь услышать слова одобрения и благодарности.

Но кокетка оказалась умнее и хитрее. Она принялась расхваливать работу: «Портрет замечательный, девушка очень-очень красивая…», делая вид, что не узнает себя. Смущенный Коненков был вынужден промолвить те самые слова, которых она и ждала: «Да это же именно твой портрет, и именно ты так хороша!»

Прелюдия закончилась. Не прозвучало ни одной фальшивой ноты.

Коненков, целуя ее, старался утешить:

– Ты, Марго, совершенно напрасно стесняешься своих родителей и сарапульского происхождения. Уютный, старинный городок. Я нигде столько церквей не видел. Знала бы ты, из какой я глуши вышел! Про такую деревню, как Верхние Караковичи, ты хоть краем уха слыхала?..

– Нет, а где это? – Марго гладила нежными пальчиками могучую грудь любовника и расспрашивала его о детстве, юношеских годах. Она умела слушать и не задавать глупых вопросов. А ему были приятны ее ласки, внимание к каким-то деталям его прошлого, а само погружение в воспоминания было слаще маминого клубничного варенья.

– На Смоленщине. Вот в этих самых Караковичах я и появился на свет. Давным-давно, еще в прошлом веке, аж в 1874 году. Дом у нас, с одной стороны, был, конечно, немаленький. Но, с другой, под его крышей ютилось аж двадцать шесть душ, представь себе… Однако жили довольно весело, без скандалов, в таком, знаешь ли, патриархальном духе…

* * *

Уже мальцом он непрестанно что-то лепил, и в его пальцах кусок сырой, вязкой глины превращался в птицу или неведомую сказочную зверушку. Наглядные уроки живописи он получил в 6-летнем возрасте, когда в их доме на некоторое время останавливался бродячий иконописец. Именно тогда Сергей под опекой богомаза впервые попробовал писать апостолов, Богоматерь, но иногда сбиваясь на сказочных героев – и Бову-королевича, и Еруслана Лазаревича, и Ивана-царевича. Рисовал он обычно вечерами в горнице, где керосиновая лампа хорошо освещала стол и, самое главное, никто не мешал. Очень скоро его иконы украшали красные углы чуть ли не каждой избы в Верхних Караковичах.

Зажиточные помещики Смирновы, чье имение располагалось неподалеку, решили помочь явно даровитому соседскому мальчишке. И, отправляя на учебу в Рославльскую прогимназию своего сына, они снарядили с ним и Сергея Коненкова. Их доверие он сполна оправдал, окончив прогимназию с отличием. У него был природный талант к мгновенному впитыванию знаний. Его интересовало все – и латынь, и музыка, и поэзия, и театр. Только не точные науки.

Дома на семейном совете решили, что Сережке нужно обязательно продолжать обучение: талант растет! В крестьянской среде вряд ли были известны жанры изобразительного искусства, но знающие люди подсказали, как и что, и посоветовали отправить Коненкова-младшего в Москву, в Училище живописи, ваяния и зодчества. Провожая, дядя Андрей сказал: «Вот последний раз даю тебе 50 рублей. Больше, уж ты извини, помогать мы не сможем...»

Опередив всех конкурентов, Сергей с блеском сдал вступительные экзамены. В училище он стремительно увлекся античной скульптурой, успешно импровизировал на темы древнегреческого искусства. Словом, считался первым среди первых. Только вот в желудке было пусто. Он знал, как прожить двадцать дней на рубль четыре копейки, питаясь одним только хлебом и кипятком. И когда известный коллекционер живописи Уманский, увидев на выставке его ученическую работу «Старик на завалинке», предложил за нее автору 15 рублей, тот готов был руки целовать своему благодетелю.

Затем по совету друзей Коненков уехал в Питер постигать вершины мастерства в Высшем художественном училище Академии художеств. И тут столкнулся с системой преподавания, которая вызвала резкое неприятие. В «Вышке» учили лепке, а не ваянию. Коненков же по своему складу был прежде всего скульптором, освобождающим образы от сковывающего их

материала. Его дипломной работой стал «Самсон, разрывающий узы». В нем была монументальность, простота и ясность. Впервые обнаружилось стремление Сергея к мифотворчеству. Но профессоров смущало, что модернистская трактовка библейского мотива приводила к грубому нарушению классических пропорций фигуры. Вот тогда-то Сергей и его единомышленник и собрат по художественному цеху Петр Кончаловский объявили войну академизму в буквальном смысле слова: как-то проходя вместе с друзьями-студентами ночным Питером мимо треклятой академии, они швырнули в окно ректору-ретрограду Беклемишеву грязную калошу. И надо же было тому случиться, что как раз в тот момент совершал объезд своих владений градоначальник Петербурга барон Нолькен. Подгулявших и не в меру расшалившихся студентов тут же отволокли в участок. Дело закончилось судом. Слава богу, за своих талантов вступился президент академии, профессор Чистяков (в чье окно по ошибке, кстати, залетела злополучная калоша), и хулиганы обошлись лишь штрафом – по 8 рублей с носа.

В дальнейшем даровитого скульптора Коненкова поддержали Репин и Куинджи. Именно благодаря им Коненков получил звание свободного художника. Правда, «Самсон» по распоряжению администрации академии был уничтожен, дабы вызывающая статуя не смущала умы и не будоражила воображение новых студентов.

Вскоре имя Сергея Коненкова не сходило с уст знатоков изобразительного искусства, газеты и журналы живо реагировали на каждое новое произведение Коненкова. Почтительно отзывались о них даже коллеги-скульпторы, что удивительно для художественной среды, дышавшей ревностью и завистью к успехам коллег. Работы Коненкова теперь могли покупать только очень состоятельные люди. Например, музыкант Анатолий Микули, чтобы приобрести коненковский портрет Баха, продал свою уникальную скрипку работы Гварнери. Еще один шедевр – портрет Паганини – купил для своего особняка миллионщик Рябушинский. А в доме прославленных купцов Морозовых на Ордынке роскошный камин в столовой комнате украсило деревянное панно Коненкова «Пиршество». Ради него они продали один из своих магазинов...

– Вот тогда у тебя «та самая Татьяна» появилась? – ревниво поинтересовалась Маргарита.

– Ну, примерно, – не отрицал Коненков.

* * *

Много позже отечественные биографы выдающегося скульптора, лауреата Ленинской премии, народного художника, Героя Социалистического Труда станут без устали живописать, как скульптор Сергей Коненков и простая фабричная девчонка Татьяна Коняева познакомились и полюбили друг друга на арбатских революционных баррикадах в бурные дни 1905 года, едва ли не отдаваясь друг другу под грохот канонады. Красивая, романтическая история в духе социалистического реализма.

А времечко тогда и впрямь было лихое, смутное и хмельное. Студенты и художники пили горькую во здравие японского императора и за упокой «Николашки последнего». Вдобавок головы кружил аромат забастовок. Ранним декабрьским утром того самого 1905 года в мастерскую Коненкова, которая размещалась на чердаке доходного дома, вломились возбужденные приятели:

– Сергей, ты сегодня на улицу выглядывал?

– Да нет еще. Во-первых, башка трещит. Во-вторых, работы много. Заказы горят. Мироед Филиппов, булочник, просто замордовал своими проектами.

– Да брось ты все, пошли скорей. Там твою «Прагу» сейчас громить начнут.

– Кто?

– Увидишь! Возле «Праги» рабочие баррикады понастроили. А на них солдат и жандармов бросили. Сейчас косить начнут.

– Да вы что?! – взревел Коненков.

Ресторан «Прага» в центре Москвы уже давным-давно был излюбленным местом отдохновения Сергея Тимофеевича. Ресторанная челядь своего постоянного посетителя тоже жаловала. За щедрость и простоту гастрономических вкусов: огурчики-помидорчики, селедочка, котлеты де-воляй с жареной картошечкой, ну и водочка, само собой…

Когда шумная, разномастная компания устремилась спасать знаменитое питейное заведение от погрома, у входа в ресторан обнаружились ощерившиеся бревнами, телеграфными столбами, обломками старых комодов, саней, бочек громады баррикад, опутанные железной проволокой – от «Праги» до Смоленского рынка, наглухо перегородившие весь Арбат. Жандармы, неуклюжие городовые, солдаты с винтовками и всадники в серых шинелях тщетно пытались их штурмовать, но отчаянные защитники своих редутов безжалостно отбрасывали их вниз шестами и оглоблями. До стрельбы дело пока не доходило, но по всему чувствовалось: вот-вот грянут залпы. Когда раздался первый командный выстрел, служивые третьего лейб-гвардии драгунского Сумского полка ринулись в потешную атаку. Правда,

без особого азарта.

Оценив поле схватки, Коненков подхватил под руку одного из приятелей и куда-то помчался, крикнув оставшимся: «Скоро вернусь! Непременно дождитесь!»

К «Праге» он возвратился где-то через час-полтора на извозчике. И не с пустыми руками – с ним был объемистый и, судя по всему, не легонький баул. Друзья поспешили навстречу: «Что привез? Никак подкрепление?» – «Угадали». Следом за Коненковым «революционеры» поспешили к черному ходу «Праги». Поблуждав знакомыми коридорами ресторана, через кухню друзья пробрались к баррикадам с тыла: «Братцы, мы к вам!» Молодые дружинники – судя по облику, речи и манерам, в основном из рабочего люда – душевно приняли новобранцев. Даже угостили «пражскими» пирожками. Тем паче на улице по-прежнему царило затишье. Солдаты и жандармы толпились в сторонке, а их отцы командиры о чем-то совещались, укрывшись в переулке.

– Ребята, да мы ведь к вам с гостинцами! – громыхал взъерошенный Коненков.

Он мигом распахнул баул и один за другим принялся вытаскивать из его нутра браунинги, легкие, изящные, родом из далекой Бельгии, и раздавать боевикам. Целыми пригоршнями он сыпал в их карманы патроны: «Держите, ребята!»

– Сергей, откуда ж у тебя такой арсенал?!.

– Места надобно знать, – смеялся довольный Коненков. – Откуда, откуда? Из магазина Биткова, что на Сретенке. Там такого добра навалом...

Покончив с раздачей оружия, довольный Коненков уселся на какой-то ящик и огляделся по сторонам. Тут же зоркий глаз художника выхватил из толпы яркую, статную, буквально пышущую здоровьем девушку. Ее трудно было не заметить. Крупная, с крепкими руками и не менее мощными ногами, она пыталась застегнуть овчинный полушубок на высокой груди, но у нее ничего не получалось, даже лоб покрылся испариной, а щеки раскраснелись. Вот же какая прелесть!

Коненков, недолго думая, подошел к ней и представился:

– Сергей Коненков. Художник, скульптор. Вам помочь?

– Спасибо, обойдусь. А я – Таня.

– Прекрасное имя. Очень приятно, Таня. Я хотел бы делать ваш портрет.

Он тотчас как бы забыл о событиях, которые творились вокруг.

– Приглашаю вас, Таня, в ресторацию. Прошу сюда. Официанты и повара все равно там от пальбы хоронятся, делать

им нечего. Обещаю, накормят до отвала, – и сделал широкий жест.

С того дня или даже ночи дочь кочегара Татьяна Коняева стала единственной натурщицей Коненкова. Через шесть десятков лет он напишет: «Все эти дни счастливая, смелая до дерзости, она смотрела на мир сияющими глазами...» Возвращаясь из мастерской вдвоем к «Праге», на баррикады, они переговаривались-перешучивались с боевиками, изредка постреливали в сторону дома, за которым таились солдаты драгунского полка. Те в ответ тоже стреляли, и тогда Тане приходилось перевязывать раненых, а Сергей помогал ей, а заодно увлекательно рассказывал о великих художниках и странах, в которых уже успел побывать.

Когда в Москву прибыл верный императору лейб-гвардии Семеновский полк и по баррикадам грянули артиллерийские залпы, так называемая рабочая дружина Коненкова рассыпалась с Арбата – кто в подвалы, кто на чердаки, кто в провинцию.

Безумно перепуганный 16-летний поэт Сергей Клычков, с которым на Арбате познакомился Коненков, сбежал к себе в родную деревню Дубровки, что в Тверской губернии. Худой и черный, он несколько месяцев отсиживался в сараюшке, опасаясь ареста. И между делом, отвлекаясь от грустных мыслей, пытался рифмовать, кропая «революционные» строки:

То поднялся мужик
С одра слезного,
Стал могуч и велик
Силой грозною...

Зато позже, вспоминая «баррикадные дни» пятого года, Клычков горделиво писал: «Десять дней мы держали в руках старый Арбат...»

Ну а Таня Коняева покорно шла следом за своим скульптором по снежной Москве. Ночью в мастерской он лепил с нее Нику, античную богиню победы. Потом «Ладу», «Коленопреклоненную», несколько работ на темы «Эллады». Под окнами мастерской догорали прежде неприступные баррикады, яркими бликами освещая Танино лицо и богатое тело.

Когда окончательно стихли уличные бои, Коненков вернулся в булочную-кафе Дмитрия Филиппова на Тверской: «Продолжим?» – «А ты как хотел? – ответил хмурый заказчик. – За тобой же и «Вакх», и «Вакханка» остались». – «Годится?» – спросил Коненков, указывая на фактурную натурщицу Таню Коняеву, которая пришла вместе с ним к знаменитому хлебопеку.

– Ух ты! Угадал. Да я бы ее тут, как живую натуру, оставил...

Есть, есть чем глаз порадовать.

Позже Татьяна стала женой Сергея Тимофеевича и матерью его сыновей. Но прежде всего мастер считал Татьяну Коняеву непревзойденным «гением искусства позирования».

* * *

Весной 1914 года Коненков получил возможность переехать в мастерскую на Пресне, и там он сразу все стал обустраивать по-своему. Перекопал пустырь вокруг флигеля и посеял рожь с васильками, среди диких зарослей сирени, жасмина и шиповника соорудил всякие подсобные службы. Здесь же, возле сарая, по-деревенски запасливый, он возвел целую пирамиду – огромную поленницу отменных дровишек.

Мастерская стала и студией, и домашним очагом, и клубом, и выставочным залом. При этом публика собиралась порой самая разношерстная. Возникали призрачные фигуры бездомных художников. Здесь дневал и ночевал Сергей Есенин, позже танцевала Айседора Дункан, хватив спирта, пел Федор Шаляпин, читали стихи Анатолий Мариенгоф и Сергей Клычков, рассказывал о своих театральных замыслах Всеволод Мейерхольд, приносил новые полотна Петр Кончаловский... На встрече богем двух столиц могли вдруг явиться приглашенные Коненковым слепые лирники и тянуть свои бесконечные монотонные песни... Под настроение хозяин мастерской тоже иногда брал в руки лиру и заунывно распевал любимую оду «Об Алексии, божьем человеке, о премудрой Софии и ее трех дочерях – Вере, Надежде, Любови». Компания благоговейно млела, полагая, что припадает к истокам, к исконно народному, русскому, православному, домотканому творчеству...

Как вспоминал Мариенгоф, для Сергея Коненкова род человеческий разделялся на людей с часами и людей без оных. Определяя кого-либо на глазок, он обычно бурчал: «Этот с часами...» И все уже понимали, что если речь шла о художнике, то рассуждать о его талантах было бы незадачливо, а слушать стихи крикливого, дурно пахнущего футуриста и вовсе необязательно.

Но какие же страсти тут кипели, творческие, мягко говоря, дискуссии, едва не доходящие до драк! Одним из предметов столкновений была, например, космогония, к которой Коненков в поисках смысла мироздания испытывал неукротимый интерес. Есенин же, будучи человеком земным, к тому времени рассорившимся с Богом, подводил итоги диспутов своей черной строкой:

«Не молиться тебе, а лаяться
научил ты меня,
Господь...»

Но случались и иные поводы для стычек и конфликтов. После того как Есенин прочел друзьям главы из своего «Пугачева», Всеволод Мейерхольд тотчас с жаром заговорил о необходимости постановки поэмы в его театре.

– А вот художником пригласим Сергея Тимофеевича, – обратился режиссер к Коненкову, – он нам здоровеннейших этаких деревянных болванов вытешет.

У Коненкова на лоб глаза полезли:

– Кого, кого?

– Я говорю, Сергей Тимофеевич, вы нам болванов деревянных...

– Болванов?!

И Коненков так брякнул о стол стаканом, что во все стороны брызнуло стекло мельчайшими осколками.

– Ну... статуи... из дерева... Сергей Тимофеевич... – пролепетал Мейерхольд.

– Для балагана вашего?!

Коненков встал и, обращаясь к Есенину и Мариенгофу, извинился:

– Ну прости, Серега... прости, Анатолий... Я пойду... пойду от этих «болванов» подальше...

Смертельно обиженный, он вышел из-за стола и, громко хлопнув дверью, удалился в темный вечер.

Обескураженному Мейерхольду Есенин сразу принялся выговаривать, нравоучать:

– Все оттого, Всеволод, что ты его не почуял... «Болваны»!.. Разве возможно?!. Ты вот бабу так нежно по брюху не гладишь, как он своих деревянных «мужичков болотных» и «стареньких старичков»... в мастерской у себя никогда не разденет при чужом глазе... Заперемшись, холстяные чехлы снимает, как с невесты батистовую рубашечку в первую ночь... А ты – «болваны»... Разве возможно?!

Присутствовавший тут же художник Жора Якулов утешал Мейерхольда на свой манер:

– Он... гхе-гхе... Азия, Всеволод, Азия... Вот греческую королеву лепил... в смокинге из Афин приехал... из бородищи своей эспаньолку выкроил... Ну, думаю, европейский художник... а он... гхе-хге... пришел раз ко мне, ну... там шампанское было, фрукты, красивые женщины... гхе-гхе... он говорит: двинем ко мне, на Пресню, здесь, гхе-гхе, скучно... Чем, думаю, после

архипелага греческого подивит... а он сюда, в кухню, к себе привез... водки две бутылки... гхе-гхе... огурцов соленых, лук головками... а сам на печь и... гхе-гхе... за гармошку... штиблеты снял, а потом... гхе-гхе... пойте, говорит: «Как мы просо сеяли, сеяли»... Можно сказать, красивые женщины... гхе-гхе... жилет белый... художник европейский... гхе-гхе... Азия, Всеволод, Азия...

А Есенин тут же выдал экспромт:

Пей, закусывай изволь!
Вот перцовка под леща!
Мейерхольд, ах, Мейерхольд,
Выручай товарища!

– Жаль, Сергей Тимофеевич тебя не услышал, – вздохнул, едва не всхлипнув, осрамившийся Мейерхольд.

– Ничего, – утешил его Есенин. – Я Сергею другие частушки сочиню.

После ухода Тани вместе с Сергеем Тимофеевичем главным «правителем» во флигеле стал коненковский дворник, нянька и верный друг «дядя Григорий» – Григорий Александрович Карасев, кроме всего прочего, любивший поучать жизни заглянувших на Пресню друзей-приятелей хозяина.

«У этого человека был меткий и зоркий взгляд, – говорил Коненков. – Говорил он мало, но веско. Я всегда прислушивался к его замечаниям. Каждое слово было глубоко осмысленным, а если он молчал, это было молчание понимающего и думающего человека».

Именно таким он и вырубил его из двухметрового кряжа – своего народного мыслителя, человека непреклонного характера, нелицеприятного судию жизни.

А друзьям Коненков советовал:

– Ты его слушай да в коробок свой прячь – мудро он говорит: кто ты есть? А есть ты человек. А человек есть – чело века, – и указывал при этом на сократовский лоб Григория Александровича.

А потом, взяв гармошку, затягивал любимое есенинское «Яблочко», приглашая всех продолжить застолье:

Эх, яблочко
Цвету звонкого,
Пьем мы водочку
Да у Коненкова!

...На первых порах новая спутница Сергея Коненкова прелестница Маргарита была подлинной «королевой бала» в его

товариществе. Ей дарили цветы, посвящали стихи, пели романсы. В честь ее поднимались бокалы и стаканы, преподносились нежные розы и произносились изысканные тосты.

Но со временем интерес к ней стал естественным образом угасать, и в шумной хмельной компании Маргарита, уже привыкшая быть в центре внимания и благосклонно принимать нескончаемые комплименты, ушла в тень Коненкова, затерялась. Но она не могла чувствовать себя одной из многих. Ей нужно было быть единственной. А здесь каждый считал себя неповторимым и гениальным. Марго завидовала, когда слышала обволакивающие ласковые слова, адресованные, увы, не ей. Вон Есенин, взяв за руку Надю Вольпин, все шепчет ей какую-то нежную чепуху: «Мы так редко вместе. В этом только твоя вина. Да и боюсь я тебя, Надя! Знаю: я могу раскачаться к тебе большой страстью!»

Маргарита нуждалась в бесконечном поклонении, восхищенных взглядах, тайных ухаживаниях, особых знаках внимания. Ей явно недоставало влюбленности Коненкова. Она хотела чувствовать себя победительницей и других мужских сердец. Как же вовремя попался под руку Боренька Шаляпин! Да-да, тот самый юный робкий мальчик теперь пришел учиться ремеслу у самого Сергея Тимофеевича Коненкова.

Но это смятение чувств было совсем непродолжительным. До того самого момента, пока Воронцова женским чутьем не уловила роковую опасность, исходящую со стороны дочери знаменитого художника Петра Кончаловского Натальи, которая с нескрываемым восторгом смотрела на своего крестного отца, на ее, Маргариты, пусть гражданского, но мужа, Сергея Тимофеевича Коненкова…

Впрочем, она напрасно беспокоилась. Далеко не глупенькая Наталья Кончаловская вскоре смирилась, когда увидела: «…Был выточен из дерева первый портрет Маргариты Ивановны, и с ним вошла в жизнь Сергея Тимофеевича любовь и прогнала его одиночество. Отошли в сторону мужики, мастеровые с постоянной четвертной бутылкой водки, которую я, бывало, прятала от всей честной компании, где-нибудь зарыв ее в углу в стружке. Пришла забота женских рук, прелестных ручек Маргариты, пришло время заменить косоворотку свежими воротничками рубашки и галстуком, а высокие сапоги – элегантными ботинками, и незаметно я отошла от повседневного пребывания в мастерской…» [1]

Коненков же без конца ваял свою новую единственную натурщицу Маргариту, пока еще просто гражданскую жену. Только любовь и талантливые руки позволили мастеру явить всем

скульптуру «Обнаженная фигура в рост». Увидев откровенную работу Коненкова, Есенин бросился к другу и принялся целовать его руки:

– Гениально, Сергей, гениально!..

Хотя, конечно, сам гениальный скульптор был трудным вариантом для любой женщины. Высокоразвитое женское начало помогало Маргарите быть гибкой, почти рабой, безропотной, покорной крепостной девкой, – и она становилась именно такой, какой он хотел ее видеть при себе. Она понуждала себя многое ему прощать, завихрениям потакала или закрывала на них глаза. И никоим образом не выказывала своего недовольства, когда внезапно, среди ночи, в дверь флигеля барабанил кулаком кто-нибудь из приятелей Коненкова, требуя немедленно впустить.

– Это я – Есенин. Пусти!

– Придумай экспромт – тогда пущу, – блажил сонный хозяин.

Минуты не проходило, как из-за двери раздавался громогласный в ночи есенинский баритончик:

Пусть хлябь разверзнулась!
Гром – пусть!
В душе звенит святая Русь,
И небом лающий Коненков
Сквозь звезды пролагает путь.

– Ну, коли так, заходи.

И ночи как не бывало. Зато какой волшебный рассвет потом приходил...

А то как-то поздним зимним вечером после спектакля заявился гостевать Федор Иванович Шаляпин: «Пустите погреться? На дворе стужа собачья». Как не пустить? Шаляпин сразу же устремился к кирпичной печечке, сложенной дядей Григорием посреди мастерской. Потом, отойдя от морозца, Федор Иванович скинул доху и предстал перед друзьями весь в белом – в джемпере с высоким воротом, в белых валенках. Красавец! – залюбовались им друзья. А Коненков, глядя на него, сказал:

– Слушай, Федор Иванович, а ведь мы с тобой оба русские мужики. Ты из вятских, я из смоленских. Ты вот гляди какой белый березовый ствол, а я как темная дубовая кора...

В ту пору седина Сергея Тимофеевича еще не коснулась. Чернобородый, в красной косоворотке, он сидел за столом и, хитровато посматривая на своего гостя, продолжал:

– Тебе вот бог дал великолепный слух, несравненный голос, а мне бог дал верный глаз и вот эти руки. Посмотри, какие они у меня!

(Руки у Коненкова, конечно же, были примечательными. Та

самая юная, 16-летняя поклонница скульптора, будущая писательница Наташа Кончаловская восхищалась его кистями: «Когда он их клал на стол, отдыхая, то такое было впечатление, что им самим были вырезаны из темного дерева. Длинные пальцы, сильные – удивительные руки...»)

Но вот тут у великого баса взыграло самолюбие:

– У меня у самого руки сильные, смотри, какая у меня рука!

Тогда Коненков ухватил Шаляпина за лапищу и, упершись локтями в стол, принялся с ним бороться. Пыхтели-пыхтели, пока дядя Григорий не кинулся разнимать разгоряченных, покрасневших от натуги бойцов:

– Сергей Тимофеич, бросьте, вы ж Федору Ивановичу ручку поломаете. Ну как он выйдет на сцену, а ему ведь распахнуться надобно...

Все рассмеялись, и богатыри миром разошлись...

А ей так хотелось сидеть не на грубой деревянной скамье, а в кресле, и слышать звон хрустальных бокалов, а не граненых стаканов, и закусывать шампанское не огурцами и мочеными яблоками, а грушами «бере клержо».

БАВАРИЯ, ШВЕЙЦАРИЯ и далее везде, конец XIX – начало XX в.

– Герман, я с ума схожу. Альбертлю уже скоро семь, а он до сих пор говорит только «да», «нет», «хочу», «не хочу»... Разве это нормально?

– Прошу тебя, Паулина, не надо так волноваться. Перерастет, – пытался успокоить жену Герман Эйнштейн. – Он вполне нормальный, здоровый парень. Ты не переживай. Ну, хочешь, давай еще раз съездим к герру доктору, пусть еще посмотрит нашего мальчика.

– Хорошо.

Развитие Альберта крайне беспокоило родителей. Мальчик явно отставал от своих ровесников, был малообщителен, в разговоре обходился односложными фразами: «Пойду гулять», «Спокойной ночи», «Доброе утро», «Кушать», «Не буду». Наблюдались и другие признаки легкой формы аутизма, самопогружения маленького человечка в его собственный, никому не доступный мир.

Зато, будучи в зрелом возрасте, Эйнштейн получил возможность подтрунивать над любопытными собеседниками, которые интересовались, как это ему удалось создать теорию относительности: «Почему именно я создал теорию относительности? Когда я задаю себе такой вопрос, мне кажется, что причина в следующем. Нормальный взрослый человек вообще не задумывается над проблемой пространства и времени. По его мнению, он уже думал об этой проблеме в детстве. Я же развивался интеллектуально так медленно, что пространство и время занимали мои мысли, когда я стал уже взрослым. Естественно, я мог глубже проникать в проблему, чем ребенок с нормальными наклонностями».

Но еще более родителей беспокоило то, что на Альберта иногда накатывали необъяснимые припадки гнева, и в эти моменты лицо его становилось совершенно желтым, а кончик носа бледнел. Как правило, свою злость Альберт срывал на своей младшей сестре Майе. Однажды он швырнул в нее кегельный шар, в другой раз едва не пробил ей голову детской лопаткой. Когда родители надумали обучать его игре на скрипке, мальчик безмерно страдал и... доводил до исступления своих мучителей учителей.

В десять лет будущий гений поступил в Мюнхенскую гимназию. С учебной программой справлялся, переходя из класса

в класс, но занятия его мало интересовали, как, впрочем, и обычные школьные забавы. Академическое образование его раздражало своей скукотой, зато дома он наслаждался свободой… Он мастерил различные механические модели, дядя Якоб, живший в семье, нередко подсовывал племяннику разные математические задачки и головоломки, и мальчишка был счастлив, когда ему удавалось с ними справляться. Якоб пытался внушить племяннику: «Алгебра – веселая наука. Когда мы не можем обнаружить зверя, за которым охотимся, мы временно называем его «икс» и продолжаем охоту, пока не засунем его в подсумок».

Заметив неподдельный интерес юнца к точным наукам, друг семьи Эйнштейнов, студент-медик Макс Талмуд подсунул Альберту евклидовы «Начала», потом «Силу и материю» Бюхнера, «Критику чистого разума» Иммануила Канта. Вселенная Альберта перевернулась еще раз – он открыл для себя строгие доказательства геометрии и абстрактные понятия философии. Его временные религиозные настроения улетучились, он стал исповедовать нечто вроде космической религии неверующего, сохранившуюся на всю жизнь.

Юного Альберта особенно озадачила фраза Канта: «Смех есть аффект от внезапного превращения напряженного ожидания в ничто». Он разгадал эту головоломку: когда некое напряжение разряжается в ничто, ему на смену приходит расслабление, которое выражается в телесных конвульсиях. Мудрый германский философ настаивал, что смех целителен, но совершенно противостоит идее свободы, потому что действует помимо воли человека…

Преподавателей Эйнштейн раздражал своим независимым поведением, но особенно своей замедленной речью. Детей здесь муштровали, они маршировали, а учителя не вразумляли, а рявкали. Это была не школа – казарма. С презрением вспоминая годы своего ученичества, Эйнштейн говорил: «Учителя в начальной школе казались мне сержантами, а в гимназии – лейтенантами».

А «лейтенанты» качали головами и печально предрекали: «Из вас, Эйнштейн, никогда ничего путного не выйдет».

В конце концов он даже собрался бросить гимназию, просил психиатра выдать ему справку о необходимости полугодового академического отпуска для восстановления здоровья. Но руководство гимназии его опередило, за год до выпуска сказав ему: «Ауфвидерзеен!»

Завершать образование родители отправили Альберта в швейцарский городок Аарау. Там ему предложил кров школьный

преподаватель древнегреческого языка и истории Йост Винтелер. Жизнь в доме учителя сулила массу преимуществ. Но главным, помимо чисто бытовых и учебных удобств, оказалось то, что в соседней с постояльцем комнате обитала очаровательная дочь учителя, 19-летняя Мари.

Много позже она сама вспоминала, что «они очень любили друг друга, но их любовь была чистой». Может быть. Но кто знает, вероятно, пребывая уже в почтенном возрасте, дама просто не имела желания откровенно говорить о своих девичьих шалостях с несовершеннолетним юношей? Во всяком случае, когда Альберт уехал в Цюрих поступать в местный политехнический институт, Мари была до глубины души оскорблена, сочтя, что возлюбленный ее безжалостно бросил. В итоге испереживалась до такой степени, что даже угодила в психбольницу.

Но Эйнштейн продолжал трогательно убеждать ее в своих чувствах: «Какое очаровательное письмо, оно меня бесконечно обрадовало. Какое блаженство прижать к сердцу листок бумаги, на который с нежностью смотрели эти дорогие мне глаза, по которому грациозно скользили твои прелестные ручки. Мой маленький ангел, сейчас впервые в жизни я в полной мере почувствовал, что значит тосковать по дому и томиться в одиночестве. Но радость любви сильнее, чем боль разлуки. Только теперь я понимаю, насколько ты, мое солнышко, стала необходима мне для счастья. Ты значишь для моей души больше, чем прежде значил весь мир».

Альберт ничуть не врал, писал совершенно искренне, он всякий раз влюблялся раз и навсегда. Но столь же скоро остывал. Много позже в минуту откровения он признался: «Очень скоро я устану от теории относительности. Даже такая страсть улетучивается, когда ей уделяешь слишком много внимания...» Хотя нет, в любви к физике Эйнштейн был более постоянен, нежели в любви к женщинам.

Мари отвечала ему с той же страстью: «Я не могу найти слов просто потому, что их нет в природе, чтобы рассказать тебе, какое блаженство почиет на мне с тех пор, как твоя обожаемая душа избрала себе обителью мою душу... Я люблю тебя вечной любовью, и пусть Господь спасет и сохранит тебя... Милый, милый, любимый, наконец-то, наконец-то я счастлива, как бывает только тогда, когда я получаю твои бесценные, бесценные письма».

При первой попытке поступления на педагогический факультет Цюрихского политехникума Эйнштейн потерпел фиаско, провалив экзамены по ботанике, зоологии и французскому языку.

Лишь со второго захода ему удалось стать студентом, хотя и получил весьма средние баллы. В новой студенческой среде Альберта особо стало тяготить одиночество. Он нуждался если не в друзьях, то хотя бы в собеседниках или в человеке, который бы смог его выслушать, услышать и понять.

Альберта вряд ли можно было назвать прилежным студентом. Лекции он посещал нерегулярно, предпочитая читать учебники дома, а экзамены сдавал по конспектам своего приятеля Марселя Гроссмана. От студенческих пирушек старался уклоняться, ссылаясь на Бисмарка: «Пиво делает людей глупыми и ленивыми». Но когда избежать дружеских посиделок бывало невозможно, компании никогда не портил. Его шутки ценились очень высоко. Хотя себя он считал человеком, у которого «нет потребности часто встречаться с людьми», время от времени он нередко проводил легкомысленные вечера за сигарой, кофе и застольной болтовней, ухлестываниями за девушками.

Одну свою сердечную подружку из Аарау, Джулию Ниггли, он покровительственно поучал: «До чего же странная девичья душа! Неужели вы действительно верите, что сможете обрести безмятежное счастье через другого человека, даже если этот человек один-единственный любимый мужчина? Я близко знаком с этим животным по личному опыту, ибо я один из них. Я точно знаю, что от них нельзя многого ожидать. Сегодня мы грустны, завтра веселы, послезавтра холодны, затем опять раздражительные и усталые от жизни – да, я чуть не забыл о неверности, и неблагодарности, и эгоизме – о том, что нам присуще в значительной степени, чем милым девушкам...»

Единственной представительницей прекрасного пола в группе студентов оказалась Милева Марич, сербская девушка из известной в Воеводине состоятельной и уважаемой католической семьи. Как и Альберт, она увлекалась физикой и математикой, и мысли, идеи, которые высказывал молодой Эйнштейн, звучали для нее мелодиями любовных признаний. И то, с каким кротким вниманием она относилась к его словам, покорило Альберта. Именно это, а далеко не живость ума или привлекательная внешность, коими Милева, мягко говоря, не обладала, сблизило молодых людей. (Хотя застенчивый Альберт по-прежнему отсылал свое грязное белье для стирки Мари в Аарау, и та высылала его выстиранным обратно по почте.) Но, сделав окончательный выбор в пользу Милевы, в своем прощальном письме бывшей возлюбленной Эйнштейн опять напоминает ей сакраментальное: «Любовь приносит больше счастья, чем жажда встречи – боли». Хотя кто знает, если бы в политехникуме училось еще несколько девиц, выбор симпатичного и любвеобильного парня по имени

Альберт пал бы на какую-нибудь другую, а не на Милеву...

Но Милева была рядом, стоило только протянуть руку, чтобы почувствовать исходящее от нее тепло, отклик и безмерную покорность. Она действительно была идеальной партнершей для Эйнштейна, безошибочно понимавшая его научный говорок. К тому же была какой-никакой, но все же женщиной, в нежности и ласках которой он постоянно нуждался: «Целую тебя повсюду, где ты мне разрешаешь».

Отправившись после окончания политехникума в Италию, Альберт засыпает возлюбленную нежными письмами: «Ты обязательно должна приехать сюда, моя очаровательная волшебница. Потеряешь немного времени и доставишь мне небесные наслаждения». Молодой Эйнштейн страдал: «...Я потерял разум, умираю, пылаю от любви и желания. Подушка, на которой ты спишь, во сто крат счастливее моего сердца! Ты приходишь ко мне ночью, но, к сожалению, только во сне...»

Милева, разумеется, откликнулась на зов будущего гения (в чем была абсолютно уверена) и явилась наяву. А потом неожиданно обнаружила, что беременна. Стало быть, не зря Альберт с восторгом вздыхал: «...Приятные воспоминания о том, как счастлива ты была в наш последний день, проведенный вместе, не покидает меня. Так что позволь мне поцеловать твой маленький ротик, чтобы не дать уйти этому счастью!»

По окончании политехникума Альберт почти два года маялся неприкаянным, перебиваясь частными уроками. Он был единственным из выпускников отделения физики и математики, оставшимся без всяких видов на трудоустройство. Получив диплом преподавателя математики и физики, он (кстати, как и Коненков в Питере) остался «вольным художником».

По-разному толкуют факт, что Эйнштейна не оставили работать в политехникуме. Кто-то говорил, что виной тому его неприкрытый атеизм. Ведь юноша, заполняя анкету, в графе «религиозная принадлежность» написал: «Никакой религии». Другие решительно отрицали наличие в нем каких-либо преподавательских способностей. Сам Эйнштейн был уверен в ином: «Я был третируем моими профессорами, который не любили меня из-за моей независимости и закрыли мне путь в науку». Во всяком случае, профессор Вебер, руководитель кафедры, на которой учился будущий отец релятивизма, наотрез отказался оставить на работе молодого вольнодумца, который в нарушение корпоративного кодекса осмеливался называть его не «господином профессором», а просто «господинам Вебером». Даже заступничество влиятельного профессора Минковского, первым угадавшего гениальные способности своего студента, не помогло.

Позже, исходя из собственных неприятностей, Эйнштейн вывел свою первую гениальную формулу – «формулу успеха»:

$A = X + Y + Z$,

где A – успех, X – труд, работа, Y – игра и отдых, а Z – умение держать язык за зубами. Он не отчаивался, потому что знал, что человек, потерпевший поражение, знает о том, как побеждать, больше, чем тот, к кому успех приходит сразу.

* * *

Он так бы и прозябал в нищете, оставаясь «свободным художником», если бы, по мнению некоторых современников, в его судьбу не вмешались «вольные каменщики». Как они считали, именно масоны сумели разглядеть в молодом, амбициозном ученом потенциальную звезду первой величины и протянули руку помощи.

Один из близких приятелей Эйнштейна по политехникуму, Марсель Гроссман, обратился за помощью к отцу, тот рассказал о проблемах Альберта директору Федерального ведомства патентов в Берне, а последний, встретившись с Эйнштейном, предложил ему далеко не пыльную и вовсе не хлопотную должность референта патентного бюро третьего класса с годовым жалованьем в три с половиной тысячи швейцарских франков. Это было уже кое-что. Ведь в годы студенчества приходилось жить на сто франков в месяц, которые ссужали Альберту богатые родственники из Генуи. Да и из этой суммы двадцать франков он откладывал, чтобы, собрав необходимую тысячу франков, заплатить за швейцарское гражданство. Оставаться гражданином Германии Эйнштейну откровенно не хотелось.

Бернский период своей жизни и службу в патентном бюро Эйнштейн назвал «счастливыми годами» – «...после восьми часов работы остается еще восемь часов на всякую всячину, да еще есть воскресенье». «Всякой всячиной» стала «Академия Олимпа». Даже спустя десятилетия Альберт Эйнштейн напоминал своему другу юности Морису Соловину: «Хорошее было время тогда в Берне, когда мы учредили нашу веселую академию, которая была менее ребяческой, нежели те почтенные академии, с которыми я близко познакомился позднее». Компания «веселых академиков» образовалась стихийно. Соловин, постигавший в университете основы философии, откликнулся на приглашение Эйнштейна посещать частные уроки по физике. Впрочем, уроки вскоре переросли в дискуссии по мировоззренческим проблемам. Морис предложил своему новому другу вместе читать и обсуждать

интересные книги. Вскоре к ним присоединился Конрад Габихт, который приехал в Берн завершать свое математическое образование. Свой кружок они и окрестили «Академией Олимпа». Они собирались после работы и учебы и вслух читали сочинения Спинозы, Юма, Маха, Гельмгольца, Пуанкаре, математические трактаты, шедевры мировой литературы – Софокла, Расина, Диккенса, Сервантеса... «Прочитывалась одна страница, – вспоминал Соловин, – иногда только полстраницы, а порой только одна фраза, после чего следовало обсуждение, которое, если вопросы были важными, могло затянуться на много дней». Чуть позже в компании появился Мишель Бессо, который, по мнению Эйнштейна, был лучшим резонатором новых идей. Именно он был первым, кому Эйнштейн решился рассказать о своей теории относительности. Свою статью «К электродинамике движущихся тел» первооткрыватель релятивизма резюмировал так: «В заключение отмечу, что мой друг и коллега М.Бессо явился верным помощником при разработке изложенных здесь проблем и что я обязан ему рядом ценных указаний».

Кислые перспективы семейной жизни Альберта волновали куда меньше, нежели «Академия Олимпа».

Рожденную в сербском городе Нови-Сад девочку назвали Лизой. Преисполненный возвышенных чувств молодой отец спрашивал в письмах у Милевы: «Здорова ли она, послушна ли? Какого цвета глазенки? На кого из нас больше похожа?» Впрочем, саму девочку увидеть ему так и не довелось. В силу тогдашних пуританских нравов ребенок, рожденный вне брака, считался незаконнорожденным. А учитывая, что в тот момент Эйнштейн рассчитывал на получение швейцарского гражданства и работу в патентном бюро, сей факт считался крайне нежелательным. За моральным обликом потенциальных кандидатов на гражданство тщательно следили детективы.

На родине Милеве пришлось отдать девочку на удочерение. Но Лизерль скончалась еще в младенчестве во время эпидемии скарлатины и, как внебрачная и некрещеная, была безымянно похоронена, предвосхитив судьбу матери.

Ни о каком браке на Милеве Альберт даже не помышлял. К тому же его родители категорически возражали против его женитьбы. Заботливая матушка Паулина наставляла сына: «Она книжница, как ты, – а тебе нужна жена. Когда тебе будет 30, она уже будет старой ведьмой» (Милева была старше Эйнштейна на три с половиной года).

Тем не менее 6 января 1903 года молодые люди узаконили свои отношения. Отужинав в кабачке с бернскими друзьями Альберта, новобрачные отправились домой, на съемную квартиру,

у дверей которой выяснилось, что незадачливый супруг где-то (видимо, на работе) забыл ключи. А молодая жена так мечтала о первой законной брачной ночи...

Но вскоре он с восторгом сообщал своему другу: «Она умеет позаботиться обо всем, прекрасно готовит и все время в хорошем настроении». А уже через несколько лет Эйнштейн уже признавался, что женился из чувства долга, а Милеву называл «женщиной необычайно отвратительной». Как тут не вспомнить классическое: «Мама была права!»?

* * *

1905 год (как для Коненкова в кровавых схватках на Пресне, у ресторана «Прага») для Эйнштейна стал поворотным. Биографы назвали этот год в физике «Годом чудес» (Annus Mirabilis). Одна за другой в берлинском журнале «Анналы физики» выходят статьи Эйнштейна, ставшие классическими, – о фотоэлектрическом эффекте, броуновском движении, специальной теории относительности, а также о взаимосвязи материи и энергии со ставшей знаменитой формулой E = mc2 (его второй гениальной формулой), на основе которой происходит высвобождение атомной энергии.

Эти публикации произвели настоящий фурор. С его революционными идеями не соглашались, восхищались, пытались оспорить. Но главное – молодого ученого заметили, он заставил с собой считаться. Уже через несколько месяцев после обнародования этих работ польские физики в Кракове не побоялись объявить, что появился новый Коперник. Прошло еще около четырех лет, и крупнейшие германские теоретики – Планк, Нернст и фон Лауэ – вынуждены были признать, что Эйнштейн – гений.

Создатель квантовой теории света Макс Планк прочел статьи Эйнштейна в постели, свалившись с высокой температурой. Прочел раз, другой и заключил:

– Больше болеть нельзя.

Он понял и принял взгляды мало кому известного физика. Но наука уже стояла на пороге этого открытия.

Главным источником познания для Эйнштейна была интуиция. Когда он работал над теорией относительности, у него недоставало богатого знания математики, как у первоклассных физиков-теоретиков. Он признавал: «Моя интуиция в математике не была достаточна сильной, чтобы я мог тогда различать существенно важное, отделив его от остальной, более или менее

обязательной учености. Кроме того, у меня был безграничный интерес к познанию природы, но как студенту мне еще не было ясно, что путь в глубины теоретической физики связан с самыми сложными математическими расчетами. Мне стало это ясно только после многих лет самостоятельной научной работы...»

А Милева все плакалась:

– Весь день я стираю, стряпаю и так устаю к вечеру, что не могу даже прочесть научный журнал...

Не примирило супругов и рождение двух сыновей. Тем более что один из них – Эдуард, страдал, по заключению врачей, «больным головным мозгом и нервами». Хотя Альберта Эйнштейна поразила парадоксальная мысль его сынишки, который как-то грустно сказал: «Самая плохая судьба – это не иметь судьбы и ни для кого не быть судьбой».

* * *

Гениальный физик отличался незаурядным мужским началом. Он не пропускал ни одной юбки, включая домашнюю прислугу. Его друг Януш Плеш, свидетель многих ранних любовных похождений Эйнштейна, писал: «Эйнштейн любил женщин, и чем проще они были, чем больше они пахли и потели, тем больше он их любил». В молодости он не предпринимал поиск женщин по каким-то своим мечтаниям, а брал тех, кто случаем попадался под руку. Как правило, все они оказывались старше, опытнее. Альберт ценил в них не внешние данные, а доступность и бытовые удобства. Но всех держал на расстоянии от своих привычек и дел.

Женщины с первого взгляда очаровывались Альбертом, считая его «каким-то светящимся». Наталья Сац, создатель и руководитель Московского театра для детей, на всю жизнь запомнила свою случайную встречу с Эйнштейном во время берлинских гастролей в начале 30-х годов прошлого века. Она даже не догадывалась, что перед ней великий физик, просто любовалась интересным мужчиной: «Где я видела эти черные, одна выше, другая ниже, словно в пляске, брови, большие карие смеющиеся и такие лучистые глаза, мягкий подбородок, высокий лоб, черно-седые волосы, которым, видимо, очень весело и свободно на этой голове? Галстук набок, обжитой пиджак...»

Устав выслушивать претензии глупой ревнивицы жены, Альберт решил покинуть семью. Но, поразмыслив, все же остался. Однако предъявил ультиматум: «Если ты хочешь замужества, – заявил он Милеве, – ты должна согласиться на мои условия, вот

они: во-первых, ты заботишься о моей одежде и постели; во-вторых, приносишь мне трижды в день еду в мой кабинет; в-третьих, ты откажешься от всех личных контактов со мной, если только они не диктуются общественной необходимостью; в-четвертых, всегда, когда я тебя попрошу об этом, ты оставляешь мою спальню и кабинет; в-пятых, без слов протеста ты выполняешь для меня научные расчеты; в-шестых, не ожидаешь от меня никаких проявлений чувств».

Его в те годы (как, впрочем, и всегда) больше занимали проблемы мировоззренческие, нежели тонкости супружеских отношений. Он писал: «Я хочу узнать, как Бог создал мир. Мне не интересны те или иные явления в спектре того или иного элемента. Я хочу знать Его мысли, остальное – это детали». А о своей душе Эйнштейн говорил: «Я действительно одинокий путник, который не принадлежит всем сердцем ни государству, ни родине, ни друзьям, ни семье... Не знаю, почему меня никто не понимает, но каждый любит».

Выдерживать свое одиночество в семье было выше его сил.

Интересы Эйнштейна были безграничны. Ненавистная в детстве скрипка, заниматься которой его понуждали родители, с годами стала его любимым инструментом, и он играл, как утверждают современники, на вполне приличном профессиональном уровне. Музыка спасала его от ипохондрии. Как-то Эйнштейн с удовольствием выступал в квинтете, состав которого был довольно импозантен – сам физик, юрист, математик, переплетчик и тюремный надзиратель. В Германии Эйнштейн принимал участие в благотворительных концертах. Местный журналист, восхищенный его исполнением, поинтересовался у соседки: «А кто это играет?» – «Как, вы не узнали? – изумилась дама. – Да это же сам Эйнштейн!» На следующее утро в газете появилась заметка о выступлении великого музыканта, несравненного виртуоза-скрипача Альберта Эйнштейна. Героя публикации эпитеты незадачливого репортера привели в полный восторг. Он вырезал заметку и с гордостью показывал знакомым: «Вы думали, я ученый? Я знаменитый скрипач, вот я кто на самом деле!»

Скрипка, как рассказывают, жила у Эйнштейна в божественнгом почете. Он даже дал ей имя – Лина. В футляре она лежала «одетая» в шерстяной «пуловер» на шелковой подкладке. Да и вообще он был страстным меломаном. Моцарт, Бах, Шуман были безоговорочными кумирами ученого. Как правило, воскресными вечерами Эйнштейн со своими домашними отправлялся на музицирование к профессору Адольфу Гурвицу и вместо приветствия в дверях весело восклицал: «К вам господин

Эйнштейн со своим курятником!» Потом вместе они играли Корелли и Генделя.

Альберта пленяли яркие, необычные таланты. Когда уникальный медиум и непревзойденный телепат Вольф Мессинг выступал со своими психологическими опытами в Вене, Эйнштейн, пораженный способностями юного феномена, тут же пригласил его в гости. Вольф согласился – и не пожалел.

В доме ученого его поразило обилие книг. «Они были всюду, – рассказывал он позднее, – начиная с передней...»

На встрече присутствовал также выдающийся психоаналитик Зигмунд Фрейд, который предложил молодому человеку продемонстрировать свои способности и принялся отдавать мысленные приказания. Первое задание великий психолог придумал совершенно необычное: взять на туалетном столике пинцет и, подойдя к Эйнштейну... выщипнуть из его великолепных, пышных усов три волосинки. Взяв пинцет, Мессинг подошел к Эйнштейну и, извинившись, сообщил ему, что хочет от него маэстро Фрейд. Эйнштейн лишь улыбнулся и благосклонно разрешил выполнить милое пожелание своего приятеля-шутника.

Эйнштейну самому всегда были по душе театральные эффекты.

Когда летом 1913 года Альберта решили заполучить в Берлинский университет, то в Цюрих на «охоту» за ним была снаряжена целая экспедиция в составе выдающихся физиков Макса Планка и Вальтера Нернста с супругами. Они предлагали своему молодому коллеге наивыгоднейшие условия – и кафедру в университете, и членство в Прусской академии наук, и директорский пост в Физическом институте кайзера Вильгельма, и, безусловно, щедрую оплату, и при этом полную свободу от нудного преподавательского труда, то есть исключительные возможности заниматься чистой наукой. Эйнштейн попросил некоторое время на раздумья. А потом сообщил Планку, что дорогие гости узнают о его решении, если захотят сегодня вечером прогуляться по окрестностям Цюриха, где он встретит Планка и Нернста и в случае согласия взмахнет белым платком. Маленький спектакль «режиссеру» Эйнштейну, к всеобщему удовольствию, удался на славу.

«Сдавшись» таким необычным образом берлинским друзьям, убежденный пацифист Эйнштейн переехал в столицу предвоенной Германии. Милева с двумя сыновьями осталась в Цюрихе. Семья фактически распалась, но до официального расторжения брака еще оставалось долгих пять лет.

Эйнштейн гордился своей прозорливостью и интуицией, когда в свое время решил не отказываться от швейцарского

гражданства. Оставшись гражданином нейтральной Швейцарской Конфедерации, он, убежденный пацифист, ловко избегал всеобщего милитаристского психоза, многократно усилившегося в немецком обществе с началом Первой мировой войны, наотрез отказывался подписывать какие-либо «патриотические воззвания», участвовать в каких-либо массовых акциях в поддержку отважных германских воинов. Встретившись в Швейцарии со своим единомышленником, замечательным французским писателем Роменом Ролланом, он говорил ему: «Поблагодарят ли будущие поколения нашу Европу, в которой три столетия самой напряженной культурной работы привели лишь к тому, что религиозное безумие сменилось безумием националистическим? Даже ученые разных стран ведут себя так, словно у них... ампутировали мозги».

От встречи с Эйнштейном сам Ромен Роллан был в полном восторге: «Необычайно вольны его суждения о Германии, в которой он живет. Не всякий немец обладает такой свободой мысли. Другой человек страдал бы, чувствуя себя духовно изолированным в этот страшный год. Он – нет. Он смеется».

Через некоторое время после переезда в Берлин Эйнштейн внезапно не на шутку заболел. Хотя что значит «внезапно»? Интенсивная интеллектуальная работа при отвратительнейшем питании в воюющей Германии и отсутствие надлежащего ухода спровоцировали старую болезнь печени. К этой хвори еще привязались желтуха и язва желудка. Все заботы об Альберте, как о большом больном ребенке, взяла на себя его кузина Эльза Эйнштейн-Лёвенталь – двоюродная сестра по материнской линии и троюродная по отцовской.

(В этом почти единокровном романе, кстати, не было ничего сверхъестественного. В роду Эйнштейнов браки между родственниками были обычным делом. Никакой аномалии. Герман Эйнштейн и Паулина Кох, отец и мать Альберта, приходились друг другу двоюродным братом и сестрой. Сама Эльза также появилась на свет от брака между двоюродными братом и сестрой. Генеалогическое древо Эйнштейна таило немало проявлений определенной «семейственности» в брачных отношениях. Стало быть, мама и впрямь была права, когда отговаривала своего Альбертля от женитьбы на Милеве.)

Эльза была на три года старше Альберта, успела побывать замужем, родить двух дочерей и благополучно развестись. С Альбертом они дружили с детства, но новые обстоятельства их по-особому сблизили. Эльза протирала братцу супчики, занималась его бытом, одеждой, словом, всячески холила и лелеяла. Она была добрая, сердечная, по-матерински заботливая

и целеустремленная женщина. Как говорили, типичная бюргерша. Непритязательная, неумеренно жизнерадостная, добродушная, умеющая ограждать своего избранника от житейских невзгод и проблем. В отличие от Милевы, прекрасного математика, Эльза ни бельмеса не смыслила в научных разработках Альберта, но гордилась им. Она частенько повторяла изобретенную ею самой формулу любви:

– Я не понимаю теории относительности, зато я понимаю самого Эйнштейна.

«От этой женщины с квадратной фигурой так и излучалась жизненная сила, – своим верным киноглазом видел Чарли Чаплин. – Она откровенно наслаждалась величием своего мужа и вовсе этого не скрывала, ее энтузиазм даже подкупал».

Эйнштейн был благодарен Эльзе, что она никогда не пересекала проведенную им самим демаркационную линию. Это давало Эйнштейну свободу и возможность в любую минуту оставаться наедине с самим собой. Он любил одиночество, «мучительное, когда ты молод, и восхитительное, когда становишься зрелым человеком». Но умственная потенция, что поделаешь, сопряжена с потенцией сексуальной. Причем Эйнштейн – недаром он родился на юге Германии – не чурался чисто баварского брутального юмора, запросто, например, мог позволить себе в светском обществе признаться: «Я брякнул яйцами налево». Что, по сути, было очень искренне, но вот по форме – увы… дамы краснели.

Друзья рассказывали об одном курьезном эпизоде из его преподавательской практики. Эйнштейн читал лекцию где-то в Цюрихе, и в аудиторию случайно забрела проституточка, очень красивая, кстати. Правда, несколько вульгарно накрашенная. Она взглянула на лектора столь призывно, что ему сразу очень захотелось с ней уйти. Что он и сделал, объявив перерыв…

А настырная Эльза целеустремленно шла к своей заветной цели. И таки добилась своего. Эйнштейн бросил Милеву и женился на своей кузине, удочерив заодно ее девочек от первого брака – Ильзе и Маргот. По прошествии времени ближайший друг ученого Мишель Бессо восхищался Эйнштейном: «Более всего меня поражала его способность долгие годы жить не только в мире, но и в настоящем согласии с этой женщиной…»

Чтобы официально расторгнуть брак с Милевой, великому физику пришлось пообещать ей в качестве отступного свою будущую Нобелевскую премию (в получении ее он был стопроцентно уверен. Впервые он был номинантом этой самой престижной в мире награды еще в 1910 году).

В ходе тягомотного бракоразводного процесса Эйнштейну

пришлось признать, что в прошлом он не только изменял Милеве, но еще и рукоприкладствовал. Позже он в сердцах напишет ей несколько замысловатые строки: «С течением времени ты убедишься, что нет лучше экс-мужа, чем я, ибо я верен, быть может, не в той форме, в какой себе представляют это юные девушки, но тем не менее верен и честен».

С появлением Эльзы, замечали друзья, стиль жизни Эйнштейна изменился: «Он, в котором всегда было что-то богемное, стал жить жизнью буржуа средней руки… в доме, типичном для зажиточной берлинской семьи… с хорошей мебелью, коврами и картинами. Войдя, вы ощущали, что он тут чужой, как представитель богемы в гостях у буржуа». Многие знакомые обращали внимание на некоторые нелепости в поведении Эльзы. Эта валькирия, страдая близорукостью, напрочь отрицала очки, упорно предпочитая аристократический лорнет, и в результате могла принять за салат декоративную композицию, рьяно измельчая ножом орхидею у себя в тарелке. Раввин, который как-то навестил семейство Эйнштейнов, заметил, что «госпожа Эйнштейн поразительно похожа на своего мужа. Она тоже невысокая и плотная, волосы у нее не такие седые, как у мужа, но вьются так же, как у него, мелкими волнами. Даже одеты они с мужем были почти одинаково: на ней тоже брюки и свитер».

По своему разумению она создала сугубо мещанскую обстановку в доме. Гостиную украсила огромным портретом одного из основателей сионизма, Теодора Герцля, там же стояли две большущие копилки, в которые все гости ее гениального супруга были обязаны, в зависимости от кошелька, оставлять пожертвования… Слава богу, на все это Альбертль не обращал внимания. Или делал вид, что не замечал.

Зато она закрывала глаза, когда Эйнштейн частенько уходил на своей яхте в дальнее плавание, и не один. А возвращался на рассвете. Или не возвращался вовсе. Когда же он приводил женщин домой на ночь, Эльза как ни в чем не бывало ложилась спать одна. А утром с улыбкой подавала Альберту кофе. Она считала, что гений, подобный ее мужу, не может быть безупречен во всех отношениях. И считала женские знаки внимания пустыми атрибутами славы, и только. Друзья дома горячо поддерживали эти ее заблуждения и уверяли, что поклонницы Эйнштейна – дамы, попавшие в XX век из эпохи романтизма с ее культом блестящих героев, гениев, отважных полководцев и путешественников.

В период супружества с Эльзой сексуальные вкусы Эйнштейна существенно изменились. Его уже мало интересовали

задрипанные случайные потаскушки. В Европе и особенно после переезда в Америку его, как правило, уже преследовали знатные богатые дамы, которые прикатывали за ним на шикарных автомобилях и увозили невесть куда на целый день. Эльза, стиснув зубы, терпела и выдавала мужу на прощанье деньги на карманные расходы. Вдова банкира Тони Мендель, приезжая за «своим профессором», одаривала Эльзу шоколадом и всякими лакомствами и увозила ее мужа на театральные вечера, а потом к себе на роскошную виллу. Где он вынужден был оставаться на ночь, чтобы сыграть фрау Тони на рояле что-нибудь из классики XVIII века. Не менее щедрой была богатая владелица цветочных салонов Эстелла Каценелленбоген, тоже с лимузином и личным шофером. Потом целое лето у Эйнштейна длился роман с роскошной блондинкой Маргарет Лебах. Каждую неделю она приезжала к Эйнштейну на виллу Капут, чтобы угостить его супругу кондитерскими изделиями собственной выпечки. Отведав гостинцев, Эльза благоразумно исчезала на весь день якобы за покупками, предоставляя гостье мужа полную свободу действий.

Русский журналист Дмитрий Марьянов, который одно время был вхож в семью Эйнштейнов, неоднократно имел возможность наблюдать настоящую охоту, которую вели светские львицы на великого физика и крайне обаятельного мужчину: «Многие из них были очень красивы, и почти все они жаждали общения более близкого, чем то, на которое, в соответствии с условностями, претендовали в самом начале знакомства. Некоторые, чтобы добиться встречи с ним, прибегали к стратегическим уловкам, достойным штабных генералов, другие действовали с ошеломляющей прямолинейностью».

Он ухаживал за своими пассиями наивно, как ребенок, который увидел прелестную игрушку и не захотел ее отпускать. Его не смущало даже присутствие при этом мужа предмета своего вожделения. Он был глубоко убежден, что научные исследования и вообще поиски истины и красоты – это область деятельности, в которой позволено всю жизнь оставаться детьми.

Может быть, поэтому Эльза и обращалась с ним как с ребенком и в том была полной противоположностью Милеве. Учила пользоваться зубной щеткой, запрещала появляться в гостиной перед посторонними в халате, надевать туфли на голые ноги. Отбывая в свои многочисленные зарубежные поездки, Эйнштейн по-школярски добросовестно отчитывался перед ней о своих бытовых делах (иные ее мало интересовали). «Мое пребывание здесь подходит к концу, – сообщал он ей из Оксфорда. – Это было хорошее время, и я уже начинаю привыкать к смокингу, так же как я привык когда-то к зубной щетке. Однако

даже в самых торжественных случаях я уходил без носков и прятал нехватку цивилизованности в высоких ботинках». В благодарность она высылала ему в плотных пакетиках обожаемые Альбертлем хрустящие гусиные шкварки. Он уверял ее, что эти послания трогают его гораздо больше, чем самые прекрасные любовные стихи.

Симпатичную австрийку Бетти Нейман, племянницу одного из своих друзей, Альберт пристроил секретаршей к себе в Берлинский университет, где любил проводить с ней «коллоквиумы» и «семинарские занятия». Иногда это называлось «консультации». Эльзу бесило само существование молоденькой 23-летней соперницы. Не выдержав, она обозвала мужа кобелем и заявила: «Если уж ты не можешь обходиться без услуг этой молодой потаскушки, я разрешаю тебе встречаться с ней два раза в неделю. Но больше никаких других женщин». Разумной женщиной была Эльза, с ней Эйнштейну, галактическому бабнику, было так комфортно.

Эйнштейн любил побеждать, покорять, но он терпеть не мог, когда женщины сами проявляли инициативу, не давая ему покоя. Он жаловался своей приемной дочери Маргот: «Я пишу тебе, потому что ты – самый разумный член семьи, и бедная мать Эльза уже полностью взбешена. Это правда, что М. последовала со мной в Англию, и ее преследование переходит все границы. Но, во-первых, я едва мог избежать этого, и, во-вторых, когда я увижу ее снова, я скажу ей, что она должна исчезнуть немедленно...»

Исходя из накопленного опыта, Эйнштейн имел полное право по-отечески наставлять друга Мишеля Бессо: «В сравнении с этими бабами любой из нас – король, потому что мы стоим на своих ногах, не ожидая чего-то извне. А эти вечно ждут, что кто-то придет, чтобы удовлетворить все их потребности».

Но порой отдельные представительницы бесспорно прекрасного пола вызывали у Эйнштейна неистовые вспышки гнева: «Неужели природа могла создать половину человеческого рода без мозгов?! Непостижимо!» А одной из сердечных подруг, ничуть не смущаясь, заявил: «Что касается вас, женщин, то ваша способность создавать новое сосредоточена отнюдь не в мозге».

Хотя, надо отдать должное, когда ему (исключительно редко) встречались женщины с мозгами, да еще и не лишенные привлекательности, Эйнштейн был объективен в оценках и расточал нежные комплименты. Например, своей выдающейся коллеге Марии Кюри он писал: «Радостно пожать руку честному человеку, который, собрав столь богатый урожай, может с гордостью оглянуться на проделанную работу. Добрая и упрямая одновременно – такой я люблю Вас, и я счастлив, что мне удалось

в те спокойные дни, проведенные рядом с Вами, заглянуть в глубины Вашей души, где идет своя тайная жизнь».

Кстати, именно Кюри считается единственной женщиной времен Эйнштейна, которая поняла его теорию относительности. Они познакомились на одной из научных конференций, и каждый пребывал в восторге от открытий друг друга. Очевидцы утверждали, что во время прогулки в горах Эйнштейн был настолько поглощен разговором с Кюри и самой собеседницей, что едва не свалился в пропасть...

Когда Мария умерла, потрясенный Эйнштейн сообщил миру, что ее моральный облик оказал, быть может, еще большее влияние на науку, чем открытый ею радий. «К моему великому счастью, – писал он, – в течение двадцати лет мы были связаны с мадам Кюри возвышенной и безоблачной дружбой. Мое восхищение ее человеческим величием постоянно росло. Сила ее характера, чистота помыслов, требовательность к себе, объективность, неподкупность суждений – все эти качества редко совмещаются в одном человеке. Она в любой момент чувствовала, что служит обществу, и ее большая скромность не оставляла места для самолюбования. Ее постоянно угнетало чувство жестокости и несправедливости общества. Именно это придавало ей вид внешней строгости, так легко неправильно понимаемой теми, кто не был к ней близок, – странной строгости, не смягченной каким-либо искусственным усилием».

К вопросам брака Эйнштейн относился резко отрицательно, считая, что супружеские отношения придумал «какой-то боров, лишенный воображения». Своим друзьям он не раз повторял, что «брак – это неудачная попытка превратить короткий эпизод в нечто продолжительное», что супружество – «цивилизованная форма рабства» и т.п. Он постоянно одергивал жену, когда она осмеливалась говорить о нем и о себе, употребляя местоимение «мы»: «Говори о себе или обо мне, но о нас – не смей». Как-то, в очередной раз осерчав на Эльзу, Эйнштейн ушел к себе и долго не выходил из кабинета. Утром следующего дня, наводя порядок на его рабочем столе, секретарь Элен Дюкас нашла листок со стихотворными строками:

Мне всегда не по себе от словечка «Мы».
Потому что ты сам и кто-то другой —
совсем не одно и то же.
За всяким согласием таится бездна,

Которая просто пока не видна.

Элен появилась в семье Эйнштейнов, когда они еще жили в Берлине. Ученому крайне необходима была надежная помощница в повседневных делах, которая бы следила за его рабочим графиком, поддерживала порядок в бумагах, организовывала бы деловые встречи и пр. Дюкас порекомендовали в Еврейской сиротской организации как добросовестную, порядочную, деловую, очень организованную женщину. Элен отличалась твердым характером и, что особенно было по душе Эйнштейну, язвительным умом и острым язычком. Впрочем, были у нее и другие, чисто женские достоинства, которые весьма высоко ценил отец релятивизма.

В доме все относились к Элен, как к члену семьи, что и было на самом деле. Она оставалась с Эйнштейном до самого последнего дня его жизни. Именно мисс Дюкас после смерти патрона, по сути, стала его основной наследницей.

В кругу друзей, ученых, врачей, художников, артистов Эйнштейн обычно был оживлен, общителен, весел и остроумен. Ему удавалось поддерживать самые теплые отношения с их женами, во всяком случае, с некоторыми из них. Одной из них была жена Макса Борна Хеди, которая была убеждена, что потрясающее умение жить, присущее Альберту Эйнштейну, даже превосходит его научные достижения.

Не в состоянии сдерживаться, в минуты сомнений Альберт признавался в самом сокровенном:

Мои друзья меня дурачат.
Я прижил дочь на стороне.
Да, в жизни было все иначе,
Жены и дел хватало мне.
Но я приятно удивлен:
Я был умен и так силен,
Чтобы с двойною жизнью справиться.
Пусть думают (угодно что),
Мне это нравится!

МОСКВА, 1917–1918

Любое потрясение – в художественном творчестве, личной или общественной жизни – Коненков воспринимал с восторгом. Его восхищал азарт «людей без часов».

После Октября 1917-го по рекомендации Владимира Ильича Ленина Коненков становится членом Московской комиссии, ведавшей уничтожением старых памятников, а с апреля следующего года участвует в работе Коллегии по делам изобразительного искусства. Охотно поддерживал бедствующих художников, благожелательно относясь к каждому из собратьев. Но одновременно с душевным трепетом и радостью наблюдал, как «рабочие приставляли лестницы, приступая к разрушению истукана-памятника Александру III в Кремле».

В самом конце безумной осени 1917 года Коненков устроил себе праздник – открыл на Пресне выставку новых работ. Он тщательно все срежиссировал: «Мой помощник и друг дядя Григорий занят последними приготовлениями к вернисажу. Он в белом фартуке с метлой в руках посыпает дорожки, подметает и ровняет песок. Большое красное знамя у входа в студию. Народ идет – дядя Григорий всех радостно встречает... Вся Пресня здесь... Скрипач Сибор у статуи Паганини исполняет лучшие произведения гениального итальянца. Растроганный музыкой, Сережа Есенин встает на стул, высоко подняв руку, выразительно жестикулирует. Он читает новые стихи...

Звени, звени, златая Русь,
Волнуйся, неуемный ветер!

Как же было хорошо, легко, как счастливо...

* * *

Когда в Совнаркоме созрел грандиозный план большевистской «монументальной пропаганды», к его реализации, естественно, был привлечен Сергей Тимофеевич Коненков. Председатель правительства лично утвердил «Список лиц, коим предположено поставить монументы в г. Москве и других городах РСФСР», представленный в СНК отделом изобразительных искусств Народного комиссариата просвещения.

Этот перечень был довольно пестрым. Например, раздел «Революционеры и общественные деятели» охватывал гигантский

разброс имен – от Спартака и Маркса с Энгельсом до Брута и Тиберия Гракха, от Бакунина и Каляева до Бебеля и Лассаля. В раздел №2 «Писатели и поэты» наряду с Толстым, Достоевским, Лермонтовым и Пушкиным угодили мало кому известные Михайловский, Никитин и Новиков. От плеяды «Философов и ученых» удостоились чести попасть в список лишь трое – Сковорода, Ломоносов и Менделеев. Композиторов тоже оказалось лишь трое: Мусоргский, Скрябин и Шопен. Актерам выделили два места в «партере» – Комиссаржевской и Мочалову… Ну что ж, таковы были вкусы и пристрастия молодого советского правительства.

В июле 1918 года Ленин подписал очередное постановление Совнаркома, которым предписывалось: «Обратить особое внимание Народного комиссариата по просвещению на желательность постановки памятников павшим героям Октябрьской революции и, в частности, в Москве сооружения, кроме памятников, барельефа на Кремлевской стене, в месте их погребения».

Коненков по-детски искренне обрадовался, когда его проект барельефа на открытом конкурсе был признан лучшим. Фантазия автора была неуемной, буйствовала. С началом работы над реальной мемориальной доской проект бесконечно уточнялся, детализировался. Во время установки строительная бригада энтузиастов дневала и ночевала у Сенатской башни Кремля. Ночью тут стояла охрана и жарко горели костры. Любопытствующие москвичи останавливались: «Что тут происходит?» А одна забавная старушка поинтересовалась:

– Кому это, батюшка, икону-то ставят?

– Революции, – ответил Коненков.

– Про такую святую первый раз слышу…

– Теперь услышишь.

Уложились работники точно в оговоренный срок. К утру 7 ноября 1918 года на Красную площадь повалил народ. Действо разыгрывалось точно, как замышлял Коненков. Громадная мемориальная доска была задрапирована кумачом. Появившийся Ленин легко взошел по лесенке и разрезал ленточку, соединяющую полотнища занавеса. Коненков уж расстарался – даже смастерил специальную расписную шкатулку для ножниц и деревянной печатки. Маргарита была в толпе и издалека любовалась торжеством Сергея.

Когда распахнулся занавес, все увидели крылатую фантастическую фигуру Гения, олицетворяющего собой Победу. В одной ее руке – темно-красное знамя, в другой – зеленая пальмовая ветвь. У ног фигуры – изломанные сабли и ружья,

воткнутые в землю. А за плечами замогильного стража восходит солнце, в золотых лучах которого надпись «Октябрьская 1917 Революция». Внизу начертаны слова «Павшим в борьбе за мир и братство народов».

И тут же вовсю грянул военный духовой оркестр, и над Красной площадью полилась торжественная кантата.

Сколько вечеров Коненков угробил на своих непутевых друзей, чтобы заставить их все-таки написать слова этой кантаты, сколько водки в них влил, чтобы праздник получился именно таким, каким он его видел! В конце концов Есенин, Клычков и Герасимов разродились кой-каким текстом. И понеслось над площадью:

Спите, любимые братья,
Снова родная земля
Непоколебимые рати
Движет под стены Кремля.
Новый в мире зачатья,
Зарево красных зарниц...
Спите, любимые братья,
В свете незримых гробниц.
Солнце златою печатью
Стражем стоит у ворот...
Спите, любимые братья,
Мимо вас движется ратью
К зорям вселенский народ.

Не ахти какие стишата, конечно, но благодаря оглушительному духовому оркестру народ в них не очень-то вслушивался. Молодец Ванька Шведов, знатную музыку сочинил...

Праздновали первую революционную годовщину и открытие мемориальной доски, конечно, на Пресне. Как полагается, бурно и во хмелю. С песнями. Особенно старались два Сергея – Есенин и Клычков. С какой страстью выпевал Клычков свой любовный разбойничий романс «Живет моя отрада в высоком терему»! А декорацией для певцов-удальцов в мастерской была деревянная скульптурная композиция «Степан Разин со своей ватагой», которая вскоре, в мае 1919 года, расположится на Красной площади, там, где Лобное место, как временный памятник...

Денег на гульбу хватало. В начале работы над проектом все те же Есенин и Клычков, чутко уловив «остроту момента» и доброе настроение наркома Луначарского, срочно сочинили заявление на имя заведующего отделом изобразительного искусства Комиссариата народного просвещения:

«Просим о выдаче нам, Сергею Клычкову и Сергею Есенину, работающим над монографией о творчестве Коненкова, размером в два печатных листа, по расчету в тысячу рублей лист, аванс в 1 тысячу (одну) рублей.

Сергей Клычков, Сергей Есенин. 19 октября 1918 г.».

И ведь получили же, шельмецы… Правда, монографию так и не написали. Хотя не раз честно собирались взяться за труды. Но вмешивался случай, настроение, и други-поэты клялись: «Все, завтра с утра начинаем, а сегодня… Сегодня давайте песни петь!» И понеслось!

Литератор Григорьев, забредший на огонек к мастеру, с почтением внимательно следил, как «Коненков, утвердивши лиру на коленях, крутит ручку, крепит колки-сосцы и доит из лиры скрипучий струнный звук… Еще Коненков не настроил, а уж Есенин тянет голосом… И вот запели. О блудном сыне. Есенин тенорком, немного в нос, под стать скрипучей лире, Коненков приглушенным басом. И не сводит с Есенина, горя глазами, взора, пытает…»

ЕВРОПА—АМЕРИКА, 1919 и другие годы

Период некоторого творческого застоя в научных изысканиях, который случился с ним после расставания с Милевой, сразу после болезни и обретения новой, заботливой спутницы в лице фрау Эльзы сменился всплеском новых открытий. Альберт Эйнштейн создает свою «общую теорию относительности». Его идеи напрочь разрушили общепринятые представления о законах мироздания, которые основывались на ньютоновских законах механики. Концепция относительности доказывала, что пространство и время не абсолютны, как считалось ранее, а находятся под влиянием отношений движения и массы. В конце 1915 года он сообщал одному из коллег: «Последний месяц был одним из самых тревожных и тяжелых в моей жизни, но и одним из наиболее успешных... Я понял, что мои прежние уравнения гравитационного поля были совершенно необоснованными. После того как у меня исчезло всякое доверие к прежней теории, я ясно увидел, что удовлетворительное решение можно найти только на основе идеи Римана. К великой моей радости, выяснилось, что, кроме решения Ньютона как первого приближения, во втором приближении появилось смещение перигелия у Меркурия. Для отклонения света Солнцем получилось значение вдвое больше прежнего... Как только вы изучите общую теорию относительности, вы убедитесь в ее правильности. Поэтому я ни слова не скажу в ее защиту...»

Долгое время теории Эйнштейна считались смелыми, но фантастическими, а их автор немного тронутым профессором. Но когда в 1919 году две английские научные экспедиции, работавшие одна – в Собрале, деревушке на севере Бразилии, а другая – на острове Принсипе в Гвинейском заливе у африканского побережья, проводя наблюдение полного солнечного затмения, подтвердили предсказанное Эйнштейном гравитационное отклонение света звезд вблизи Солнца, успех ученого стал поистине астрономическим. Президент Британского Королевского общества объявил теорию относительности высочайшим достижением человеческой мысли.

Искривленное пространство и отклонение световых лучей были у всех на устах, эти слова, что бы они ни значили, завораживали публику. Портреты Эйнштейна заполонили первые полосы мировых изданий. Заголовки европейских и американских газет кричали: «Революция в науке. Эйнштейн против Ньютона»,

«Новая теория строения Вселенной», «Альберт Эйнштейн – новый гигант мировой истории», «Лучи изогнуты, физики в смятении. Теория Эйнштейна торжествует!» 7 ноября 1919 года лондонская «Таймс» констатировала окончательный переворот в физике, опубликовав статью «Ниспровержение теории Ньютона».

Для выступлений Эйнштейна предоставляли концертные площадки. Знаменитый лондонский эстрадный театр «Палладиум» предложил ему сцену, чтобы он три недели вел собственную программу. Что уж там говорить, если дочь лорда Холдейна, под чьим кровом остановился Эйнштейн, при встрече с небожителем упала в обморок. Во многих городах мира проводились масштабные митинги, где сторонники и противники Эйнштейна вдохновенно лупили друг друга. В его честь называли сигары, младенцев, телескопы, башни.

Альберт Эйнштейн стал для массового сознания символом великого ученого. Он вызывал благоговение даже у людей, имевших самое смутное представление о физике и сути открытий. Сам же ученый от всего сердца веселился и говорил: «Мир стал похож на какой-то сумасшедший дом. Каждый кучер или официант рассуждает о том, справедлива ли общая теория относительности».

Все та же газета «Таймс» по этому поводу заметила, что во всем мире только 12 человек поняли его теорию. Возможно, это было преувеличением и на самом деле их было еще меньше. Вчерашние учителя Эйнштейна в Швейцарии чувствовали неловкость. Профессор теоретической физики Гунар считал, что Эйнштейнова теория кажется ему несколько странной. Профессор экспериментальной физики Форстер откровенно признался: «Прочел, но ровным счетом ничего не понял!» Даже знаменитый Конрад Рентген разводил в недоумении руками, что все это «никак не укладывается в голове»...

Журнал «Сайентифик Американ» провел открытый конкурс среди своих читателей на самое доступное толкование теории относительности с призом в 5 тысяч долларов. Участников было много. Эйнштейн, по своему обыкновению, шутил, что он был единственным, кто в нем не участвовал: «Я боялся, что не справлюсь». Правда, чуть позже все же попытался популярно объяснить свою теорию почти эротическим примером: «Час, проведенный с девушкой на скамейке в парке, пролетает как минута, а минута сидения на горячей плите тянется как час». А для своего 9-летнего сына Эдуарда Эйнштейн подыскал другое образное толкование теории относительности: «Когда слепой жук ползет по изогнутому суку, он не замечает, что сук изогнут. Мне посчастливилось заметить то, что не видел жук, что сук кривой».

– ...Вас восемь человек, только восемь! – так приветствовал Эйнштейна великий остроумец Бернард Шоу при знакомстве.

– Как? – Эйнштейн не понял смысла тирады британского драматурга и смутился.

Тогда Шоу принялся объяснять, загибая при этом пальцы:

– Пифагор, Птолемей, Аристотель, Коперник, Галилей, Кеплер, Ньютон и вы, сэр.

Понимал ли сам ученый масштаб своей личности? По всей видимости, да, иначе бы не написал: «Прости меня, Ньютон! Ты нашел единственно возможный для своего времени путь, который был доступен человеку величайшей мысли, каким был ты... Но сегодня мы уже знаем, что для более глубокого постижения мировых связей мы должны заменить твои понятия другими, более удаленными от сферы непосредственного опыта...»

В 1921 году Эйнштейн вместе с другими членами Берлинской академии наук был приведен к присяге как государственный служащий, и по закону он автоматически становился гражданином Германии. Однако от швейцарского гражданства Эйнштейн не отказался. Как оказалось, это был дальновидный поступок.

10 ноября 1922 года секретарь Шведской академии наук Кристофер Аурвиллиус писал Эйнштейну: «Как я уже сообщал Вам телеграммой, Королевская академия наук на своем вчерашнем заседании приняла решение присудить Вам премию по физике за прошедший (1921) год, отмечая тем самым Ваши работы по теоретической физике, в частности, открытие закона фотоэлектрического эффекта, не учитывая при этом Ваши работы по теории относительности и теории гравитации, которые будут оценены после их подтверждения в будущем».

Но, естественно, свою нобелевскую лекцию лауреат посвятил исключительно своей теории относительности. Большинство светской публики, присутствующей в зале, разумеется, мало что понимало из того, что говорил Эйнштейн. Но его это отнюдь не смущало:

– ...Классическая механика позволяет отличать (абсолютно) неускоренные и ускоренные движения; она также утверждает, что скорости существуют только в относительном смысле, зависящем от выбора инерционной системы отсчета... В соответствии с классической механикой существует «относительность скорости», но не «относительность ускорения». Вы согласны со мной, господа?..

Сообразительные коммерсанты тут же организовали ученому-лауреату мировое турне с лекциями по ведущим странам Европы, Азии и Америки. При посещении США в честь именитого гостя

была принята специальная приветственная резолюция Конгресса. Он произвел фурор во Франции, легко разрушив стереотип «тупого немца-врага». Журналисты хлестко назвали Альберта Эйнштейна «Гинденбургом немецкой науки»: генерал-фельдмаршалу в 1914 году не удалось покорить Париж, зато это легко сделал после войны остроумный и общительный профессор из Берлина. Свиданий и личных аудиенций с творцом теории относительности жаждали президенты, премьеры и короли, видные деятели науки (самых разных областей) и культуры.

Ошеломительное впечатление на Эйнштейна произвела встреча с Рабиндранатом Тагором. В 1930 году выдающийся индийский поэт навестил Эйнштейна на его вилле со странным названием Капут под Потсдамом. Они были по-настоящему интересны друг другу. В загородном доме нобелевские лауреаты решили расположиться в саду. От предложенного Эльзой чая с пирожными отказались, будучи увлечены занимающей их обоих мировоззренческой беседой.

– Вы верите в Бога, изолированного от мира? – интересовался ученый.

– Не изолированного, – умиротворенно улыбнулся Тагор. – Неисчерпаемая личность человека постигает Вселенную. Ничего непостижимого для человеческой личности быть не может. Это доказывает, что истина Вселенной является человеческой истиной. Чтобы пояснить свою мысль, я воспользуюсь одним научным фактом. Вам он известен. Материя состоит из протонов и электронов, ведь так? Между ними ничего нет, но материя может казаться сплошной, без связей в пространстве, объединяющих отдельные электроны и протоны. Точно так же человечество состоит из индивидуумов, но между ними существует взаимосвязь человеческих отношений, придающих обществу единство живого организма. Вселенная в целом так же связана с нами, как и индивидуум. Это – Вселенная человека.

– Знаете, я не могу доказать, что научную истину следует считать истиной, справедливой независимо от человечества. Но я в этом твердо убежден. Вот теорема Пифагора в геометрии устанавливает нечто приблизительно верное независимо от существования человека. Во всяком случае, если есть реальность, не зависящая от человека, то должна быть истина, отвечающая этой реальности, и отрицание первой влечет за собой отрицание последней, согласны?

– Уважаемый господин Эйнштейн, истина, воплощенная в Универсальном Человеке, по существу, должна быть человеческой. Ибо в противном случае все, что мы, индивидуумы, могли бы познать, никогда нельзя было бы назвать истиной, по

крайней мере научной истиной, к которой мы можем приближаться с помощью логических процессов. То есть посредством органа мышления, который является человеческим органом. Согласно нашей, индийской философии, существует Брахма, абсолютная истина, которую нельзя познать разумом отдельного индивидуума или описать словами. Она познается лишь путем полного погружения индивидуума в бесконечность. Такая истина не может принадлежать науке. Природа же той истины, о которой мы говорим, носит внешний характер, то есть она представляет собой то, что представляется истинным человеческому разуму, и поэтому эта истина – человеческая. Ее можно назвать Майей, или иллюзией...

Мудрецы помолчали. Угадав минуту, Эльза все же подала им чай. Но Эйнштейна трудно было угомонить:

– Нашу естественную точку зрения относительно существования истины, не зависящей от человека, нельзя ни объяснить, ни доказать, но в нее верят все, даже первобытные люди. Мы приписываем истине сверхчеловеческую объективность. Эта реальность, не зависящая от нашего существования, нашего опыта, нашего разума, необходима нам, хотя мы и не можем сказать, что она означает.

Тагор, раскрыв перед собою ладони, надолго замолчал, глядя в них. Потом медленно начал говорить:

– Наука доказала, что стол как твердое тело – это одна лишь видимость и, следовательно, то, что человечество воспринимает как стол, не существовало, если бы не было человеческого разума. В то же время следует признать и то, что элементарная физическая реальность стола представляет собой не что иное, как множество отдельных выдающихся центров электрических сил, и, следовательно, также принадлежит человеческому разуму. В процессе постижения истины происходит известный конфликт между универсальным человеческим разумом и ограниченным разумом отдельного индивидуума. Непрекращающийся процесс постижения идет в нашей науке, философии, в нашей этике. Во всяком случае, если бы и была какая-нибудь абсолютная истина, не зависящая от человека, то для нас она была бы абсолютно не существующая. Нетрудно представить себе разум, для которого последовательность событий развивается не в пространстве, а только во времени, подобно последовательности нот в музыке. Для такого разума концепция реальности будет сродни музыкальной реальности, для которой геометрия Пифагора лишена всякого смысла. Существует реальность бумаги, бесконечно далекая от реальности литературы, так? Для разума моли, поедающей бумагу, литература абсолютно не существует,

но для разума человека литература как истина имеет большую ценность, чем сама бумага. Точно так же, если существует какая-нибудь истина, не находящаяся в рациональном или чувственном отношении к человеческому разуму, она будет оставаться ничем до тех пор, пока мы будем существами с разумом человека.

Эйнштейн засмеялся:

– В таком случае я более религиозен, чем вы.

Седобородый патриарх мировой поэзии вздохнул:

– О чем мы говорим? Хотите, я почитаю вам стихи?

– Конечно.

Тагор поднялся, отодвинул кресло и стал читать свою «Женщину»:

Ты не только творение Бога,
не земли порождение ты, –
Созидает тебя мужчина из душевной своей красоты.
Для тебя поэты, о, женщина, дорогой соткали наряд,
Золотые нити метафор на одежде твоей горят.
Живописцы твой облик женский
обессмертили на холсте
В небывалом еще величье, в удивительной чистоте.
Сколько всяческих благовоний,
красок в дар тебе принесли,
Сколько жемчуга из пучины, сколько золота из земли.
Сколько нежных цветов оборвано для тебя
в весенние дни,
Сколько истреблено букашек, чтоб окрасить
твои ступни...
В этих сари и покрывалах, свой застенчивый
пряча взгляд,
Сразу ты недоступней стала и таинственнее
стократ.
По-иному в огне желаний засияли твои черты.
Существо ты – наполовину,

полувоображение ты.

Великий актер и режиссер Чарли Чаплин вспоминал, как он был взволнован и польщен, когда ему в 1926 году как-то позвонил Карл Леммл из студии «Юниверсал» и сообщил, что с ним хотел бы познакомиться профессор Эйнштейн, который сейчас находится в Калифорнии.

Условились встретиться в студии за завтраком. Эйнштейн, по мнению Чаплина, выглядел типичным тирольским немцем в самом лучшем смысле этого слова, веселым и общительным. Но актер почувствовал, что за внешним спокойствием и мягкостью ученого таится крайне эмоциональная натура и его неукротимая интеллектуальная энергия питается именно этим источником. Два выдающихся современника мгновенно почувствовали взаимное притяжение.

Хотя оба были избирательны в знакомствах. Когда Чаплин пригласил Альберта к себе в дом, Эйнштейн тоже искренне обрадовался. Тем более что у Чаплина в тот день должна была собраться замечательная компания – все звезды Голливуда: и Мэри Пикфорд, и Дуглас Фэрбенкс, и прочие красавицы, ну и красавцы. Рядом с почетным гостем Чаплин усадил очаровательную Мэрион Дэвис, которая тут же, не задумываясь, тактично ли, спросила своего соседа, проказливо повертев пальчиком вокруг его головы:

– Скажите, а почему вы не пострижетесь?

Обычно остроумный Эйнштейн не сразу нашелся, что ответить красотке, видимо, оценивая в тот момент вовсе не интеллектуальные, а иные женские достоинства, лишь мило улыбнулся. А хозяин дома тут же поторопился пригласить всех в гостиную выпить кофе, выкурить трубочку или сигару.

Эйнштейн с энтузиазмом поддержал предложение и вытащил свою курительную трубку.

– Какая по счету, Альбертль? – вздохнула Эльза.

– Первая, – резко оборвал ее материнские заботы Эйнштейн. Но, смягчившись, сказал: – Я же говорил вам, дорогая, что я родом из Ульма – городка, который славен лишь своими мастерами курительных трубок. Так что считайте мое курение ностальгией по родным местам.

В гостиной Эйнштейн уже беседовал только с Чарли, не замечая остальных гостей:

– Чарли, вы великий человек. Ваше искусство понятно всем. О вас знает весь мир.

Остроумный Чаплин не оставался в долгу:

– Ваша теория относительности не понятна никому, и о вас

знает весь мир. Значит, вы еще более великий человек.

МОСКВА—НЬЮ-ЙОРК, 1922–1923

Вполне возможно, что Коненков и Маргарита так и продолжали бы жить в гражданском браке, не случись той счастливой поездки в Соединенные Штаты с грандиозной выставкой работ советских художников в Нью-Йорке. Сергей Коненков, естественно, был в числе первых кандидатов на поездку. Но когда он обратился в Комитет по организации заграничных выставок и артистических турне при ВЦИК с просьбой оформить с ним жену, ему строго указали:

– Сергей Тимофеевич, сопровождать вас можно только законной супруге. Таковы правила.

Ну что ж, коль иного выхода не было, пришлось официально зарегистрировать брак. Это произошло осенью 1922 года.

Боже, Маргарита вся сияла от счастья. Не столько из-за штампика в паспорте, сколько от предстоящего путешествия и будущих впечатлений. Она уже зубрила английский и готовила наряды у лучших модисток.

– Сергей, ты ведь бывал за границей. Скажи, какие прически там предпочитают женщины – стриженые, косы, локоны до плеч?

– Милая, – успокаивал ее уже официальный муж. – Во-первых, я был только в Италии, и то давным-давно, еще когда учился. А во-вторых, я занимался там изучением классической скульптуры и архитектуры, любовался работами старых мастеров, а не прическами тамошних дамочек… А в-третьих…

– А язык помнишь?

– Итальянский? Да, и вполне прилично. Я же латынь учил и в Италии жил долгонько – целый год, как пенсионер от художественного училища, спасибо Павлу Михайловичу Третьякову… А Франция, Германия, Греция, Египет… Это же живые книги…

* * *

Незадолго перед поездкой Коненковых в США из своего полуторагодового путешествия по Европе и Америке вернулся Сергей Есенин.

Тотчас явившийся на Пресню с букетом цветов для Маргариты и корзиной со снедью и бутылками для своего тезки, Сергею Коненкову поэт в первый момент не слишком понравился: раздобрел, стал краситься и пудриться, да и одежды какие-то буржуйские. К тому же еще с порога, приосанившись и явно

красуясь собой, путешественник спросил:

– Ну, каков я вам?

Дядя Григорий, не медля, осадил:

– Сергей Алексаныч, я тебе скажу откровенно – забурел.

Есенин сразу как-то сник, поставил корзину на стол и смиренно поблагодарил:

– Спасибо… Значит, в Америку собрались? Вот что я вам, братцы, скажу об этой Америке… Марго, закрой уши…

После этой встречи Коненковы с Есениным больше не виделись. Буквально перед самым отъездом Сергей Тимофеевич написал своему тезке: «Очень грустно мне уезжать, не простившись с тобой. Несколько раз я заходил и писал тебе, но ты почему-то совсем забыл меня. Я по-прежнему люблю тебя и ценю как большого поэта».

В начале января 1924 года советские художники из английского порта Саутгемптон отплыли в Нью-Йорк.

ЕВРОПА—АМЕРИКА, 20-е годы XX века

Эйнштейн относился к оглушительной славе и шумихе вокруг себя весьма и весьма иронично: «От меня хотят статей, заявлений, фотографий и пр. Все это напоминает сказку о новом платье короля и отдает безумием, но безобидным...» Поздравляя с Рождеством своего друга Генриха Зангера, он не удержался и сделал приписку в открытке: «Слава делает меня все глупее и глупее, что, впрочем, вполне обычно. Существует громадный разрыв между тем, что человек собою представляет, и тем, что другие думают о нем или, по крайней мере, говорят вслух. Но все это нужно принимать беззлобно».

Выступать с лекциями он не любил. И не умел. Его публичные выступления не отличались доступностью. По этому поводу Альберт Эйнштейн шутил, что элегантность оставляет портным и сапожникам.

Один из участников званого обеда во Франкфурте вспоминал, как Эйнштейн после окончания трапезы изъявил желание принять участие в камерном концерте. Его тут же окружила толпа экзальтированных поклонниц, которые (коль не случилось поцеловать) осыпали его комплиментами. Одна дама, когда ее представили Эйнштейну, повернулась к Эльзе и без обиняков спросила: «Могу я поговорить несколько минут с профессором Эйнштейном?» – давая понять, что присутствие Эльзы нежелательно. Супруга ученого тактично ответила: «Да, конечно, можете» – и снисходительно улыбнулась мужу. Он ответил ей улыбкой, потому что оба понимали мотивы просительницы...

В 1929 году научный мир шумно праздновал 50-летие Эйнштейна. Сам юбиляр участия в торжествах не принимал, укрывшись на своей вилле близ Потсдама, где принимал избранных друзей – Тагора, Чарли Чаплина, выдающегося шахматиста Эммануила Ласкера и кое-кого еще.

Пока Альберт в лучах славы странствовал по миру, в Германии росли антисемитские настроения. Соотечественники открыто травили Эйнштейна, называя его теории «еврейско-коммунистическим заговором в физике».

Когда зимой 1933 года к власти в Германии пришел Гитлер, Эйнштейн находился по приглашению Калифорнийского политехнического института в Америке, в Пасадене, вблизи Лос-Анжелеса. Кстати, накануне американская «Женская патриотическая корпорация» требовала не пускать Альберта

Эйнштейна в США, так как он, по их мнению, является известным смутьяном и коммунистом: «Сам Сталин не связан с таким множеством анархо-коммунистических групп, как Эйнштейн». Получивший все же гостевую визу выдающийся реформатор мироздания ответил «патриоткам» через прессу: «Никогда еще я не получал от прекрасного пола такого энергичного отказа, а если и получал, то не от стольких сразу».

(Все-таки подавляющее большинство феминисток никогда не отличалось ни интеллектом, ни, к сожалению, особой красотой.)

Назначение нового рейхсканцлера Германии не стало для Эйнштейна большой неожиданностью. Чувствовалось, что он уже был готов к такому повороту событий. Покидая виллу Капут, Альберт Эйнштейн грустно посоветовал Эльзе:

– Посмотри на нее хорошенько.

– Почему?

– Потому что больше ты ее не увидишь.

Уже через два дня после воцарения Гитлера на имперском троне Эйнштейн обратился к руководству Прусской академии наук с просьбой выплатить ему полугодовую зарплату сразу, а не к началу апреля, как было оговорено ранее. Жизнь показала, что такая неожиданная предусмотрительность ученого была нелишней. Уже 27 февраля 1933 года своей сердечной подружке Маргарет Лебах он писал: «Из-за Гитлера я решил не ступать больше на немецкую землю... От доклада в Прусской академии я уже отказался».

В нью-йоркском консульстве Германии Эйнштейн долго беседовал с немецким дипломатом.

– Герр Эйнштейн, если вы не чувствуете себя виновным, с вами на родине ничего не случится, – пытался заверить его германский консул. – Вас ждут, вам будут оказаны все знаки внимания и почтения...

Но когда официальная часть закончилась, дипломат, опустив глаза, тихо сказал:

– Теперь, когда мы можем поговорить по-человечески, и я могу вам сказать, что вы поступаете именно так, как и следует поступать.

И поднес указательный палец к губам.

* * *

Эйнштейн с удовольствием откликнулся на просьбу корреспондентки газеты «Нью-Йорк уорлд телеграм» Эвелин Сили прокомментировать события, происходившие в ту пору в

Германии: «Пока у меня есть возможность, я буду находиться только в такой стране, в которой господствуют политическая свобода, толерантность и равенство всех перед законом. Политическая свобода означает возможность устного и письменного изложения своих убеждений, толерантность – внимание к убеждениям каждого индивидуума. В настоящее время эти условия в Германии не выполняются. Там как раз преследуются те, кто в международном понимании имеет самые высокие заслуги, в том числе ведущие деятели искусств. Как любой индивидуум, психически заболеть может каждая общественная организация, особенно когда жизнь в стране становится тяжелой. Другие народы должны помогать выстоять в такой болезни. Я надеюсь, что и в Германии скоро наступят здоровые отношения и великих немцев, таких, как Кант и Гете, люди будут не только чествовать в дни редких праздников и юбилеев, но в общественную жизнь и сознание каждого гражданина проникнут основополагающие идеи этих гениев». Нью-йоркское интервью было перепечатано ведущими мировыми изданиями. Эйнштейна напрасно считали наивным гением. Он гораздо быстрее многих политиков понял, что ожидает Веймарскую республику в будущем. И весь мир тоже.

При этом он был не одинок. Чарли Чаплин прямо с экрана смеялся над Гитлером: «Его приветственный жест откинутой назад от плеча рукой с повернутой кверху ладонью всегда вызывал у меня желание положить на эту ладонь поднос с грязными тарелками.

«Да он полоумный», – думал я. Но когда Эйнштейн и Томас Манн были вынуждены покинуть Германию, лицо Гитлера уже казалось мне не комичным, а страшным...»

Нацистов дико бесили антигитлеровские заявления Эйнштейна. Геббельсовская пропаганда развернула широкую кампанию в печати с прямым призывом: «Убить Эйнштейна!» Нацистские газеты публиковали его портреты с подписью: «Эйнштейн. Еще не повешен». За его голову предлагалось пятьдесят тысяч марок. На сей счет Эйнштейн, смеясь, успокаивал Эльзу: «А я и не подозревал, что моя голова стоит так дорого». Руководитель группы «Немецкая физика» лилипут Ленард высокомерно пытался куснуть Гулливера Эйнштейна: «Наиболее важный пример опасного влияния еврейских кругов на изучение природы представляет Эйнштейн со своими теориями и математической болтовней, составленной из старых сведений и произвольных добавок... Сейчас его теория разбита вдребезги – такова судьба всех изделий, далеких от природы. Но ученые с солидными в прошлом трудами не могут избежать упрека: они

допустили, чтобы теория относительности могла найти место в Германии. Они не видели или не хотели видеть, какая это ложь, выдавать Эйнштейна – в науке и в равной степени вне ее – за доброго немца...»

Чуть позже этот же проповедник заявил при открытии нового физического института: «Я надеюсь, что институт станет оплотом против азиатского духа в науке. Наш фюрер изгоняет этот дух из политики и политической экономии, где он называется марксизмом. Но в результате коммерческих махинаций Эйнштейна этот дух сохраняет свои позиции в естествознании. Мы должны понять, что недостойно немца быть духовным последователем еврея. Науки о природе в собственном смысле имеют целиком арийское происхождение, и немцы должны сегодня находить собственную дорогу в неизвестное».

Рейхсминистр народного просвещения и пропаганды Йозеф Геббельс внушал своему бюргерскому племени: «Мы часто поступали в отношении мирового еврейства милостиво, чего они вовсе не заслуживали. И какова же благодарность евреев? У нас в стране они каются, а за границей раздувают лживую пропаганду о «немецких зверствах», что даже превосходит антинемецкую кампанию во время мировой войны. Евреи в Германии могут благодарить таких перебежчиков, как Эйнштейн, за то, что они теперь – полностью законно и легально – призваны к ответу!»

Исповедуя насилие, фашисты не собирались ограничиваться словами. Толпа вооруженных людей ночью 30 марта 1933 года ворвалась в летний дом Эйнштейна в Капуте и объявила его конфискованным. Заодно забрали яхту ученого, пришвартованную у озера Хавель. А штурмовики СА разгромили и ограбили берлинскую квартиру Эйнштейна. Капут так капут...

Печальная весть о происшедшем настигла Эйнштейна, когда его трансатлантический лайнер был еще на пути в Европу. Возмущенная Эльза стала требовать от мужа выступить с громким протестом, поднять мировую общественность и т.д. и т.п. Эйнштейн с улыбкой слушал свою сварливую бабу и миролюбиво, с печальной улыбкой, говорил:

– Знаешь, дорогая, в Берлине у меня оставались яхта и подруги. Гитлер забрал только первую, что для последних явно оскорбительно.

Вернувшись в Европу, большую часть 1933 года он прожил в маленьком фламандском приморском городке Ден-Хаан (Ле-Кок-сюр-Мер) по приглашению бельгийского короля. Ему была предоставлена небольшая вилла Савояр, которая стала своего рода интеллектуальным приютом для беженцев из Германии. Ее обитатели любовались серебристыми дюнами, которые, казалось,

были подметены резким ветром, и свинцовыми морскими волнами, которые размашисто накатывали на берег. А домик отзывался, как раковина, на все звуки: скрип шагов, звон посуды, перестук пишущей машинки и, конечно же, звон бокалов…

Навестивший беглеца английский писатель Чарльз Перси Сноу был точен в описании его портрета: «Вблизи Эйнштейн оказался таким, каким я и представлял себе, – величественный, лицо светилось мягким юмором. У него был высокий, покрытый морщинам лоб, пышная шапка седых волос и огромные, навыкате, темно-карие глаза. Я не могу сказать, за кого можно было бы принять его. Один остроумный швейцарец сказал, что у Эйнштейна простое лицо ремесленника и выглядит он, как старомодный, солидный часовых дел мастер из маленького городка, занимающийся, наверное, по воскресеньям ловлей бабочек.

Меня удивило его телосложение. Он только что вернулся с прогулки на парусной лодке и был в одних шортах. Его массивное тело было очень мускулистым; правда, он уже несколько располнел, но выглядел еще весьма крепким и всю жизнь, должно быть, отличался физической силой».

Альберт Эйнштейн обожал малые, уютные страны – Голландию, Бельгию, Швейцарию. Но чувствовал приближающуюся опасность. Нацисты уже были совсем рядом.

Но в начале сентября 1933 года бельгийская пресса объявила о том, что нобелевский лауреат Альберт Эйнштейн, увы, покинул страну и на частной яхте отправился в Южную Америку. Запуская эту «дезу», окружение Эйнштейна умышленно запутывало следы. На самом деле «неудобный пассажир» высадился на причале английского порта Норфолк, откуда в закрытой карете был перевезен в поместье одного из своих британских почитателей. Он жил там в полном комфорте и тоске.

Получив приглашение в Америку, Альберт Эйнштейн сразу приступил к работе в Принстонском институте фундаментальных исследований. Условия были королевскими: профессор Эйнштейн был назначен на должность руководителя исследовательской группы с пожизненным жалованьем и правом приглашать ассистентов по своему усмотрению.

Хотя фрау Эльза очень любила рассказывать новым знакомым, что когда Эйнштейн нанимался в Принстон, его попросили сообщить свои условия. Профессор, говорила она, назвал столь смехотворную сумму, что ректорат был вынужден разъяснить ему, что названная им цифра не обеспечивает в Штатах даже прожиточного минимума и что ему на жизнь потребуется по крайней мере втрое больше.

– Мой муж – гений! – любила повторять она. – Он умеет делать все, кроме денег...

А он считал свое положение в Принстоне несколько неудобным: нельзя, как он говорил, получать деньги за исследовательский труд, который является внутренней потребностью, без педагогических обязанностей. Эйнштейн привык рассматривать как лично ему принадлежащее только то время, которое оставалось после лекций, собеседований со студентами, экзаменов, кафедральных заседаний.

Бог не играет в кости, обычно повторял Эйнштейн. И писал своему коллеге Максу Борну: «Я очень хорошо понимаю, почему вы считаете меня «упрямым старым грешником», но ясно чувствую, что вы не понимаете, как я оказался в одиночестве на своем пути. Это вас, конечно, позабавит, хотя навряд ли вы способны верно оценить мое поведение. Мне доставит большое удовольствие изорвать в клочья вашу позитивистско-философскую точку зрения».

Дома его, конечно, по-прежнему опекала Эльза и все та же мисс Элен Дюкас. К ней он благоволил намного больше, чем к жене. В сущности, именно Элен стала его домашним гением, снимавшим с вселенского научного гения все тяготы повседневной жизни одной ей известным способом...

В 1934 году Эйнштейна приглашает в гости президент Франклин Рузвельт. В Белом доме ученый имел с ним задушевную беседу и даже был оставлен на ночлег. С тех пор он имел карт-бланш на любые непосредственные контакты с лидером Соединенных Штатов.

Видеть у себя в доме самого Альберта Эйнштейна почитал за честь весь высший свет Америки.

НЬЮ-ЙОРК – ПРИНСТОН, 1924 и другие годы

Очутившись в Нью-Йорке, Коненков не стал менять своих московских привычек. По пуританскому Бродвею он расхаживал в косоворотке, с пушистым котом Рамсесом на плече и в сопровождении Маргариты, ногти которой вызывающе отливали изумрудным перламутром, а на стройных ножках серебрилась паутинка прозрачных чулок.

Очень быстро очаровательная Маргарита в светских кругах Нью-Йорка стала не менее популярной, чем Сергей Коненков и его работы. Когда ее бывшая квазисоперница Наталья Кончаловская, которая вместе с мужем, советским коммерсантом (и разведчиком), тоже приехала в Штаты, то сразу отметила, что Маргарита «весьма органично восприняла светскую жизнь».

Нью-йоркская мастерская Коненкова довольно скоро получила такую же экстравагантную популярность, как и прежний флигель в Москве, на Пресне. Сергей Тимофеевич соорудил резной деревянный бар, играл для гостей на гармошке, и вообще был душой любой компании.

Здесь стали появляться молодые люди, явно симпатизирующие хозяйке. Она словно вышла из тени Коненкова и оказалась в центре светских интрижек и романов. Этому в немалой степени способствовали новые работы Коненкова «Струя воды», «Вакханка», «Бабочка» и другие, для которых грациозная Марго позировала обнаженной. Работы имели колоссальный успех, а главное – были легко узнаваемы.

Глядя на Маргариту, мужчины вспоминали скульптурные работы, млели, таяли, теряли головы и бесстыдно раздевали хозяйку глазами. Но, боже, как хотелось бы руками!..

* * *

Когда в 1925-м на гастроли в Нью-Йорк пожаловал Московский Художественный театр, на его спектакли слеталась вся «русская Америка». В честь артистов Федор Иванович Шаляпин устроил роскошный прием. Разумеется, были приглашены и Коненковы.

В центре блестящей шумной толпы, само собой, был Шаляпин. Его могучий голос был слышен повсюду. Казалось, он был одновременно в разных местах огромного зала. Марго, как

гимназистка, радовалась знакомым лицам актеров: «Ой, Станиславский… Книппер-Чехова… Сереж, смотри, Качалов… А вон – Москвин…»

Федор Иванович, увидев Коненковых, тут же, рассекая толпу, двинулся к ним. Обнял Сергея, нежно поцеловал ручку Маргарите, внимательно глядя ей в глаза.

И началось веселье. С московским размахом!

Шаляпин усадил Коненковых неподалеку и, оставаясь за столом самим собой, – шутил, острил, громко и заразительно смеялся, балагурил – при этом неотрывно смотрел на свою старую (хотя почему же старую? Вовсе нет!) знакомую по имени Марго. В самый разгар приема, когда кое-кто из господ артистов уже принялся вольно разгуливать по залу, покуривая диковинные гаванские сигары, кто-то вполголоса напевал романс, кто-то, пользуясь волей, читал (вслух!) Мережковского, а кто-то заботливо поддерживал за талию захмелевшую подругу в надежде на будущие ночные утехи, Шаляпин по-особому взглянул на Маргариту. Она понимающе кивнула.

Федор Иванович протянул даме руку, они встали и на глазах у всех медленно удалились из общего зала в соседнюю комнату. Это выглядело довольно вызывающе. Один лишь Коненков не обратил внимания на исчезновение супруги. Он был слишком увлечен беседой с Сергеем Васильевичем Рахманиновым, который держался особняком, стоя у колонны в глубине зала. Композитор чрезвычайно интересовал Сергея Тимофеевича не только как выдающийся музыкант, но и как возможная модель для будущей работы. Лицо Рахманинова, ясно видел скульптор, было просто находкой. В нем все было просто, но вместе с тем глубоко индивидуально, неповторимо.

– До чего же обаятелен Шаляпин, когда он в духе, – как ни в чем не бывало отпускал обязательные комплименты организатору приема Коненков. И увидел, что замкнутый и скромный Рахманинов улыбнулся его словам, отчего стал как-то проще, «домашней».

– Да, в этом у Феди нет соперников, – произнес композитор, следя взглядом за удалявшейся парой. – Он умеет быть обворожительным… А у вас очень красивая жена, Сергей Тимофеевич. Я вам просто завидую…

– Да-да, – рассеянно согласился Коненков, оглядываясь в поисках своей спутницы.

Заметив его замешательство, проходившая мимо актриска Ниночка Литовцева с показной участливостью поинтересовалась:

– Вы не Маргариту Ивановну случайно ищете? А они ведь с Федором Ивановичем вышли, кажется, вон в ту комнату, – и

указала пальчиком на резную высокую дверь.

Коненков извинился перед Рахманиновым и быстрым шагом пошел в указанном направлении. Дернул за ручку, но дверь была заперта. Он принялся колотить в нее кулаком, звать Маргариту, ругаться. Потом неожиданно у него потекли слезы…

Спустя некоторое время дверь открылась. Шаляпин выглядел смущенным. Маргарита же – нисколько. Она остановилась возле рыдающего мужа и тихо сказала с упреком: «Гости же…»

До самой смерти Коненков не мог забыть жене этот скандальный эпизод с Шаляпиным.

– Успокойся, детка, ничего там не было, – уверяла Маргарита.

Но Сергей Тимофеевич все не мог угомониться и, будучи в преклонном возрасте особенно язвительным, ехидничал:

– Ну, тебя я Шаляпину простил. С каким мужиком не бывает! А вот что он Врубелю влепил пощечину (был и такой случай на том же банкете), этого я ему уже не простил…

* * *

Очень быстро Сергей Коненков стал самым популярным портретистом Штатов. Во многом благодаря Маргарите, ее таланту общения и хорошему знанию английского, взявшей на себя функции менеджера, обеспечение престижных заказов для мужа. Через несколько месяцев вольной жизни срок заокеанского путешествия подошел к концу. Но возвращаться домой почему-то не хотелось. Используя свои новые знакомства в нью-йоркском генконсульстве СССР, она исподволь и деликатно обсуждала варианты возможности задержаться в США на некоторое время после окончания работы выставки. В обмен на взаимные полезные и неафишируемые услуги, разумеется.

Сам Сергей Тимофеевич позже немного по-детски пытался объяснить свою вынужденную «задержку» в США: не успел оформить бумаги. Срок пребывания в Америке истекал, а работы – непочатый край. Он обратился в Наркомпрос с просьбой о продлении визы, Наркомат иностранных дел поручил заняться делом Коненкова советскому посольству в Мексике (поскольку с США дипломатических отношений у СССР не было). Загруженный огромным количеством заказов, рассказывал позже Коненков, «я не придал значения тому, что соответствующие бумаги слишком медленно продвигались по дипломатическим каналам. А потом это и вовсе перестало меня интересовать. Дорогой ценой я заплатил за несерьезное отношение к возвращению на Родину. Шли дни, недели, а затем и годы…»

Правда, «несерьезное отношение к визовым документам» вовсе не стало препятствием для скульптора уже в следующем году участвовать в 14-м Международном венецианском биеннале.

Вообще-то, состав делегации советских художников за время американской экспедиции изрядно «похудел». Кроме Коненкова, в США остались также Захаров и Мекк. По пути на Родину Сомов заехал в Париж, да и застрял там навсегда. Виноградов бросил якорь в Риге. Таким образом, в Москву вернулось лишь трое из восьми триумфаторов: Сытов, Трояновский и Игорь Грабарь.

Для американской публики Коненков оказался необычайно интересен. Они увидели в нем ярчайшего представителя русской скульптурной школы, носителя старых традиций. Работы мастера в дереве стали подлинной сенсацией. Американскому широкому зрителю дерево как скульптурный материал не было известно. Его работы назвали «скульптурной музыкой дерева». Однако это понимали далеко не все. Игорь Грабарь накрепко запомнил, как во время американского вернисажа обхаживал одну потенциальную покупательницу, которая выказала интерес к деревянным работам Коненкова: «Я часа два возился с этой толстой теткой, имевшей фигуру такого же деревянного обрубка, как и те, из которых Коненков резал свои скульптуры. Я объяснял ей все достоинства этой скульптуры. Мы все решили, что Коненков продаст, по крайней мере, три своих скульптуры. Он сам стоял возле, не понимая ни слова, но преисполненный самых радужных надежд. Внезапно она открыла рот и, дотронувшись до одной из скульптур, спросила глухим, сонным голосом:

– А скажите, это все машинная работа?

Повернулась и ушла. Вот Америка...»

Сергей Коненков очень любил работать с мягкими породами: липа, осина. Но пришлось работать и с дубом. В Центральном парке, вблизи которого Коненковы обосновались, мощнейший ураган, как бригада лесорубов, прошелся по нему, вырвав с корнями сотни деревьев. Дубовая древесина досталась художнику почти что даром, и он с удовольствием стал осваивать новый материал, увлекшись созданием скульптурной мебели. Нет, он не проектировал формы кресел или стульев. Коненков создавал из пней и древесных стволов самостоятельные именные скульптуры, образы которых заимствовал у природы. Так появилось «Кресло Сергей Тимофеевич», «Стул Алексей Макарович» и другие удивительные работы.

Жена Рокфеллера, увидев эксклюзивные образцы мебельного искусства, предложила за них любые деньги. Но Коненков наотрез отказался:

– Мебель я продать не могу, она не моя, я ее подарил жене.

Мадам решила, что мастер набивает цену. Но Сергей Тимофеевич вновь и вновь повторял:

– Я вам сказал уже: я не могу продать. Это подарок, а подарки не продают.

Во время работы Коненкову было необходимо общаться со своей моделью. Конечно, он предпочитал работать с русскими людьми, чтобы обходиться без услуг переводчика. Так, он сделал замечательные портреты композитора Сергея Рахманинова, академика Ивана Павлова, многих известных российских эмигрантов.

Знаменитую исполнительницу русских народных песен Надежду Плевицкую скульптор слушал еще в дореволюционные годы, а встретившись с ней в Штатах, попросил позировать ему. Она приходила к нему на сеансы-свидания в том праздничном наряде курской крестьянки, в котором появилась на сцене еще в 1914 году: сарафан, кокошник, жемчуга. И всегда заметно волновалась, как это всегда случалось с ней перед концертами. Но стоило мастеру начать работать, Плевицкая тихонько напевала только для него «Помню, я еще молодушкой была...» или «На старой Калужской дороге...».

Временами она напоминала ему Таню Коняеву. Ее тоже отличала грубоватая красота, крутые скулы, сочные губы, сильные руки, какая-то, простите, животная сила и природное здоровье. Как-то во время очередного сеанса Сергей Тимофеевич подошел к Надежде, нежно прикоснулся к подбородку, чтобы иемножко поправить осанку. Певица тотчас прижала щекой его руку к своей ключице, глядя Коненкову в глаза, и чуть слышно засмеялась: «Сережа, ты же меня истомил всю, старый дурачок...» Сама рывком стянула с него через голову рубаху, пробежалась губами по могучей груди и повлекла за собой...

Когда в 1940 году Сергей Тимофеевич узнал о том, что Плевицкая умерла на французской каторге, осужденная как агент ОГПУ за соучастие в похищении в Париже главы Русского общевоинского союза генерала Миллера, он беспробудно пил горькую целую неделю, если не больше.

Со своим вечным обидчиком Шаляпиным Коненкову работать было крайне трудно. Не только из-за того случая на приеме. Просто певец с большим трудом выдерживал длительные сеансы, ему тяжело было неподвижно сидеть перед скульптором. Его постоянно отвлекали телефонные звонки, он все время вскакивал, бегал по комнате, часто куда-то уезжал раньше оговоренного времени. А иногда сам хватался за карандаш, делал какие-то наброски, даже пытался лепить. И вновь ни с того ни с сего исчезал по своим делам. Однажды ворвался к Коненкову, весь

кипя от возмущения:

– Представь, Серега, **они там** лишили меня, Шаляпина, звания народного артиста Республики!.. Больше того, вообще запретили мне возвращаться в СССР!

– За что?

– За то, что я якобы не желал, вот, слушай, «вернуться в Россию и обслуживать тот народ, звание артиста которого было ему присвоено...». Вот такие пироги, брат... И еще приписали, что я солидаризировался с белогвардейцами... Когда я весьма «солидаризировался» с Горьким и Лениным, царь меня звания солиста императорских театров почему-то не лишал.

– Слава богу, что я не народный, – вздохнул Коненков, – и не белогвардеец... Ладно, Федор, давай за работу. Садись в кресло, – улыбнулся он, – и думай о вечном.

«Впрочем, я не так уж добивался абсолютного портретного сходства, – вспоминал позже Коненков. – В своей скульптуре я изваял только голову Шаляпина, но мне хотелось передать зрителю и то, что отсутствует в скульптуре, – его могучую грудь, в которой клокочет огонь музыки... Я изобразил Шаляпина с сомкнутыми устами, но всем его обликом хотел передать песню...»

Зато Сергей Васильевич Рахманинов был полной противоположностью великому певцу. Он позировал усидчиво и часто повторял Коненкову, что «это ему даже нравится: вот где можно, наконец, посидеть спокойно, помечтать и даже сочинить мелодию!..»

Рахманинов сидел на стуле в мастерской Коненкова в своей излюбленной позе – со сложенными на груди руками, и, казалось, был совершенно погружен в себя. Лицо композитора было находкой для скульптора. Оно напоминало мастеру лик кондора резкой определенностью крупных, словно вырубленных черт. Но вместе с тем всегда поражало своим глубоким, возвышенным выражением и особенно хорошело и преображалось, когда в мастерской неожиданно появлялась Маргарита с предложением сделать перерыв и попить чайку. Зоркий, внимательный Коненков замечал, что при этом глаза его освещались каким-то необыкновенно чистым светом. Но то внимание, которое Сергей Васильевич уделял его супруге, Коненкову совершенно не нравилось, и вечерами он выговаривал Марго, запрещая ей лишний раз без особой нужды появляться в мастерской во время сеансов. Да и за Рахманиновым впредь внимательно приглядывал...

* * *

– Катюша, зовите Сергея Тимофеевича на ужин, все готово, – велела Маргарита Ивановна прислуге.

Девушка вышла и тут же быстро вернулась:

– Маргарита Ивановна, там с Сергеем Тимофеевичем что-то нехорошо.

Когда Марго вошла в кабинет, Коненков сидел в кресле, откинув голову назад. По его лицу текли слезы.

– Что случилось? Почему ты плачешь? – заволновалась Маргарита.

– Сережи больше нет.

– Какого Сережи, о ком ты?

– Есенина. Вот читай. – И Коненков протянул ей свежий номер «Нового русского слова».

Сообщение о том, что 28 декабря 1925 года Есенина нашли повесившимся на трубе парового отопления в ленинградской гостинице «Англетер», Коненкова потрясло, он долго не мог поверить в случившееся. Понемногу отойдя от потери, Коненков сказал своему другу Касаткину:

– А ведь Сережа уже давно говорил в стихах о приближающейся смерти. Но это все в расчет не принималось, по крайней мере мной. Горе высказать не могу, и так его много, что сил нет...

Последней жене поэта, внучке Льва Толстого Софье, которой выпал горький жребий пережить ад последних месяцев жизни с Есениным, он написал трогательное послание: «Я любил Сережу за его прекрасную чистую душу и за чудесные стихи его. Смерть Сережи произвела на меня ошеломляющее впечатление. Я долго не верил этому. Чувствую, что поля и леса моей Родины теперь осиротели. И тоскливо возвращаться туда...» И еще он просил Софью прислать ему в Америку последние фотографии Есенина, снимок могилы, намереваясь создать ему памятник.

Мастер потом долго копался в своем архиве, пока не отыскал старые наброски к скульптурному портрету Есенина. На пожелтевшей ватманской бумаге Сережка был такой молодой, задорный, кудрявый, беззаботный. Скульптор вспоминал весну 1920 года, когда Есенин согласился-таки ему попозировать. Сеансы продолжались с неделю. Он вылепил тогда из глины бюст, сделал карандашные рисунки. А потом его поэты, два Сергея – Клычков и Есенин, – заскучали и в один прекрасный день исчезли, как духи. Куда-то уехали, кажется, в Самарканд...

Свой гипсовый бюст Есенин не любил. Дразнил Коненкова: «Слепил истукана». А однажды, во время очередного пьяного скандала с Софьей, невесть отчего вышвырнул его с балкона четвертого этажа квартиры Толстой. Слава богу, к тому времени

Коненков успел сделать еще и деревянную скульптуру «Есенин читающий». Схвативший себя за волосы поэт, полураспахнутый рот… Когда работа Коненкова выставлялась в витрине книжной лавки «Артели художников слова» на Никитской, Есенин, часто там бывавший, не раз выходил на улицу – проверять впечатление, – а возвращаясь, умиротворенно улыбался. Устраивать самосожжение Сергею Александровичу совершенно не хотелось.

* * *

В Америке Сергею Коненкову с удовольствием позировали зарубежные знаменитости – ученые Лебб, Флекснер, Дюбуа, Ногуччи, Майер, члены Верховного суда США Холмс, Кардадо, Стоун, выдающийся дирижер Артуро Тосканини, легендарный авиатор Чарльз Линдберг, звезда Голливуда и Бродвея Айно Клер… Позировать самому «русскому Родену» было очень престижно…

Хотя сам Коненков вряд ли бы удовлетворился ролью летописца – иллюстратора знаменитостей. Причина даже не в том, что он боялся невольно сбиться на умильные иконообразы, писание безгрешных ликов. Подобная опасность ему никогда не грозила. Просто для него мало было создавать только портреты людей, сколь бы они ни были выдающимися. В лучших своих работах Коненков выходил за рамки этого «только». Показывая своего героя, художник выделял и подчеркивал в нем какое-то определенное, особенно характерное и примечательное качество. Выраженное мощно и заостренно, оно становится центральной темой портрета.

В 1928 году в Риме состоялась персональная выставка Коненкова. Пользуясь случаем, Сергей Тимофеевич отправился в Сорренто, на виллу князя Серры Каприолы, где гостевал в то время Максим Горький со своим семейством. Писатель представлял для художника идеальную модель. «Я не пытался фантазировать, – рассказывал скульптор. – Мне дорого было в точности запечатлеть облик писателя: типично русское лицо, крутой лоб мыслителя, пронизывающий взгляд, решительно сомкнутый рот, выдающиеся скулы худого лица…»

Горький не стал кокетничать, отнекиваться от сеансов и капризничать. Согласился сразу, потому что доверял художнику, с которым был знаком еще с дореволюционных лет. Тем более оба – модель и скульптор – сразу нашли удобную форму работы. Горький часами стоял за конторкой, разбирая свою обширную

корреспонденцию, а Коненков ваял натуру. Они с удовольствием общались и во время сеансов, и тогда, когда отправлялись на прогулки по улочкам Сорренто. «Мы много говорили, – рассказывал потом Коненков Маргарите, – бродили, летней ночью любовались Неаполем, перед нами сияли миллионы огней, и в этом общении я познавал склад ума моего величайшего собеседника, его одухотворенность...»

Он был очень доволен тем, что у него получился портрет-характер. Отцу «Матери» тоже понравилось собственное скульптурное изображение. Пока глина еще не высохла, он палочкой оставил на ней автограф, многократно повысив ценность работы.

* * *

Неясным остается вопрос: сумевший выбраться в Италию Коненков не видел и малейшей возможности доехать до России? Денег не хватало? Недосуг? Визовые проблемы? Заказы не позволяли? Долги не пускали? Или грехи? Или задачи служебной командировки еще не были до конца выполнены? Или нечто иное?..

Сам Коненков объяснял все просто, без изысков: «Устав от американской колготы, отправился в Италию...»

НЬЮ-ЙОРК, 1935

Когда Эйнштейн еще жил в Европе, падчерица Маргот выскочила замуж за русского журналиста Дмитрия Марьянова, аккредитованного в Берлине при советском посольстве. Молодожены совершили восхитительное свадебное путешествие в Москву, где они впервые увидели оригинальные работы российского скульптора Коненкова. Возвратившись домой, в кругу родных Маргот рассыпалась в комплиментах «русскому Родену». А когда узнала, что ныне он обосновался в Штатах, тут же попросила мужа познакомить ее с мастером. Для журналиста подобное «домашнее задание» забот не составляло, и вскоре молодая чета стала завсегдатаями коненковского салона. Спустя время Маргарита и Маргот стали задушевными подругами.

В 1935 году порог нью-йоркской мастерской Коненкова впервые перешагнул великий Альберт Эйнштейн. Администрация Принстонского университета заказала русскому мастеру создать бронзовый скульптурный портрет своего великого сотрудника, нобелевского лауреата.

Уговорить его позировать, то есть терять часы и даже дни на ничегонеделание, было крайне проблематично. Друзьям был известен лишь один-единственный случай, когда Эйнштейн согласился на подобную экзекуцию. Художник, попросивший о нескольких сеансах, получил решительный отказ. Тогда он взмолился, объяснив, что портрет Эйнштейна поможет ему хоть на некоторое время избавиться от нужды. Только тогда ученый безропотно согласился потратить свое бесценное время на какое-то позирование.

В сотрудничестве с Коненковым сработали другие аргументы. Во-первых, это был официальный заказ администрации Принстонского университета. Во-вторых, аргументы падчерицы Маргот. И, в-третьих, изумительное мастерство скульптора. Эйнштейн поднял руки – и сдался.

Маргарита Ивановна вспоминала: «Когда Сергей Тимофеевич работал над портретом Эйнштейна, тот был очень оживлен, увлеченно рассказывал о своей теории относительности. Я очень внимательно слушала, но многого понять не могла. Мое внимание поощряло его, он брал лист бумаги и, стараясь объяснить свою мысль, делал для большей наглядности рисунки и схемы. Иногда объяснения меняли свой характер, приобретали шутливую форму – в такую минуту был исполнен наш совместный рисунок – портрет Эйнштейна, – и он тут же придумал ему имя: Альмар, то есть Альберт и Маргарита». Особо

подкупила ее кокетливая шутка знаменитого ученого, который сказал, что он известен лишь своими пышными волосами.

Автор теории относительности был сражен женой художника наповал. Позже он признался ей, что в ее глазах увидел «отблеск Бога». Она же своей природной женской интуицией сразу угадала, что Эйнштейн – далеко не ангел, витающий в облаках, или какое-то иное бесполое существо. Даже вспомнила невинный вопрос своей сарапульской племянницы:

– А кто такие ангелы?

– Ну, такие существа, с крылышками, летают...

– И кусаются?..

Работа над созданием портрета заняла немало времени. Скульптор особенно старался уловить детское изумление в глазах, присущее великому ученому. Маргарита то появлялась в мастерской, то вновь на время исчезала, но скоро возвращалась с чашками чая и пирожками на подносе.

– Прошу вас, господа. Передохните.

Мастер и натурщик садились к столу. Марго устраивалась рядом. Пили чай, Эйнштейн расспрашивал о Советской России, много говорили о политике. Ученый вспоминал пережитые им недавние события в Германии и четко формулировал то, что его прежде всего волновало:

– Крупные политические свершения нашего времени вызывают чувство беспросветности: в нашем поколении ощущаешь себя совершенно одиноким. Кажется, люди утратили стремление к справедливости и достоинству, перестали уважать то, что ценой огромных жертв сумели завоевать прежние, лучшие поколения... В конечном счете основой всех человеческих ценностей служит нравственность. Ясное осознание этого в примитивную эпоху свидетельствует о беспримерном величии Моисея... Какой все-таки контраст с нынешними людьми!..

Отношения Коненкова и Эйнштейна складывались ровными, уважительными. Каждый знал себе цену и с почтением относился к работе друг друга. Лишь однажды между ними едва не произошел конфликт на религиозной почве. Они втроем спускались в лифте, и вдруг Коненков обратился к Эйнштейну с неожиданным вопросом:

– А вы верите в бога?

– Нет, – лаконично ответил физик.

– Ну и дурак, – не менее краток был художник.

Хотя Маргарита и не решилась переводить последнюю фразу, но Эйнштейн ее и так понял. При случае, пока чета Коненковых гостила в Принстоне, он подробно изложил свои взгляды на религию и науку.

– Я не верю в бога как в личность и никогда не скрывал этого… Если во мне есть нечто религиозное, это, несомненно, беспредельное восхищение строением Вселенной в той мере, в какой наука раскрывает его… Научные исследования исходят из того, что все на свете подчиняется законам природы. Это относится и к действиям людей. Поэтому я, как ученый-исследователь, не склонен верить, что на события может повлиять молитва, то есть пожелание, обращение к сверхъестественному существу. Однако… наши действительные знания об этих законах несовершенны и отрывочны, поэтому убежденность в существовании основных всеобъемлющих законов природы также зиждется на вере. Дело не меняется от того, что эта вера до сих пор оправдывалась успехами научных исследований…

С другой стороны, каждый, кто серьезно занимался наукой, приходит к убеждению, что в законах природы проявляется дух, значительно превосходящий наш, человеческий. Перед лицом этого высшего духа мы, с нашими скромными силами, должны ощущать смирение. Думаю, занятия наукой приводят к благоговейному чувству особого рода, которое в корне отличается от наивной религиозности.

Я не могу представить себе персонифицированного бога, прямо влияющего на поступки людей и осуждающего тех, кого сам сотворил. Не могу. Не могу сделать этого, несмотря на то что современная наука ставит под сомнение – в известных пределах – механическую причинность. Моя религиозность состоит в смиренном восхищении безмерно величественным духом, который приоткрывается нам в том немногом, что мы, с нашей слабой и скоропроходящей способностью понимания, постигаем в окружающей действительности. Нравственность имеет громадное значение – для нас, а не для бога…

Внимательно, не перебивая, слушавшего Эйнштейна Сергея Тимофеевича особенно подкупила афористичная фраза ученого: «Наука без религии хрома, а религия без науки слепа». Словом, инцидент был исчерпан. После этой встречи, вспоминал Коненков, их на долгие годы связали «теплые, дружеские отношения».

Религиозные воззрения Эйнштейна и впрямь были довольно своеобразны. Родители его не были религиозны. Но сына отдали в католическую школу, одновременно с этим он получал частные уроки по иудаизму. Все это создало то, что Эйнштейн позднее называл «религиозным раем юности». В то время он соблюдал некоторые религиозные правила. Например, не ел свинину. Но вот кипа не держалась на его мятежной голове. К 12 годам

Альберт стал серьезно задаваться вопросами об истинности большинства библейских историй.

Он так часто произносил слово «бог», что вводил этим людей в заблуждение. На самом деле, признавался Эйнштейн, «я верю в бога Спинозы, который раскрывается в гармонии всего сущего, а не в того бога, который управляет судьбами и поступками людей».

Зоркий глаз и верная рука мастера Коненкова очень точно поймали основные черты облика гениального ученого. Дело было даже не во внешнем сходстве. Художественный критик А.Каменский позже писал о работе Коненкова: «В портрете Альберта Эйнштейна удивительным образом смешались черты вдохновенной мудрости и наивного, чуть ли не детского простодушия... Этот портрет в самом высоком смысле слова светоносен – искрятся широко раскрытые, думающие глаза, над которыми взлетели ломкие, тонкие брови; ласковостью солнечного полдня веет от теплой, милой улыбки, и даже небрежно разметавшиеся волосы над огромным, морщинистым лбом – будто лучи, несущие потоки радостного света. Живое, безостановочное движение великой мысли и доверчиво-вопрошающее изумление перед раскрывающимися тайнами гармонии бытия запечатлелись на этом потрясающем своей проникновенной выразительностью лице, таком добром, мягком, простом и в то же время озаренном силой и красотой пророческого ясновидения...»

НЬЮ-ЙОРК, 1936 и иные годы

Но распрекрасная салонная жизнь, столь бережно выстраиваемая Маргаритой, внезапно оборвалась. Все изменилось буквально в один день, когда Маргарита привела в мастерскую некоего Тихона Шмелева, члена общества «Ученики Христа». Она совершенно случайно познакомилась с ним в поезде. Разговорилась с соотечественником. Поначалу он показался ей интересным человеком, и она решила познакомить с ним мужа. Потом она неоднократно кляла себя за легкомысленный поступок. Шмелев оказался искусным проповедником идей секты «расселитов», основанной примерно в 1874 году своеобразным толкователем Библии, пастором Чарльзом Тейзом Расселом.

Последователи секты Рассела несколько раз меняли свое название, стремясь избавиться от аморального шлейфа, оставленного после себя ее основателем, человеком, далеким от этических эталонов. В конце концов, в 1931 году, они стали называть себя «свидетелями Иеговы». Исследователи религиозных течений считают иеговистов одной из опаснейших сект, которые используют для убеждений и привлечения новых адептов не только силу слова, но и психотропные препараты. Не исключено, что, вербуя великого русского скульптора в свои ряды, они, говоря современным языком, подсадили Коненкова на иглу.

Хотя сам Коненков утверждал: «Со мной одинаково мыслящих… душ двадцать – рабочие различных профессий, поляки из Польши и Карпатской Руси. Ни к какой религии из существующих на земле или секте – мы не принадлежим и учения своего не распространяем. Мы лишь исследователи Библии в нашем маленьком собрании. С коммунизмом мы имеем одинаковые основания. «Кто не работает (не хочет трудиться), тот и не ешь»… Вполне солидарны в проведении программы для устройства на земле царства справедливости и счастья для всего человечества. Мы убеждены – что все государства с начала от 1914 г. начали рушиться и будут рушиться до последнего. Все старые порядки рабства, эксплуатации человека человеком, купля и продажа чрез капитал уничтожатся – гражданской войной – т.е. революцией в каждом государстве под руководством С.С.С.Р., где устанавливается новое царство, то, о котором мечтало лучшее человечество, как о золотом веке. И все ето будет совершаться на наших глазах, и год за годом все будем видеть то совершающимся с точностью и без ошибок…» (стиль и орфография сохранены. – Ю.С.)

В отличие от классических иеговистов, разработавших учение

об Армагеддоне как о войне армии света с армией тьмы, члены кружка брата Заборовского, в который входил Коненков, считали, что Армагеддон и мировая революция – это практически одно и то же, а последняя битва между добром и злом будет сражением между социализмом и капитализмом.

В конце 30-х годов Коненков, отыскавший в Библии прямые указания на современность, решает раскрыть глаза «дорогому брату Сталину» на ближайшее будущее и беды, которые грозят России. За советом он обращается к своему давнему знакомому – московскому скульптору Александру Златоврацкому. Делится с ним своими видениями и пророчествует: «Войны не будет: будет революция всесветная и начнется она в 1939 году… И эта революция уничтожит до основания существующие порядки на всем свете. С.С.С.Р. будет стоять непоколебимо и будет стоять в авангарде предстоящей революции… В предстоящей революции капитализм будет уничтожен – навсегда – навеки. Настанет царство рабочее…

В письме вы пишете, что инициатива о возвращении должна идти с моей стороны, и что отсюда следует обратиться мне к Сталину или Молотову, который теперь является главным руководителем искусства… Все ето мы поручаем Вам свидетельствовать Сталину и Молотову…»

Истратив день на размышления, на следующий день Коненков сочиняет следующее послание для брата Златоврацкого: «Чтобы предстать пред Сталиным и Молотовым вначале мы трое согласны приехать в Москву, я, моя жена и брат Заборовский. (В нашем обществе мы называемся братьями, как все которые воспримут Царство Божие – суть братья – дети Божие – будучи в гармонии с Богом…)

В С.С.С.Р. устанавливается царство Божие на основе справедливости… Мы докажем ето на основании Библии и здравого смысла. Только большевики обладают здравым смыслом… Мы ответим советскому правительству на каждый поставленный нам вопрос. Мы покажем карту-картину год за годом наступающих событий и подтвердим то Библией, здравым смыслом и очевидностью исполнявшихся событий, исполняющихся и предстоящих исполниться, и то с точностью года и месяца…

То все будем свидетельствовать, когда предстанем пред дорогим Иосифом Илларионовичем (так в тексте. – Ю.С.) и пред дорогим товарищем Молотовым, и просим их принять наши сердечные приветствия.

Остаюсь любящим Вас, Ваш С.Коненков».

Неожиданно для многих Сергей Коненков стал отказываться

от многих выгодных заказов, старался отгородиться от общества, все больше превращаясь в отшельника. Именно в эту пору у Коненкова появились первые изображения Христа, пророков и апостолов, а также эскизы к космогониям. Его теософская графика, как попытка художественного прочтения библейских текстов, была более созвучна западноевропейской изобразительной школе. В частности, классическим иллюстрациям Гюстава Доре, пророческим композициям английского мистика XVIII века Уильяма Блейка. Но никто ни до, ни после Коненкова не пытался отразить в графической форме взаимосвязь событий земной истории с начертанным в космосе «божественном планом веков», ключом к прочтению и пониманию которого является Библия. Цикл его графических композиций многие стали называть «библией Коненкова», считая, что в этих рисунках зашифрованы пророчества зачудившего гения. Он первым взял карту звездного неба и наложил на нее карту Земли, и на этой сцене стали жить библейские персонажи. При этом каждый рисунок не существовал сам по себе, а дополнял другой, и все они объединялись в единое целое.

Он в графической форме изобразил взаимосвязь исторических событий с расположением созвездий и планет. Его пророчества доказывают, что все происходящее на Земле начертано на карте звездного неба. Как сказал Гермес Трисмегист, что наверху – то и внизу. В основу своих расчетов Коненков положил пирамиду Хеопса, точнее, информацию, заложенную в нее жрецами и строителями.

Дорога к Храму растянулась у Сергея Коненкова более чем на четверть века. Иногда окружающим казалось, что этот седобородый старец сам сошел со страниц Библии. Сергей Тимофеевич, кстати, с удовольствием поддерживал в глазах окружающих утешающий его образ.

В коненковской библиотеке, позже вывезенной из Америки, хранились уникальные трактаты по древней метрологии (учение о пирамиде Хеопса), труды европейских теологов и астрономов минувших веков, в том числе раритетное издание Исаака Ньютона «Замечания на книгу Пророка Даниила и Апокалипсис Св. Иоанна». Великий физик в свое время при помощи сложных вычислений пытался увязать пропорции храма Соломона с космической гармонией и смыслом библейских пророчеств, предсказывая конец света в 2060 году. Коненков же пришел к выводу, что апокалипсис – это не одномоментный акт, а процесс, начавшийся в 1874 году и длящийся по сей день, наиболее ярким проявлением которого являются войны.

Год 1874-й вряд ли был избран случайно. Ведь именно в этом

году явился на свет божий Сергей Тимофеевич Коненков… К тому же в этом году появилась в миру секта «Ученики Христа» Рассела…

Кровопролитные войны, особенно Вторая мировая, по Коненкову, есть проявления апокалипсиса. Он свято верил, что все реальные исторические события развиваются по божественному плану. Они являются отражением движения звезд и созвездий относительно друг друга и их расположения на небесной сфере. А так как траектории космических тел всегда можно рассчитать, то возможно и предвидение будущего.

Ньютон предсказывал конец света в 2060 году. Коненков не был так категоричен. Цикл космогоний «Апокалипсиса» мастером не был закончен. Последний год, указанный на них, 1994-й. Остается неясным вопрос: почему, вернувшись на Родину, мастер прекратил работать над циклом своих космогоний? Может быть, решил, что будущего лучше не знать?..

При жизни Коненкова его космогонии не выставлялись, хранились под замком. Он строго-настрого наказал своим родственникам, что они не будут даже упоминать о его рисунках как минимум полвека.

ПРИНСТОН, 112, Мерсер-стрит – 1936 и другие годы

Однажды майским днем приехав к Эйнштейну, Маргарита застала у него в гостях корреспондента из Колорадо. Альберт прервал интервью, учтиво и целомудренно поцеловал ее прелестную ручку и усадил в кресло: «Подождите немного, дорогая. Мы уже заканчиваем». И обратился к журналисту, заинтересованно рассматривающему неожиданную гостью (он знал, великий ученый недавно овдовел):

– Так на чем мы остановились? Ах, да!.. Вы спрашивали о факторах, которые воздействуют на формирование ученого. Внешние события, могущие определить направление мыслей и поступков человека, бывают в жизни каждого. Но на большинство людей такие события не влияют. Когда я был маленьким мальчиком, отец показал мне компас, и то сильнейшее впечатление, которое он произвел на меня, несомненно, сыграло роль в моей жизни...

Альберт Эйнштейн был весьма изобретателен не только в научных изысканиях, но и в любовно-житейских играх. Целых три года он имел возможность видеться с Маргаритой лишь урывками. Чтобы получить возможность видеться с любимой женщиной в летние отпуска и подольше оставаться наедине, автор теории относительности сочинил для Сергея Коненкова, по его мнению, убедительнейшее письмо, в котором ставил его в известность о якобы серьезном недуге Маргариты. Мало того, к письму прилагалось заключение врача – приятеля Эйнштейна, с рекомендацией для опасно больной женщины как можно больше времени проводить в местах с благоприятным климатом. Например, на берегу благодатного Саранак-Лейк. А то, что там постоянно снимал коттедж №6 их добрый знакомый Эйнштейн, только облегчало возможность поскорее поставить на ноги прекрасную Маргариту. Кроме того, регулярные прогулки по озеру на яхте все того же сердобольного Альберта Эйнштейна также пойдут на пользу внезапно занемогшей женщине...

Поверил ли Коненков увещеваниям ученого-физика и его приятеля-медика, неизвестно. Может быть, поверил. А возможно, и нет. Но вполне возможно, что он внял рекомендациям некой третьей, куда более авторитетной силы. Но, во всяком случае, никаких препятствий Коненков своей супруге в регулярных поездках в Принстон и Саранак-Лейк не чинил.

Мудрая женщина Маргарита, щадя самолюбие мужа и

одновременно побаиваясь его гнева, во время своих отлучек в Принстон эпистолярно общалась с ним, как бы отчитываясь о каждом своем шаге: «Дорогуся! Вчера я приехала к Маргоше и думаю побыть здесь до субботы. Вид у Марго ужасный. Она потеряла ½ фунта. Эйнштейн сказал мне, что доктора подозревают у нее туберкулез гланд. Это прямо ужасно! Ведь они абсолютно в панике из-за европейских событий. Ожидают, что здесь тоже будет нацизм, и Маргот собирается продать свой дом и бежать в Калифорнию. Штат Нью-Джерси и штат Нью-Йорк они считают самыми опасными в случае вспышки здесь национализма… Погода тоже способствует – ужасно холодно и льет дождь. Наши мышки воюют. «Крошка» и «Snow Boli» два раза сидели в карцере, но ничего не помогает. «Серая тучка», как всегда, мечтает, сидя на крыше… В среду я была у Сиппреля. Она лишь сообщила невероятную историю: жена «Собачкина» влюбилась в Узумова, и он в нее! Целую крепко. Маргарита.

P.S. Эйнштейн шлет тебе привет».

– …Угу, – прочитав Маргошино послание, хмыкнул в седые усищи Коненков. – И ему с кисточкой!

* * *

…Управляя яхтой, Эйнштейн чувствовал себе совершенно счастливым. Судно легко скользило по глади озера Саранак, были послушны паруса, яркое солнце ласково гладило непокрытые плечи. А главное – рядом в шезлонге сидела очаровательная, самая замечательная спутница, и легкий ветерок шалил с ее волосами. Только ей, Марго, он мог доверить свои самые сокровенные мысли. А как же она умела слушать…

– Тебя не укачивает? – спросил он ее, когда они впервые оказались на берегу Саранакского озера.

– Вроде бы нет. А тебя?

Эйнштейн рассмеялся:

– Морскую болезнь у меня вызывают не морские волны, а люди. Но, боюсь, наука еще не нашла лекарства от этого недуга.

Маргарита честно пыталась хоть чуть-чуть понять суть своего «капитана» и мучила его детскими вопросами.

– Знаешь, еще юношей, не по летам развитым, я уже ясно осознал бесплодность надежд и чаяний, исполнения которых большинство людей добивается всю жизнь. Поверь, Марго, материальное благополучие и счастье никогда не казались мне единственной целью жизни. Я даже склонен сравнивать такие моральные цели с амбициями свиньи… Воображение важнее, чем

знание. Знания ограничены, а воображение охватывает целый мир. Вот все с детства знают, что то-то и то-то невозможно. Но всегда находится невежда, который этого не знает. Вот он-то и делает открытие...

Он чувствовал, как она мучается в своих метаниях между ним и мужем, зная, что нужна им обоим. Понимал, что к нему Маргарита испытывает любовь-нежность, а к Коненкову – любовь-благодарность. Ведь тот был ее Пигмалионом, сделавшим из нее Женщину, превратив мелкопоместную дворяночку в Личность.

«Аль» пытался утешить свою «Мар», оригинально толкуя сложную сексуальную ситуацию:

– Ты, наверное, знаешь, что большинство мужчин, как и большинство женщин, не являются моногамными по своей природе. И чем больше препятствий для удовлетворения этих желаний ставится на пути, тем с большей энергией люди их преодолевают. Заставлять человека соблюдать верность – это тягостно для всех участвующих в принуждении...

– Хочу курить, – тоном капризной девочки сказала Марго.

– У меня только трубка. Правда, где-то есть и сигары, – смутился Альберт. – Но для тебя они слишком крепки.

– Дай, – потребовала женщина.

Но ее партнер понял все по-своему. Опрокинул ее на спину и, как ребенок, жадно впился губами в сосок. Марго тихонько засмеялась, положила руки на его загорелые плечи и, не в силах сдерживаться, вонзила в них свои острые коготки, окрашенные сегодня в алый цвет.

– Еще!..

* * *

Потом, когда они отдыхали в шезлонгах на палубе, Эйнштейн озадачил Марго неожиданным вопросом.

– Марго, ты гораздо лучше меня ориентируешься в московской политической элите... Как ты считаешь, к кому я могу обратиться по одному щекотливому вопросу?

– А что за проблема?

– Надо бы помочь одному достойному человеку. Его арестовали там, у вас, в России. Он бежал из Германии, работал в университете в Томске, и вот такое недоразумение, заподозрили, что он немецкий шпион. Это чушь собачья, ручаюсь.

– Раз он беженец, я думаю, надо ходатайствовать перед Литвиновым.

– А кто это?

– Нарком иностранных дел. Максим Максимович. Если хочешь, я передам письмо через советское посольство. Так оно быстрее поступит в Москву, к самому наркому...

«Господину Народному Комиссару
Литвинову М.М.
Москва, СССР
28 апреля 1938 г.

Глубокоуважаемый господин Литвинов!

Обращаясь к Вам с этим письмом, я выполняю тем самым свой долг человека в попытке спасти драгоценную человеческую жизнь. Речь идет о математике, профессоре Фрице Нетере, который в 1934 г. был назначен профессором Томского университета. 22 ноября 1937 г. он был арестован и препровожден в Новосибирск в связи с обвинением в шпионаже в пользу Германии. Два его сына были 20 марта 1938 г. высланы из России.

Я очень хорошо знаю Фрица Нетера как прекрасного математика и безукоризненного человека, не способного на какое-либо двурушничество. По моему убеждению, выдвинутое против него обвинение не может иметь под собой оснований. Моя просьба состоит в том, чтобы Правительство особенно обстоятельно расследовало его дело, дабы предотвратить несправедливость по отношению к исключительно достойному человеку, который посвятил всю свою жизнь напряженной и успешной работе.

Если его невиновность подтвердится, я прошу Вас поспособствовать тому, чтобы и оба его сына смогли вернуться в Россию, чего они хотят более всего. Эти люди заслуживают особого к ним внимания.

С глубоким уважением

Профессор А.Эйнштейн».

О чем он просил, наш наивный профессор? Прекрасный математик к тому времени уже был казнен и покоился в неглубокой могилке в вечной мерзлоте. Сыновьям повезло больше. Им удалось добраться до Америки, где старший из них, Готфрид, успешно пошел по стопам отца и стал известным математиком. «Особого внимания» они, к счастью, избежали.

* * *

Однажды, возвратившись из очередной вылазки в Принстон, Маргарита утешила мужа щедрым подарком Эйнштейна – снимком созвездия Плеяды с автографом великого физика. В этом

созвездии была звезда Алцион, которую Коненков считал «неподвижным центром Вселенной» и космическим олицетворением Бога.

– Спасибо, Марго. Ты в следующий раз передай ему, пожалуйста, и мой подарок – фотокопии моих космогоний.

Великий физик Альберт Эйнштейн приложил немало усилий, чтобы восстановить Священный Иерусалим в рамках возрожденного Государства Израиль. Великий диктатор Сталин по своему разумению строил социалистический Иерусалим. А великий художник Сергей Коненков свято верил в Иерусалим Небесный.

Но исполнилась лишь мечта Эйнштейна. И то – весьма и весьма относительно.

ЛОНГ-АЙЛЕНД, август 1939

К моменту знакомства с Альбертом Эйнштейном Маргарите Ивановне было уже под сорок. Конечно, былая свежесть уже ускользала. Даже в коненковской «Магнолии», последнем обнаженном портрете Марго, было заметно, как поплыли формы. Легкокрылой порхающей «Бабочки», увы, уже не стало. Но в каждом возрасте есть свое очарование, и Маргарита буквально источала обезоруживающее обаяние. Которым она не преминула воспользоваться, окутав своими чарами нового заманчивого поклонника.

Из экстравагантных привязанностей Маргариты, которые бесконечно умиляли Эйнштейна, была одна – безграничная любовь к ручным крыскам, которым, видимо, досталось все ее неосуществленное материнское тепло. Ведь она не хотела иметь детей, опасаясь испортить свою великолепную фигурку. Своих крысок она брала с собой, даже отправляясь на свидания к Альберту в Принстон.

* * *

– Марго, сегодня у нас будет много гостей, – однажды объявил Эйнштейн, – я хочу познакомить тебя со своими друзьями.

– «Много» – это сколько? – спросила Маргарита, уже хорошо зная, что Альберт с трудом переносит большие шумные компании.

– Человек десять, пожалуй. В основном мои коллеги-физики. Да, будет одна дама, жена Оппенгеймера. Он ведь без нее никуда не выезжает. Надеюсь, вы с ней подружитесь. Она приятная особа. Правда, с левыми завихрениями...

Сцилард и Вигнер безнадежно заплутали, разыскивая коттедж Эйнштейна. В конце концов Лео Сцилард плюхнулся прямо на траву в своих белоснежных брюках, сбросив мокасины:

– Все, Юджин, я больше не могу. Давайте оставим эти напрасные поиски и отправимся домой. Может быть, в этом перст судьбы? Может, мы совершаем большую ошибку, вовлекая Эйнштейна в нашу авантюру?.. Ну хорошо, он подпишет письмо президенту, и что? Раз правительство получает выгоду от чего-то, оно никогда не допустит...

– Лео, наш долг – сделать это, поймите... Я думаю, надо также обратиться к бельгийской королеве-матери. В Бельгийском

Конго большие запасы урана, и ни за что нельзя допустить, чтобы Германия воспользовалась ими. Эйнштейн в дружбе с бельгийской королевой. Пусть он напишет ей. В данной ситуации не до церемоний... Ладно, пошли дальше.

Вскоре им повезло. Встретившийся на улице местный мальчишка с удовольствием проводил незадачливых странников к двухэтажному коттеджу Эйнштейна.

...Когда выпито и съедено было уже изрядно, Альберт Эйнштейн, весело глядя на сидящих за столом, поднял указательный палец к потолку и глубокомысленно произнес:

– Обжорство – великий грех, господа!

Все засмеялись. Мужчины поднялись и отправились на веранду покурить. Дамы остались за столом. Жена Роберта Оппенгеймера Кэтрин (Маргарите она представилась как Китти) оказалась весьма милой и общительной женщиной. Они мило болтали о всяких пустяках и чувствовали растущую взаимную симпатию друг к другу. Дамы даже не заметили, когда в столовую вернулись мужчины. Те тоже были увлечены своим разговором, начатым, видимо, еще на улице...

Речь шла о каких-то физических проблемах, в которых Маргарита разбиралась столь же блестяще, как в американском футболе или в бридже. Лишь отдельные слова можно было отнести к человеческим – «обогащенный уран»... «атомная бомба»... «распад»... «ядро». Все остальное было сродни туземному наречию.

В конце концов картина кое-как прояснилась. Коллеги Альберта Эйнштейна были крайне обеспокоены неофициальными сведениями о том, что в Германии в 1939 году было проведено экспериментальное деление урана. Они ясно понимали, что теперь берлинские физики способны создать мощную атомную бомбу, которая в руках Гитлера станет смертоносным оружием против всей цивилизации.

«Возможность цепной реакции, – вспоминал позже Сцилард, – не приходила в голову Эйнштейну. Но почти сразу же, как я начал рассказывать ему о ней, он оценил возможные последствия и изъявил готовность помочь нам. Но нам казалось все же целесообразным до обращения к бельгийскому правительству информировать о предполагаемом шаге Государственный департамент в Вашингтоне».

– Поймите, – горячился немного хвативший лишку Лео Сцилард, – надо срочно донести до президента Рузвельта эту опасность и предложить форсировать работы по атомной проблеме здесь, в США. Мы, эмигранты, – Ферми, я, Теллер, Вигнер – не имеем возможности непосредственно обратиться в

Белый дом. Вы...

– Но я ведь тоже эмигрант, – напомнил Эйнштейн.

– Да какой вы, к дьяволу, эмигрант?! – не успокаивался Сцилард. – Вы – Эйнштейн! Этим все сказано. Кстати, письмо готово. Я встречался с Саксом, теневым советником Рузвельта, он готов передать его президенту. Вам остается его только подписать. Вы согласны?

– Конечно. Но если можно, я его сначала прочту и при необходимости подкорректирую. Вы не будете возражать?

– Ну о чем вы говорите, маэстро?!.

– А может, вы хотите, чтобы потом я поиграл вам на скрипке?

– Конечно.

– Ладно, все потом. Пойдемте в дом.

Усадив гостей за письменный стол, Эйнштейн прочел письмо несколько раз, вздохнул, хмыкнул и принялся расхаживать по кабинету, диктуя Теллеру новый текст. По-немецки. Так ему легче думалось.

«Альберт Эйнштейн,
Олд Гров-Роуд,
Нассау Пойнт Пеконик,
Лонг-Айленд, 2 августа 1939.
Ф.Д.Рузвельту,
Президенту Соединенных Штатов
Белый дом. Вашингтон

Сэр!

Некоторые недавние работы Ферми и Сциларда, которые были сообщены мне в рукописи, заставляют меня ожидать, что элемент уран может быть в ближайшем будущем превращен в новый и важный источник энергии. Некоторые аспекты возникшей ситуации, по-видимому, требуют бдительности и в случае нужды быстрых действий со стороны правительства. Я считаю своим долгом обратить Ваше внимание на следующие факты и рекомендации.

В течение последних четырех месяцев благодаря работам Жолио Кюри во Франции, а также Ферми и Сциларда в Америке стала вероятной возможность ядерной реакции в крупной массе урана, вследствие чего может быть освобождена значительная часть энергии и получены большие количества радиоактивных элементов. Можно считать почти достоверным, что это будет достигнуто в ближайшем будущем.

Это новое явление может привести также к созданию бомб, возможно, хотя и менее достоверно, исключительно мощных бомб нового типа. Одна бомба этого типа, доставленная на корабле и взорванная в порту, полностью разрушит весь порт с

прилегающей территорией. Такие бомбы могут оказаться слишком тяжелыми для воздушной перевозки.

Соединенные Штаты обладают малым количеством урана. Ценные месторождения находятся в Канаде и Чехословакии. Серьезные источники – в Бельгийском Конго.

Ввиду этого положения сочтете ли Вы желательным установление постоянного контакта между правительством и группой физиков, исследующих проблемы цепной реакции в Америке? Для такого контакта Вы могли бы уполномочить лицо, пользующееся Вашим доверием, неофициально выполнять следующие обязанности:

а) поддерживать связь с правительственными учреждениями, информировать их об исследованиях и давать им необходимые рекомендации, в особенности в части обеспечения Соединенных Штатов ураном;

б) содействовать ускорению экспериментальных работ, ведущихся сейчас за счет внутренних средств университетских лабораторий, путем привлечения частных лиц и промышленных лабораторий, обладающих нужным оборудованием.

Мне известно, что Германия в настоящее время прекратила продажу урана из захваченных чехословацких рудников. Такие шаги, быть может, станут понятными, если учесть, что сын заместителя германского министра иностранных дел фон Вейцзекер прикомандирован к Институту кайзера Вильгельма в Берлине, где в настоящее время повторяются американские работы по урану.

Искренне Ваш

Альберт Эйнштейн».

Прежде чем подписывать письмо, Эйнштейн еще раз быстро прочел переведенный на английский язык текст. Посмотрел на коллег:

– Знаете, друзья, хотел бы вам напомнить, что в Древней Греции действовали законы Солона, по которым в решающие минуты запрещалось сохранять нейтралитет – нужно было принимать ту или иную сторону, и все. Но имеем ли мы право убивать людей посредством энергии, которая, видимо, умышленно скрыта природой за семью печатями и недоступна?

Сцилард мгновенно среагировал:

– Энергия урана будет использована исключительно для самозащиты от фашизма.

– А если фашизм будет побежден до того, как мы создадим эту бомбу? Наши усилия будут напрасны?

– Тогда это чудище никогда не будет использоваться в военных целях, – убежденно заявил Лео.

– Ну-ну,– покачал седой головой Эйнштейн.

ВАШИНГТОН, Белый дом, 1939–1940

«Я выполнил роль почтового ящика, – позже вспоминал Эйнштейн. – Я ясно понимал страшную опасность, которую несет человечеству осуществление нашего предложения. Но то, что немецкие физики, работающие над этой же проблемой, могут добиться успеха, вынудило меня сделать этот шаг».

Прошло почти десять недель, прежде чем письмо Эйнштейна дошло до адресата. Организацию его доставки взял на себя экономист Александр Сакс, вице-президент одной из ведущих промышленных корпораций, активный участник разработки Нового курса Рузвельта. Президент высоко ценил этого энергичного выходца из России. Сакс всегда был сдержан, понимал свое место и никогда не позволял себе лишнего.

11 октября Сакс был приглашен в Белый дом. Прочитав письмо Эйнштейна, Рузвельт пожал плечами: «Поймите, Алекс, начать сейчас финансирование столь дорогостоящего проекта – это непозволительная роскошь для страны...» Потом, подумав, предложил повидаться завтра и еще раз все обсудить.

В Овальном кабинете они встретились поздним вечером. Скрестив руки под подбородком, Рузвельт требовательно смотрел на финансиста.

– Господин президент, позвольте вам напомнить, что в свое время Наполеон прогнал Фултона с его проектом парохода и, таким образом, не смог создать флот с новыми двигателями, способный пересекать Ла-Манш при любой погоде, и покорить Британию. Кто от этого выиграл?.. Английская королева.

– Алекс, вы озабочены тем, чтобы нацисты не взорвали нас? – спросил президент.

– Именно так. Прояви Наполеон в свое время больше сдержанности и сообразительности, история XIX столетия могла бы развиваться совершенно иначе.

– Хорошо.

Рузвельт сгорбился над столиком, за которым они сидели с Саксом в укромном уголке кабинета, и быстро написал несколько слов на бумажной салфетке и передал ее лакею. Через минуту-другую тот принес бутылку французского коньяка времен Наполеона и налил его в крохотные рюмки.

– Выпьем, – предложил Рузвельт. – Помянем Бонапарта.

Потом встал, подошел к рабочему столу и поднял трубку телефона:

– Пригласите ко мне Уотсона.

Когда в кабинете появился военный помощник президента,

генерал Эдвин Уотсон, Рузвельт подал ему письмо Эйнштейна вместе с меморандумом физиков с напутствием:

– Это требует действий.

Буквально через несколько дней Уотсон подал на утверждение президента список членов Уранового комитета, возглавить который предполагалось руководителю Бюро стандартов Лаймону Бриггсу. Для последнего это решение было совершенно ненужной обузой. Он с недоверием и опаской относился к невнятным для него идеям этих «яйцеголовых». Армейские генералы также не проявляли особого энтузиазма. Хотя и не отказывали в средствах.

* * *

Весной 1940 года – 7 марта и 25 апреля – все тот же Александр Сакс передал президенту новые письма Эйнштейна, в которых он еще раз предостерегал о возросшем интересе германского руководства к урановой проблеме, а также советовал подумать о создании специального правительственного органа, который мог бы самостоятельно решать все задачи, связанные с работой над атомной бомбой.

После оккупации Германией Бельгии на обогатительной фабрике концерна «Юнион миньер» в распоряжение Гитлера попали 1200 тонн уранового концентрата, то есть почти половина мирового запаса. Оккупация Норвегии преподнесла Третьему рейху очередной подарок – атомную сокровищницу – завод-производитель тяжелой воды «Норк-гидро» в Рьюкане. Фирма «Аэругезельштафт» начала производство металлического урана в Ораниенбурге. Секретные лаборатории «Сименса» доложили об успехах в очистке графита для использования его в качестве замедлителя нейтронов в реакторе при отсутствии тяжелой воды. Развернулось проектирование электроэнергетического обеспечения проекта.

Засидевшиеся на старте ученые США и Советского Союза в очередной раз забили тревогу.

КУНЦЕВО, дача Сталина, 1940

Сталин встал из-за стола и протянул сафьяновую («особую») папку Берии: «Почитай, Лаврентий». Берия быстро протер замшевым лоскутком пенсне, раскрыл папку и придвинул к себе толстое письмо: «Дорогой брат Іосиф Виссаріонович!..» Пока он читал, Сталин медленно прохаживался по кабинету. Потом остановился за спиной наркома и, как всегда, медленно цедя слова, тихо произнес:

– Только не говори, Лаврентий, что ты видишь это письмо впервые. Читал ведь уже, верно?

Берия вскочил и обернулся лицом к Сталину:

– Так точно, читал, товарищ Сталин. Мне показывал Поскребышев, советовался, как поступить с этим посланием Коненкова. Я порекомендовал ему обязательно положить вам в почту.

– Ну и что ты скажешь по поводу коненковских пророчеств? Он там, в Америке, случайно не свихнулся со своими братьями во Христе?

– Если отбросить библейскую словесную шелуху, то там есть и здравые мысли, товарищ Сталин.

– Ты, Лаврентий, с Библией поосторожнее в оценках. Это очень мудрая книга. А что касается здравых идей Коненкова, я их карандашом отметил. Посмотри. Прежде всего, его предсказания о начале войны и так далее.

– Они почти совпадают с нашими данными, товарищ Сталин.

– Так что, будем считать товарища Коненкова нашим резидентом в США?

– Товарищ Сталин, у нас в Америке и без того очень сильная резидентура. Сеть агентов влияния в самых разных сферах, в том числе в научной среде. Жена Коненкова, например, довольно близка с самим Альбертом Эйнштейном, его учениками.

– Насколько близка? – мягко усмехнулся Сталин и подошел к окну.

– Достаточно, товарищ Сталин.

– Нам достаточно или ей достаточно?

– Всем достаточно, товарищ Сталин, – позволил себе улыбку Берия.

– Это хорошо. Эйнштейн – очень серьезная фигура. Не только в науке, но и в политической жизни. И в Америке, и в Европе. Этот фактор надо обязательно учитывать.

Сталин многозначительно кивнул, отпуская Берию. Продолжая расхаживать по кабинету, Сталин размышлял. Все-

таки он очень дальновидно поступил, когда отказал Эйнштейну в предоставлении гражданства СССР. Там, в Америке, этот волосатый физик принесет Советскому Союзу гораздо больше пользы. Когда в 1931 году первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Николай Гикало уведомил его о желании Альберта Эйнштейна переехать на местожительство в Минск, Сталин сказал: «Пускай этот сионист продолжает играть на скрипке у себя дома...» Он произнес свой приговор тихо, почти шепотом, но слышавшие его слова все прекрасно поняли и сделали так, чтобы они дошли до «сиониста».

Но предложение Коненкова заняться изготовлением сталепанцирных жилетов (прообразом бронежилетов) для солдат Красной Армии Сталину показалось толковым, и он поручил внимательно изучить его наркому вооружений Ванникову.

Легонько постучав, в комнату заглянула Валечка Истомина:

– Обед готов, Иосиф Виссарионович.

– Спасибо, – поблагодарил Сталин. – Сейчас приду.

Он кушал в одиночестве. Зная вкусы и угадывая настроения Хозяина, подавальщица, как правило, не мелькала перед глазами, появляясь в столовой только в нужный момент, меняя тарелки и предлагая новые блюда. Когда Сталин попросил принести вина, Валюша немного удивилась: за обедом подобное редко случалось. Но тут же на столе появилось красное грузинское вино и тарелка с круто сваренными яйцами. Сталин, наковыряв пальцами желтков, один за другим отправлял их в рот с каждым глотком ледяного «Киндзмараули».

ВАШИНГТОН, Белый дом, 1945

Рузвельт внимательно слушал отточенный доклад Эдгара Гувера относительно будущего состава участников совершенно секретного «Манхэттенского проекта».

– Господин президент, благодаря своим радикальным взглядам профессор Эйнштейн, по моему глубокому убеждению, не может считаться пригодным для использования в секретных работах. – Директор ФБР сделал вескую паузу. – Ибо... кажется маловероятным, чтобы такого склада человек за столь короткое время стал вполне благонадежным американским гражданином...

– Я не буду спорить с вами, господин Гувер, – смиренно проговорил президент. – Целиком полагаюсь на вашу информированность, а не просто на интуицию. Действуйте, как считаете нужным.

– Кроме того, господин президент, не скрою, у военной контрразведки есть также сомнения по поводу назначения мистера Оппенгеймера на пост научного руководителя проекта.

– Какие именно? – спросил Рузвельт. – То, что он и его жена придерживаются левых взглядов и помогают коммунистам финансово, мне уже докладывали. Но это же не сказывается на качестве его исследовательской работы?

– Никоим образом. Но есть один нюанс, о котором вы должны знать. В свое время Оппенгеймер умудрился жениться на Катарине Пуэнинг.

– И что в этом предосудительного?

– Она – родственница гитлеровского генерала Кейтеля. Но, с другой стороны, настроена прокоммунистически.

– В данном случае я считаю, господин Гувер, это делу не помеха. Генерал Гровс за этим проследит, на то он и поставлен шефом атомной программы.

Гровс вспоминал, как ему «с укоризной говорили, что только лауреат Нобелевской премии или, по крайней мере, достаточно пожилой человек может занимать подобное положение. Но я делал ставку на Оппенгеймера, и его успех подтвердил, что я был прав. Никто не смог бы сделать того, что сделал он».

Вряд ли Эйнштейн чувствовал себя ущемленным, зная, что он не допущен к американскому атомному проекту. Конечно, работы Эйнштейна не имели ничего общего ни с открытием, ни с потенциальным использованием деления атомного ядра. Тем не менее все называли его «дедушкой атомной бомбы».

Участие Эйнштейна, хотя бы и минимальное, в организации экспериментальных работ по делению урана было

знаменательным событием времени. Не только потому, что Эйнштейну принадлежала формула, связывающая энергию с массой. Теперь интуитивная уверенность в не только теоретической значительности концепции Альберта Эйнштейна начинала оправдываться.

Ученого болезненно мучила другая – чисто нравственная проблема. Ему не было дела до мелких подробностей, деталей комплекса работ по созданию смертоносной бомбы.

МОСКВА, Малая Никитская, сентябрь 1941

Берия закрыл многостраничное досье Елизаветы Зарубиной. М-да, биография у девушки та еще. Одна история с Блюмкиным чего стоит... Как же ей, соплячке, удалось объегорить такого матерого зверюгу?..

Черновицкая чернявая (он улыбнулся собственному каламбуру) девка, Лиза Иоэльевна Розенцвейг... Потом (с нашей помощью) уже Елизавета Юльевна Горская... Учеба в Черновицком, Пражском, Венском университетах... Молодец, девочка... Шесть языков: румынский, русский, идиш (само собой), французский, немецкий, английский... Очень хорошо. В 1928-м проходила спецподготовку в Москве... Потом в Стамбуле ее подложили Яшке Блюмкину, и тот, опытнейший, но (вот беда!) излишне самовлюбленный и самоуверенный ас разведки, легендарный убийца германского посла графа Мирбаха, так легко купился!.. Нежности и покоя сволоте захотелось. Потом поверил в медоточивые сказочки Троцкого, идиот, заметался, не зная, к какому берегу прибиться... Вернулся в Москву, завалился под бочок к этой Лизке, все рассказал ей, поплакался, спрашивая совета, как быть, а она, стервозина, с легкостью сдала любовничка своему начальнику ИНО ОГПУ Михаилу Трилиссеру.

Самого Блюмкина Берия, естественно, не знал. Молод тогда еще был, в верха не был допущен... А Горская (теперь уже Зарубина) после успешно работала в Копенгагене, Париже, Штатах, Лондоне, Берлине... Сколько результативных источников Зарубиным удалось завербовать. С началом войны 29 июня ее вместе с мужем нелегально переправили из Германии в Союз через Турцию...

Лаврентий Павлович поднял телефонную трубку.

– Фитина мне... Фитин, здравствуй. Доставь-ка ты мне, милый, Зарубину. Да, для беседы. Сам знаешь куда. И поскорее.

...Берия откровенно любовался сидящей напротив Лизой. Ему нравились женщины такого типа. Красивые. Внешне недоступные, независимые, с гордо посаженной головой. Но он знал, что за этой строгостью, глухим панцирем неприступности такие могут обнаружиться страсти, каких от профессиональной шлюшки не дождешься.

– Елизавета Юльевна, вам решено поручить задание особой важности, – он внимательно смотрел на нее. – Ну, в детали вас посвятит товарищ Фитин. Мне же хотелось поговорить с вами о,

так скажем, общих задачах.

– Я вас слушаю, Лаврентий Павлович.

Боже, а голос какой! Низкий, грудной, бархатистый, с легкой хрипотцой.

– Мне не хотелось бы, чтобы это был обычный официальный инструктаж. Тем более дело, которое мы вам собираемся поручить, особой важности. Понимаете?

– Так точно.

– Ну зачем вы так? – махнул рукой Берия. – Мы же с вами не на плацу.

Подойдя к двери, Лаврентий Павлович переговорил с каким-то невидимым собеседником, а потом обернулся к Елизавете:

– Давайте-ка перекусим.

Лиза легко поднялась, грациозно одернула юбку и открыто улыбнулась своему грозному начальнику:

– С удовольствием, Лаврентий Павлович.

Берия криво ухмыльнулся: «Толковая сучка, понятливая...» – и галантно распахнул перед своей гостьей двери в соседнюю комнату:

– Прошу, мадам.

Чудо, но он сумел удержаться, чтобы не коснуться рукой или бедром ее соблазнительной упругой попки, когда она проходила мимо, постреливая по паркету каблучками элегантных туфелек...

ПРИНСТОН, осень 1941

Настроение у Эйнштейна было хуже некуда. В институте он взял отпуск, чтобы лишний раз не встречаться с коллегами и, не дай бог, на ком-нибудь случайно не сорваться. Домашние сами старались не попадаться хозяину на глаза. От Маргариты нет вестей уже две недели. Черт знает что. Ну и ладно, подумаешь, он сегодня же позвонит Вирджинии и пригласит ее прокатиться по озеру...

В Европе было по-прежнему тревожно. Русские панически отступали, Гитлер торжествующе горланил о скором падении Москвы. Неужели все так и будет? Да это же конец света!..

Он прошелся по саду, подышал воздухом, потом решил вернуться к столу, чтобы закончить письмо милому доктору Отто, которому в конце концов удалось бежать из Германии и благополучно обосноваться в Штатах. С Юлиусбергерром, талантливым берлинским психиатром, их связывали давние дружеские отношения.

«Счастлив приветствовать Вас здесь после всех этих лет, – писал Эйнштейн. – Я хранил молчание, потому что любая записка от меня навлекла бы опасность на человека в Стране Варваров. Ваш любимый Шопенгауэр как-то сказал, что люди в несчастье не поднимаются до трагедии, а остаются на уровне трагикомедии. Как это верно, и как часто я это наблюдал. Того, кому вчера поклонялись, сегодня ненавидят и оплевывают, завтра – забывают, в послезавтра – провозглашают святым. Единственное спасение – чувство юмора, и мы должны сохранить его, пока дышим...»

«Пока дышим...» Он встал из-за стола, с большущим удовольствием потянулся, расправил плечи и почему-то вновь подумал о том, как здорово было бы пристроиться на место... смотрителя маяка. Вот же умница Спиноза, он был гранильщиком алмазов, и ничто не мешало ему думать... Какие минусы в работе смотрителя маяка? Разве что лестница, ведущая наверх. Так вовсе не обязательно каждый божий день спускаться вниз, верно?.. В конце концов, сыр, вино и мясо могла бы приносить служанка. Мисс Дюкас, например. Хотя для нее, может быть, крутые ступени маяка были бы в тягость. Не составит труда найти и девицу помоложе... Брюнеточку... Или блондинку... А еще лучше – рыжую!

В последнее время его безумно угнетало и раздражало добропорядочное и респектабельное светское общество Принстона. Которое болтало, сплетничало и вообще занималось

неведомо чем. Не сдержавшись, Эйнштейн жестко отхлестал своих коллег в письме к королеве Елизавете, с которой у него сохранялись очень добрые отношения: «Принстон – замечательное местечко, забавный и церемонный поселок маленьких полубогов на ходулях. Игнорируя некоторые условности, я смог создать для себя атмосферу, позволяющую работать и избегать того, что отвлекает от работы. Люди, составляющие здесь то, что называется обществом, пользуются меньшей свободой, чем их европейские двойники. Впрочем, они, как мне кажется, не чувствуют ограничений, потому что их обычный образ жизни уже с детства приводит к подавлению индивидуальности».

МОСКВА, КРЕМЛЬ, октябрь 1941

...Было десять вечера 12 октября 1941 года, когда Василия Зарубина неожиданно вызвали в Кремль. Позвонил Фитин и доверительно сообщил: «Будьте в половине двенадцатого». Зарубин, разумеется, сразу догадался, что речь наверняка пойдет о его предстоящей работе во главе «легальной» резидентуры в Соединенных Штатах. Прикрытием, насколько ему было известно, определили должность секретаря советского посольства.

Пройдя многочисленные посты охраны, Зарубин поднялся на второй этаж. В приемной Сталина, которой безраздельно руководил маленький, лысый «оруженосец» Александр Николаевич Поскребышев, находилось несколько незнакомых армейских генералов. Они тихо переговаривались. Чаще всего в разговоре мелькало: «Вяземский котел». Было понятно: там в немецкое кольцо попала огромная группировка войск Красной Армии.

Словно подчиняясь неслышному сигналу, Поскребышев вдруг встал, подошел к сталинскому кабинету и исчез за дверью. Через минуту он появился, и все присутствующие в большой приемной в ожидании уставились на него. Но секретарь обратился только к Зарубину:

– Товарищ Сталин ожидает вас, Василий Михайлович.

В кабинете Верховного главнокомандующего было сумеречно – окна были плотно зашторены, светила лишь настольная лампа. Зарубин даже не сразу рассмотрел самого Сталина, который стоял у большого шкафа с книгами.

– Здравствуйте, товарищ Зарубин, – прозвучал знакомый глуховатый голос из глубины кабинета. – Садитесь.

Зарубин поздоровался и сел на указанный ему стул.

– Мне сказали, что вы уже готовы выехать в Америку и возглавить там нашу резидентуру.

– Так точно, товарищ Сталин. – Зарубин попытался вскочить, но Сталин жестом его остановил.

– Я хочу, чтобы вы, товарищ Зарубин, отчетливо понимали главную задачу своей предстоящей ответственной работы. Америка – очень непростая страна. Президент Рузвельт и обычный народ Соединенных Штатов поддерживают нашу борьбу против гитлеровского нашествия. Мы хотели бы видеть Америку нашим союзником в войне против фашизма... Но! – Сталин поднял руку с дымящейся трубкой. – Вы должны не просто отслеживать ситуацию в этой стране, но и делать все возможное, чтобы не допустить сговора некоторых влиятельных сил США с

Гитлером. Никакого сепаратного мира быть не должно! Воздействовать нужно через агентуру влияния, через другие возможности. Нам важно также знать о планах союзников, касающихся послевоенного мирового устройства. Это понятно? Исходите из того, товарищ Зарубин, что наша страна непобедима... Мне докладывали, что вы довольно успешно работали во Франции, Германии, Китае. Нам нужно, чтобы вы не подвели нас и в Америке...

Сталин сделал многозначительную паузу и впился глазами в Зарубина. Наплевав на запрет, Василий Михайлович все же вскочил и, зачем-то сдернув очки, отрапортовал:

– Не подведу, товарищ Сталин!

– Я в вас верю, – с особой интонацией произнес Верховный. Помолчал. Глядя на трубку, зажатую в кулаке, неожиданно спросил:

– Вы много жили на Западе, товарищ Зарубин, знаете, чем дышат э т и... Что, сильно ругают меня т а м?.. Только не врите!

– Бывает, – не стал отрицать Зарубин.

А Сталин вдруг затронул совсем иную тему:

– Я слышал, вы с женой очень удачно дополняете друг друга в работе.

– Совершенно верно, товарищ Сталин, – вновь совсем по-солдафонски доложил Зарубин. Но, умница, тут же сменил интонацию. – Она удивительная женщина... Прирожденный агентурист, тонкий психолог. Я без нее как без рук... И как без жены, и как без сотрудницы...

– Знаю. Меня информировали. Едете с ней?

– Так точно, товарищ Сталин.

– Желаю успехов. Берегите жену. Вы свободны.

...Спускаясь по кремлевской лестнице, Зарубин, задержавшись на одной из площадок, снял очки и тщательно протер платком стекла (под строгим присмотром караульного). Мысленно улыбнулся – сталинская фраза: «Вы свободны» – показалась ему многозначительной. Зарубин умел сдерживать внешнее проявление чувств.

НЬЮ-ЙОРК, декабрь 1941

– Устраивайтесь поудобнее, Маргарита. Что будете, кофе, чай?

Елизавета Зарубина прекрасно знала о своих возможностях воздействия на людей. Ее спокойный, уверенный взгляд расслаблял собеседника (или собеседницу) и невольно заставлял подчиняться. Елизавета была элегантной женщиной с чертами классической красоты, натурой утонченной и широкой, она легко притягивала к себе людей, затягивая все новых агентов в свои сети, неузнаваемо меняя при необходимости и внешность, и манеры.

Дамы сидели в уютном кафе на Манхэттене. Со стороны они смотрелись очень эффектно. Елизавета Юльевна, как считали ее коллеги, в том числе и муж, действительно была блестящим агентуристом, обладала сверхъестественным чутьем на людей, выискивая в них не только скрытые пороки, но и нереализованные возможности, порой неизвестные самому человеку способности. Ее успехи объяснялись тем, что Зарубина никогда не нарушала золотого правила вербовщика: идя на контакт, нельзя отталкивать человека, даже если он (или она) ей малосимпатичен или даже омерзителен.

Жене сбежавшего в 1933 году из СССР крупного физика Георгия Гамова она добилась через Центр гарантий безопасности для ее родственников, оставшихся в Союзе в качестве заложников. Назойливому и жадному Соломону Гуркову, который здесь, в Америке, стал именовать себя Сол Юрок, требовалось содействие в беспрепятственном получении концертных площадок для Анны Павловой, Сергея Рахманинова, Федора Шаляпина и Яши Хейфеца… Им-пре-сарио… Одно слово: Юрок…

Она пристально смотрела на Маргариту, прикидывая, чем купить эту стерву. В том, что она именно стервочка, у Зарубиной не было ни малейших сомнений. Упреждающая информация из Москвы это полностью подтверждала. Главными ее слабостями наверняка были чрезмерное честолюбие и потребность в постоянном поклонении, восхищении, перманентное чувство влюбленности.

Девушка хотела респектабельного мужа. Получила. Девушка не хотела портить свою прелестную фигуру и отказалась иметь детей. Ее право. Мечтала заполучить в любовники такую уникальную личность, как Эйнштейн? И ведь все случилось!..

Марго сама хвасталась перед Лизой своими победами, не стесняясь в интимных подробностях. Все-таки «Вардо» (старый

служебный псевдоним Зарубиной) потрясающе умела расположить людей к себе и разговорить их. Но когда Зарубиной потребовались прямые выходы на Оппенгеймера и других физиков-атомщиков, а Маргарита заупрямилась, пришлось применить элементарный шантаж:

– Откажешься, я не постесняюсь рассказать Сергею Тимофеевичу о твоих «платонических» отношениях с Эйнштейном.

Она знала, что ухватила за нужную ниточку, оборвать которую для Маргариты было слишком опасно. Сработало! Хотя «Вардо» прекрасно помнила и еще одно правило: агента ни в коем случае нельзя держать на принуждении и в страхе, по возможности их надо превращать во все понимающих союзников.

У Елизаветы Юльевны был замечательный послужной список. Вскоре после того, как она благополучно сдала в руки ОГПУ Якова Блюмкина, Горская довольно быстро нашла себе новую сердечную привязанность. И ее выбор пал на талантливого разведчика Василия Зарубина. В начале 30-х они с мужем очень продуктивно поработали в Китае, а потом в Финляндии. Затем Василию Зарубину поручили возглавить нелегальную резидентуру в Дании и Франции. Лиза, естественно, была рядом. Наконец, в 1934-м через Чехию супруги перебрались в Германию в качестве представителей американской кинокомпании. Здесь Зарубиным удалось восстановить утраченную агентурную сеть и даже расширить ее. Совершенно неожиданным их новым агентом стала жена помощника министра иностранных дел. Но самым ценным источником оказался Вилли Леман, один из ведущих сотрудников самой закрытой организации III рейха – гестапо.

Затем последовала краткосрочная командировка в США, во время которой Зарубины не могли не обратить внимания на салон Коненковых в Нью-Йорке. Тогда-то и произошло первое знакомство Елизаветы Юльевны с Маргаритой.

Вновь оказавшись вместе с мужем в Штатах в конце 1941 года, «Вардо» курировала политическую разведку. Один из руководителей внешней разведки искренне восхищался Зарубиной: «Когда в годы Великой Отечественной войны она работала уже в легальной резидентуре СССР в США, у нее на связи были 22 агента, в том числе наиболее ценные источники информации. И Лиза успевала регулярно проводить встречи со связниками в Вашингтоне, Нью-Йорке, Сан-Франциско и других городах Америки… Она могла свободно выдавать себя за американку, француженку или немку. А когда требовалось, превращалась в активистку сионистского движения. Она была обаятельная, артистичная, красивая женщина и выдающаяся

разведчица».

Почти одновременно с Зарубиными в Нью-Йорк прибыл Леонид Квасников, назначенный заместителем резидента по научно-технической разведке.

* * *

Как ни кощунственно это звучит, но нападение Гитлера на Советскую Россию оказалось на руку Маргарите Коненковой – она оказалась в эпицентре американского бомонда. Хотя русская эмиграция в США по-разному восприняла начало войны Германии с Советским Союзом (например, семейство знаменитого авиаконструктора Игоря Сикорского откровенно симпатизировало нацистскому режиму), антифашистские настроения все же преобладали. На этой волне и возникло Американское Общество помощи России – American Society for Russian Relief Inc., активистами которого стали знаменитые Сергей Рахманинов, Михаил Чехов, Яша Хейфец, Ефрем Цимбалист, князья Павел Чавчавадзе и Сергей Голенищев-Кутузов, другие известные эмигранты. Сергей Коненков был избран членом Центрального совета. Маргарита Ивановна же стала исполнительным секретарем этого общества, и под ее командой оказалось несколько сот референтов, консультантов и порученцев. Как выяснилось позже, работа этой неоднозначной организации плотно курировалась многопрофильными специалистами с Лубянской площади. И именно через «Вардо»-Зарубину Маргарита получала инструкции по активизации работы Американского Общества помощи России. В целом за годы войны обществом было закуплено и переправлено в СССР медикаментов, зерна, военной техники, собрано одежды более чем на полмиллиарда долларов. Но активизация работы заключалась не только в стимуляции благотворительности.

Маргарита вела активную светскую жизнь, встречалась с видными американскими политиками, банкирами, промышленниками, научной и художественной интеллигенцией. Когда в 1943 году в США прибыли лидеры Еврейского Антифашистского Комитета (ЕАК), деятели советской культуры, знаменитый актер и режиссер Соломон Михоэлс и украинский еврейский поэт Ицик Фефер, именно мадам Коненковой доверили почетную миссию представлять жене американского президента Элеоноре Рузвельт гостей из СССР. Она же помогала организовывать их многомесячное пропагандистское турне по Соединенным Штатам.

В светлой голове Лизы Зарубиной родилась идея – пригласить гостей из Москвы от имени Американского комитета еврейских писателей, художников и ученых, который возглавлял… Альберт Эйнштейн. Зарубиной хотелось, чтобы это приглашение было направлено за подписью Оппенгеймера. Но Роберт благоразумно отказался, мол, он лишь рядовой член Комитета, вот если бы Эйнштейн… Присутствовавшая при встрече Коненкова заверила, что проблем не будет. Так и случилось. Мысль пригласить Соломона Михоэлса Эйнштейн бурно поддержал:

– Марго, вы здорово все придумали. Знаете, богатые американцы порой испытывают какой-то необъяснимый комплекс вины перед другими людьми. А так как благотворительность считается богоугодным делом, они тем самым как бы оправдываются, понимаешь?..

Официальную цель поездки представители ЕАК ни от кого не скрывали – сбор средств на закупку вооружения, продовольствия, медикаментов. Такая акция в глазах американцев выглядела совершенно естественной и благородной. Турне проходило с большим успехом.

Однако у организаторов и участников миссии были и иные, не афишируемые задачи. Накануне отъезда в Штаты членов делегации инструктировал сначала Молотов, как нарком иностранных дел, а затем Лаврентий Павлович Берия. Последнему больше всего хотелось превратить атмосферу официальной беседы в дружеский, доверительный разговор, свободный обмен мнениями. Неслышно появлявшийся в кабинете офицер-порученец Саркисов то и дело подливал гостям в рюмки коньяк и менял тарелки с бутербродами. А Берия между тем продолжал:

– На днях товарищ Сталин принимал академика Вернадского. Это был долгий и добрый разговор. Так вот, товарищ академик сообщил о существовании некой неформальной договоренности крупнейших физиков мира… Прямо масонская ложа какая-то… Так вот, на Западе все физики едины в том, что новое сверхоружие никоим образом не должно оказаться в руках нацистов. Монополия на такое страшное оружие принесет миру в дальнейшем скорее вред, чем пользу. Вы со мной согласны? Многие западные ученые убеждены, что нужно поделиться с нашими физиками теми или иными результатами своей, – он сделал многозначительную паузу, – секретной работы…

Вам, товарищи, важно повлиять на умы и чувства наших потенциальных американских друзей, убедить их не только в том, что в Советском Союзе нет никакого антисемитизма, но и в том,

что именно СССР является надежным гарантом и защитником интересов евреев во всем мире и поэтому ему надо помогать всеми доступными средствами. Так почему бы не перебросить мосток через океан и не установить дружеский контакт между учеными, физиками двух стран – теоретиками и практиками – для обмена информацией?

Такая задача посланцам была вполне по плечу. Тем более имея такую мощную поддержку в лице председателя Американского комитета, который пригласил их в США, и его умелой помощницы, прелестницы Марго, о существовании которой они даже не догадывались...

Но все же сомнения и страхи оставались. «Не знаю, что делать, чтобы отделаться от гнетущего чувства, – буквально перед самой отправкой из Москвы Михоэлс писал своей жене Анастасии Потоцкой, которая находилась в эвакуации, в далеком Ташкенте. – Здесь выявилась картина весьма тяжелая и сложная той обстановки, в которой мне придется очутиться фактически одному... А сложность растет там с каждым днем. Придется нырять. Но ведь это не роль. Здесь провал немыслим – это значит провалить себя, обезглавить себя. Любимая, мне тяжело и тоскливо».

Только напрасно Соломон Михайлович рассчитывал, что т а м он окажется один. Советская резидентура в Штатах была довольно мощной и разветвленной. В Вашингтоне ею руководили секретарь советского посольства Василий Зарубин (под фамилией Зубилин) и его неизменная спутница Елизавета Юльевна, в Сан-Франциско вице-консул Григорий Хейфец (имевший зловещее кодовое имя Харон)... Они ни на минуту не выпускали из виду посланников Москвы и вовремя уберегали от ошибок.

Кроме того, особый повседневный присмотр за беспокойным Михоэлсом был поручен Феферу, с которым накануне поездки Берия имел отдельный, продолжительный и жесткий инструктаж. Ицик в тот вечер едва ли не во фрунт тянулся перед Лаврентием Павловичем, а потом, оказавшись наконец-то дома, напился, как простой хам. И долго, горько плакал: чувствительная, поэтическая все-таки душа. Но понапрасну он так уж горевал. И в Союзе писателей, и в ЕАК все прекрасно знали (или догадывались) о том, что Фефер прочно связан с НКВД, но не сторонились и ничего от него не скрывали, считая, что деятельность комиссариата так или иначе направлена на благо государства.

На митинг в Нью-Йорке с участием Михоэлса и Фефера, который был организован на стадионе Polo Grouds, пришло более 47 тысяч человек. После исполнения гимнов мудрый Соломон

обратился ко всем присутствующим:

– Евреи! Как можете вы быть равнодушными, когда ваших братьев уничтожают и в любой момент каждому из вас может грозить эта участь!..

Рядом с Михоэлсом стояла большая коробка для сбора средств в помощь Советскому Союзу. Ее стали передавать по рядам. За несколько часов было собрано сто тысяч долларов (по тем временам огромная сумма), которые пошли на строительство госпиталя в Ленинграде.

Подобных встреч, митингов, благотворительных концертов было множество. «Послы ЕАК» только побывали в Филадельфии, Питтсбурге, Чикаго, Детройте, Бостоне, затем посетили Канаду и Мексику.

Неформальные контакты с научными кругами в Штатах гостям обеспечивала Маргарита Коненкова. Физики-евреи, находящиеся в близких отношениях с Эйнштейном, – Оппенгеймер, Ферми, Сцилард, супруги Розенберг – были очарованы общением с Соломоном Михоэлсом, проникаясь мыслью о том, что помогают не только союзнику в лице Советского Союза, но, прежде всего, евреям мира, чьему существованию угрожает гитлеризм. Альберт Эйнштейн предложил гостям из Советского Союза подумать об участии ЕАК в создании многотомного собрания документов о трагедии евреев Европы. Так родилась идея написания «Черной книги». Предисловие брался написать сам Эйнштейн. Но замысел остался неосуществленным. Хотя поначалу в Москве очень живо взялись за работу. Но увы... [2]

Замечательно убедительным и заманчивым выглядел пересказанный им сталинский план создания по окончании войны на Крымском полуострове еврейской социалистической республики. Мечты о «Калифорнии в Крыму» сладко кружили головы наивным ученым, которые блестяще разбирались в своих науках и мало что смыслили в головоломных хитросплетениях коварной геополитики товарища Сталина... Они даже видели президентом новой республики... Соломона Михоэлса. Да что там ученые, если даже такой прожженный политик и дипломат, как Аверелл Гарриман, безмятежно поверил в эту крымскую утопию и во время подготовки Ялтинской конференции открытым текстом спрашивал у своих советских коллег о том, как продвигаются дела с созданием еврейской крымской республики в связи с будущими американскими кредитами под этот проект. Но уже в ноябре 45-го, когда Гарриман через Молотова предложил Сталину продолжить обсуждение крымских перспектив, тот не пожелал тратить на пустую болтовню время и отказался принять посла

США.

Итогом почти трехмесячной американской экспедиции Еврейского Антифашистского Комитета была внушительная сумма собранных в США благотворительных взносов – 16 миллионов долларов. Еще 15 миллионов ЕАК «заработал» в Англии и Канаде, миллион в Мексике, 750 тысяч в Палестине, находящейся под британским мандатом. Однако куда весомее был результат незримой работы делегации ЕАК по установлению контактов с ведущими научными силами Соединенных Штатов.

Оппенгеймер и Ферми отныне стали фигурировать в оперативных чекистских материалах как источники информации под оригинальными кодовыми именами – «Директор резервации», «Вексель», «Заяц», «Стар»...

МОСКВА, квартира академика П.Л.Капицы, июль 1944

Завершив свои «заокеанские гастроли», Соломон Михайлович вернулся в Москву и был несказанно рад получить приглашение на золотой юбилей своего друга Петра Леонидовича Капицы.

Поднимая заздравный бокал в честь юбиляра, Михоэлс, разумеется, не мог не поактерствовать:

– Дорогой Петр Леонидович! Моя жена всегда говорит… – он сделал паузу, которой бы аплодировал сам Станиславский. – Так вот, моя жена говорит, что никогда не надо пить всю рюмку разом. Если пить ее глотками, то в одной рюмке можно уложить несколько тостов. А кстати подумать и поговорить. Поэтому разрешите мне разделить этот бокал на три глотка и три тоста. О ваших научных достижениях я скажу позже… Я начну прежде всего с того, что выпью за вас, Петр Леонидович, за воинствующего гуманиста. Я никогда не забуду ваше замечательное выступление на антифашистском митинге, бесконечно перед вами в долгу, и хотя я немало сил положил для того, чтобы развеять версии о том, что вы – еврей, и добился своей цели, остаюсь вашим должником. Счет, предъявленный вами, – спектакль «Гамлет» на русском языке, – оплачу.

Гости зааплодировали.

– Второй мой тост идет из глубины моих собственных недавних переживаний. Дорогой Петр Леонидович, по опыту своему говорю вам: из-за пятидесяти лет не грустите. Выпьем лучше за то, что настоящая молодость приходит с годами. И наконец, третий мой глоток – просьба! Дорогой Петр Леонидович, это касается ваших замечательных трудов в области физики, ваших поистине неповторимых достижений. Пожалуйста, создавайте тяжелую воду, переводите жидкость в газ, а твердое тело – во что хотите, только оставьте нам нормальные спиртные напитки!

После отшумевших оваций друзья нашли возможность уединиться. Они сидели в кабинете академика и потягивали армянский коньяк, плотно затворив двери. Капицу, конечно, крайне интересовала поездка Михоэлса в Америку, встречи с Эйнштейном и другими физиками.

Рассказывая о своих впечатлениях, Соломон Михайлович рассыпал комплименты Альберту Эйнштейну, но в то же время говорил о том, что ему не очень понравилась опека, которую взяла над ним наша с вами, Петр Леонидович, соотечественница,

мадам Коненкова. Ласковая и жесткая...

– Лаврентию Павловичу вы, конечно, об этом рассказывали?

– Ну а как иначе?!.

Помолчав, Михоэлс сказал:

– Вы знаете, когда я заявил, что в СССР антисемитизма нет, Эйнштейн грустно улыбнулся и заметил: «Этого не может быть. Антисемитизм – тень еврейского народа...» И еще, знаете, у меня там вырвалась одна фраза, а Фефер ее наверняка записал и передал куда следует.

– И что за фраза? – заинтересовался Капица.

– На одном из приемов я ляпнул примерно следующее: «У еврейской культуры в России нет будущего. Сейчас нелегко, но будет еще хуже. Мне многое известно, а еще больше я предвижу». Кто меня за язык тянул?..

– Да не переживайте вы так, Соломон Михайлович, – стал успокаивать Михоэлса академик. – Я сам себе иной раз такое заверну! Надеюсь, и вас гроза минует. А с кем еще виделись там, в Америке?

– О, знакомств было великое множество, практически каждый день новые встречи. Познакомился с такими замечательными людьми. Один Эйнштейн – это же целая планета... А Чарли Чаплин, Фейхтвангер, Марк Шагал, Манн, Драйзер?.. Все не перечесть. Впечатлений на всю жизнь хватит...

НЬЮ-ЙОРК

В 1942–1943 годах атомная тематика выходит на первый план в деятельности советской разведки в Америке. Уже 27 марта 1942 года резиденту Зарубину по совсекретной почте поступает директивное письмо от 1-го Управления НКВД СССР: «Над проблемой урана-235 и использования его для изготовления бомб огромной разрушительной силы очень усиленно работают в Англии, Германии и США. По-видимому, проблема близка к практическому разрешению. Этим необходимо заняться со всей серьезностью...»

В сентябре того же года Сталин подписал особо секретное распоряжение «Об организации работ по урану», в соответствии с которым была активизирована вся закордонная агентура. Дружеские отношения, которые установились между Елизаветой Зарубиной и Маргаритой Коненковой, тому в немалой степени способствовали.

Много лет спустя даже генерал-лейтенант КГБ Павел Судоплатов в своих мемуарах подтверждал, что главным направлением заокеанской резидентуры в годы войны было именно атомное, и как раз с этой целью «жена скульптора Коненкова, наш проверенный агент, сблизилась с физиками Оппенгеймером и Эйнштейном». Но если с последним «сближение» можно было понимать однозначно, то с Оппенгеймером задача представлялась куда более проблематичной.

Во-первых, Марго смущало, что Роберт в отличие от Эйнштейна оказался абсолютным подкаблучником и во всем полагался исключительно на мнение своей благоверной. Во-вторых, он много болтал, без устали демонстрируя кому ни попадя свои наивные прокоммунистические взгляды, тем самым зарабатывая себе не самую лучшую репутацию в американском обществе. Это было серьезной помехой, вздумай они его завербовать. Оппи на следующий же день выдал бы себя с потрохами, заявив какую-нибудь очередную антиимпериалистическую чушь.

Выслушав взволнованный монолог своей подопечной, Зарубина попыталась мягко развеять ее сомнения:

– Пойми, Марго, то, что Оппенгеймер не поддается на твои чары и по уши влюблен в свою жену, – отнюдь не недостаток. Скорее это подсказка нам, как следует действовать. Именно через Китти...

Москва быстро санкционировала скорректированный план

Зарубиных и Марго в отношении работы с Оппенгеймером, и им удалось уговорить научного руководителя «Манхэттенского проекта» отказаться от демонстрации своих левых идей, вести себя умеренно и лояльно, убеждая ученого, что куда большую пользу служению коммунизму и борьбе с фашизмом он принесет, если примет на работу в свою лабораторию некоторых молодых талантливых физиков. После мучительных раздумий и долгих разговоров с женой Оппенгеймер согласился с этими доводами. Обнародованная им позиция позволила руководителю проекта генералу Гровсу дать директивное распоряжение Военному департаменту Главного управления инженерных войск: «В соответствии с моим устными указаниями от 15 июля (1943 г. – Ю.С.) желательно, чтобы допуск к работе Юлиусу Роберту Оппенгеймеру был выдан без задержек, независимо от той информации, которой вы располагаете. Оппенгеймер абсолютно необходим для проекта».

Что касается привлечения к работе над проектом молодых физиков-антифашистов, то наиболее яркой фигурой здесь, безусловно, является физик Клаус Фукс. Еще учась в Лейпцигском университете, Клаус вступил в коммунистическую партию Германии. С приходом к власти фашистов Фукс бежал в Англию. По рекомендации знаменитого ученого Макса Борна талантливый физик попал в секретную группу, которая работала над программой «Тьюб Аллой» – «Трубный сплав» – по производству урановой бомбы. В конце 1941 года Фукс по собственной инициативе вышел на советскую резидентуру и стал снабжать ее сверхсекретными данными проекта, объясняя свой шаг тем, что Англия и США предают интересы союзников и делают атомную бомбу втайне от Советского Союза. Он был идеальным аналитиком и при работе над английским проектом решил несколько кардинальных математических задач.

В конце 1943 года для усиления проекта «Манхэттен» к Оппенгеймеру должна была быть направлена английская научная миссия. Фукс тут же проинформировал об этом своих советских друзей в Лондоне. Оттуда «молния» полетела в Москву, и уже Центр выдал срочное задание своей нью-йоркской резидентуре.

Новые русские подруги Китти Оппенгеймер – Лиза и Марго – рассыпались в комплиментах возможному будущему сотруднику Оппенгеймера Клаусу Фуксу. Талантливый физик. Антифашист, беженец из Германии, приговоренный штурмовиками к смерти. Покоренный этими аргументами, изложенными ему Китти, Оппенгеймер активно стал ходатайствовать о включении Фукса в состав делегации английских ученых. Кстати, в ходе совместной работы научный руководитель проекта ни разу не пожалел, что

остановил свой выбор на этом даровитом теоретике. Фукс стал заниматься вопросами производства методом газовой диффузии урана-235.

Карьера Фукса стремительно шла в гору, и вскоре он попал в самую сердцевину «Манхэттена».

...Однажды, угощая Марго изумительным колумбийским кофе, Китти пожаловалась подруге, что в последнее время ее Бобби сам не свой из-за постоянных стычек с Теллером, который возглавлял группу теоретиков. Причем главным образом эти конфликты происходили не на сугубо производственной почве, а на и д е й н о й.

– Ты меня понимаешь?.. Ты же знаешь, Марго, какие взгляды мы с Оппи исповедуем. А Теллер – просто патологический антикоммунист. В общем, с ним пришлось расстаться. И Роберт теперь места себе не находит, ему срочно нужен новый руководитель группы...

– А чем плох Фукс? – тут же закинула удочку Маргарита, помня, что Оппенгеймер как-то в домашнем застолье похвально отозвался о теоретических разработках Клауса, не вдаваясь в подробности.

– Да, действительно... – задумалась Китти. – Может быть, ты и права...

Вскоре в теоретическом отделе в Лос-Аламосе, а позже в Центре фундаментальных исследований появился новый сотрудник, а позже и руководитель группы теоретиков Клаус Фукс, получивший неограниченный доступ буквально ко всем важнейшим секретам проекта.

Хотя сделать это было очень непросто. Служба безопасности «Манхэттенской программы» собирала подробнейшую информацию обо всех сотрудниках лаборатории, их прошлом и настоящем, о личной жизни и политических пристрастиях. На улице, в магазине, в ресторане, в гостях у приятеля участники проекта постоянно ощущали за спиной дыхание «топтунов». Их письма вскрывались, телефонные разговоры прослушивались. В служебных помещениях, в квартирах стояли «жучки».

Бригадный генерал Гровс не отрицал: «При приеме на работу мы делали все возможное, чтобы установить, не было ли в прошлом нанимаемого лица чего-нибудь такого, что могло превратить его в источник опасности... В работах проекта было занято некоторое количество иностранцев, несмотря на то что достоверную информацию о прошлом их было невозможно получить. Некоторые из них эмигрировали из стран, с которыми мы вели войну, или из стран, где господствовал режим, которого они не смогли вынести... Несмотря на всю серьезность...

находились «критики», которым доставляло удовольствие разглагольствовать о наших якобы гестаповских методах работы...»

В «Манхэттенском проекте» Фуксу поручили самый ответственный участок: в сотрудничестве с Тэйлором он разрабатывал теорию «имплозии», то есть «схлопывания», или «взрыва внутрь». Обыденный пример: хлопок, когда лопается электролампочка. В бомбе это ключевой и гораздо более сложный процесс, которым определяется и возможность использования плутония-239, и достижение высокого сжатия любой ядерной взрывчатки с целью ее экономии, и компактность боеголовки. Здесь решения Фукса оказались, и по сию пору остаются, классическими. В шутку его называли лучшим физиком среди марксистов и лучшим марксистом среди физиков.

Он пользовался безграничным доверием шефа, который, по всей вероятности, нисколько не сомневался, что Фукс щедро делится атомными секретами с советскими коллегами. Благодаря покровительству Оппенгеймера Фукс имел доступ даже к тем материалам, к которым он вроде бы и не имел прямого отношения. Передаваемая им информация для советских коллег нередко была высшей степени секретности... [3]

Действуя опять-таки через Китти, Зарубина и Маргарита убедили Оппенгеймера включить в проект нескольких ранее завербованных специалистов – Мортона Собелла, Теодора Холла и Дэвида Грингласса. Еще одним ценным источником информации стал для советской разведки эмигрант из Италии физик Бруно Понтекорво.

Все тот же Павел Судоплатов безоговорочно признавал несомненные профессиональные достоинства Маргариты Коненковой: «Она сумела очаровать ближайшее окружение Оппенгеймера. После того как Оппенгеймер прервал связи с американской компартией, Коненкова под руководством Лизы Зарубиной и сотрудника нашей резидентуры в Нью-Йорке Пастельняка («Лука») постоянно влияла на Оппенгеймера и еще ранее уговорила его взять на работу специалистов, известных своими левыми убеждениями...»

В декабре 1944 года Игорь Курчатов резюмировал в докладной в НКВД: «Обзор по проблеме урана» представляет собой прекрасную сводку последних данных. Большая их часть уже известна нам по отдельным статьям и отчетам, полученным летом 1944 г.».

САРАНАК-ЛЕЙК, лето 1943

В свое «гнездышко», как Альмар называли коттедж на берегу озера, в тот день они возвращались из Пристона вместе с желанным гостем. Знакомя Маргариту с немолодым уже мужчиной с тростью и трубкой в руке, Эйнштейн вовсю веселился:

– Как же мне повезло! Сегодня я, простой еврей из немецкого Ульма, нахожусь в столь изысканной аристократической компании. Справа от меня – русская столбовая дворянка Воронцова-Коненкова, слева – потомственный английский лорд сэр Бертран Рассел. Ей-богу, как приятно, господа. Я смущен, такая честь...

Он шутливо кланялся, пропуская своих гостей вперед, но все же, успевая извернуться, услужливо распахнул перед ними дверь.

Маргарита и сэр Рассел смеялись:

– Да что вы, Альберт! Кто мы в сравнении с вами? Вы же король! Ваше величество!.. Мы – лишь челядь...

Рассела и Эйнштейна связывали давние дружеские отношения. Едва познакомившись с открытиями Эйнштейна, Рассел сразу стал активнейшим популяризатором теории относительности, даже выпустил книгу «Азбука относительности». Талантливый математик, он проделал сложную философскую эволюцию, которую сам определял как переход от платоновской интерпретации пифагореизма к юмизму. Он же создал копцепцию «логического атомизма» и разработал теорию дескрипций. Рассел считал, что математика может быть выведена из логики.

С Эйнштейном их объединяли общие взгляды на мир, начиная от пацифизма до отношения к семейным узам или религии.

Но в тот вечер, уединившись в кабинете, они больше говорили о войне, о гитлеризме, о роли ученых в предотвращении очень возможной гибели человечества. Рассел был далек от атомных проблем, но он знал, что и в его родной Англии, и в Штатах, и в Германии идут работы по созданию оружия массового уничтожения, и это его крайне беспокоило.

Его тревогу разделял и Эйнштейн. Может быть, именно тогда, во время вечерней беседы двух мудрецов, впервые возникла идея о необходимости объединения усилий всех прогрессивных ученых, выступающих за мир, разоружение, международную безопасность, за предотвращение войн и за научное сотрудничество, которая спустя почти полтора десятка лет положит начало Пагуошскому

движению...

ПРИНСТОН, весна–лето 1945

Получив задание от «Вардо» – тщательно, с фотографической точностью фиксировать все детали разговоров, которые Оппенгеймер и его коллеги ведут у Эйнштейна в ее присутствии, Маргарита слезно взмолилась: «Я же ничего не понимаю в этих их беседах, они говорят на каком-то своем, птичьем, совершенно недоступном мне языке!»

– Ничего страшного, – успокаивала свою агентессу Зарубина. – Главное – запоминай каждое произнесенное слово, даже если ты его не понимаешь. Потом перескажешь мне, и все...

Когда Маргарита с наивным интересом спросила Альберта о сути постоянно упоминаемой в разговорах «сверхбомбы», Эйнштейн был польщен. Пустившись в объяснения, он по обыкновению увлекся, кратко и по возможности доступно разъяснял ей, как прилежной ученице, основные моменты работы своих коллег в Лос-Аламосе, для наглядности сопровождая «лекцию» незатейливыми чертежиками-рисунками. Помня рекомендации Зарубиной, Маргарита даже не прикоснулась к этим, безусловно, бесценным чертежам, но благодаря своей безупречной зрительной памяти буквально «фотографировала» их.

Уже дома она воспроизвела их на бумаге. Вкупе со стенограммой беседы с Эйнштейном и его объяснениями информация Маргариты вскоре ушла в Москву, пополнив секретную папку операции по добыче сведений о разработке атомного оружия, которую на Лубянке окрестили «Энормоз», что в переводе имело несколько значений – «чудовищный», «ненормальный», «громадный», «ужасный».

Увы, но довести свои планы до логического завершения чете Зарубиных помешали непредвиденные обстоятельства. В 1944 году в срочном порядке супруги были срочно отозваны в Москву. Коненкова потом еще долго недоумевала: «Как же так, даже не попрощавшись, укатили неизвестно куда?..»

Новым куратором Маргариты в Нью-Йорке стал вице-консул советского представительства Павел Петрович Михайлов. Настоящая фамилия резидента Главного разведуправления Генштаба Красной Армии была Мелкишев. По неизвестной прихоти начальства оперативным псевдонимом для него была выбрана фамилия великого французского драматурга – Мольер. Большие шутники служили на Лубянке. Или у них в работе с Мелкишевым возникли ассоциации на тему «Мещанин во дворянстве»?..

* * *

Внезапно приехавший Лео Сцилард расстроил Эйнштейна, ибо показался ему крайне взволнованным. А тот и не скрывал этого:

– Простите, я просто не знаю, с кем посоветоваться. Формально я не имею права обсуждать с кем-либо, с вами в том числе, то, что собираюсь сейчас вам сказать. Формально это так. Но по существу...

– Да говорите же, Лео, не тяните.

– Помните то письмо, которое вы в свое время, летом 39-го, направляли президенту Рузвельту?

– Ну конечно. Я такие вещи не забываю, дорогой Сцилард.

– Так вот, я должен вам сообщить, что работы по созданию атомной бомбы в Штатах уже находятся в завершающей стадии.

– Поздравляю.

– Но теперь встает вопрос: что делать с бомбой дальше? Гитлер практически на коленях, и по всему выходит, что наша «игрушка» вроде бы ни к чему. Ведь тогда, в 39-м, мы требовали ускорить работы по атомной бомбе, чтобы опередить немцев...

– Если помните, Лео, я говорил вам о возможности возникновения такой ситуации, – улыбнулся Эйнштейн.

– Конечно, помню. Но тогда мы все так были увлечены идеей создать новое сверхоружие против Гитлера, что никто не мог даже представить себе, что в конце концов мы упремся в такой трагический тупик.

– Не стоит говорить обо всех, Лео, – упрекнул молодого коллегу Эйнштейн. – Говорите только о себе, ладно?

– Да, простите. Тот самый Александр Сакс (ну, банкир с Уолл-стрит, который передавал тогда Рузвельту наше письмо) в конце прошлого года по просьбе нашей «манхэттенской» группы беседовал с президентом. Сакс изложил ему наши предложения, которые, скажем так, встретили сочувственное отношение.

Физики предложили после окончательных испытаний бомбы провести публичную демонстрацию нового оружия в присутствии представителей союзных и нейтральных государств, которые потом опубликуют от своего имени или от имени правительства краткое коммюнике с изложением сути открытия. И если к тому времени война еще не будет закончена, тогда правительство США обратится к руководству Германии и Японии с требованием капитуляции. В случае отказа немцы и японцы будут оповещены о предстоящей бомбардировке с указанием ее места и времени. Противнику нужно предоставить время для эвакуации людей и скота.

Шесть лет назад мы просили вас повлиять на президента с целью ускорить работы по созданию бомбы, – продолжил Сцилард. – А теперь я хочу, чтобы вы подписали наш меморандум Трумэну с просьбой воздержаться от поспешных агрессивных действий. Вы согласны, мэтр? – он протянул лист бумаги и авторучку.

Эйнштейн быстро пробежал текст и, не раздумывая, поставил свою подпись.

Перед отъездом Сцилард спросил у учителя, может ли он повидать госпожу Коненкову. Когда Марго вошла в кабинет Эйнштейна, Лео вскочил, подбежал к ней и осыпал ее руки поцелуями: «Спасибо вам за брата». Потом быстро распрощался и укатил.

– Что это с ним? – спросил заинтригованный Эйнштейн.

– Да так, ерунда, – беспечно отмахнулась Маргарита. – Брат Лео Карл там, у нас в России, сидел в тюрьме... Ну, я ему немножко помогла. Его перевели в закрытое конструкторское бюро.

– У тебя такие богатые возможности, Марго?

– Не у меня, Аль, а у моих друзей.

– Лео – хороший парень, – задумчиво проговорил Эйнштейн. – Еще в Берлине он был моим студентом, и весьма прилежным. Не то, что я. А какая у него была блестящая докторская диссертация!.. Хотя, вообще-то, он прирожденный изобретатель. Мы с ним придумывали всякие разные модели домашних бытовых холодильников, рефрижераторов. Но, к сожалению, он невезучий, бедолага...

– А мы с вами везучие, Альбертль, как ты считаешь?

– Конечно!

...Еще при первой встрече где-то в конце 30-х годов Лео Сцилард, узнав, что Маргарита родом из Советской России, посетовал, что уже давным-давно не имел никаких известий от своего брата Карла, который работал в Москве в каком-то конструкторском бюро. Только недавно узнал, что он якобы арестован, сидит в тюрьме.

Разговор на том и закончился. Но суть его Марго передала своему «куратору» – Елизавете Юльевне. Та дальше – по цепочке – в Москву. Из Центра вскоре поступила информация: физик Карл Сцилард из тюрьмы переведен в ЦКБ-29 авиаконструктора Андрея Туполева – так называемую «туполевскую шарагу», заведение, в общем-то, тюремного типа, но с «правилами внутреннего распорядка» немного попроще. Это был «белый архипелаг»: «островок некоторой свободы и относительного достатка». Хотя и там, конечно, каждый пункт начинался со слов «запрещается», «не

допускается», «возбраняется» и т.п. Его создатели понимали: для сверхважных разработок творческому человеку необходимо вдохновение, а оно невозможно, если над тобой и твоими близкими занесен меч.

Карл Сцилард оказался крайне «полезным» «врагом народа». Вот на этот-то крючочек Лео и можно было бы легко ловить. А он особо и не сопротивлялся…

Лео Сцилард так и не узнал, что президент Трумэн не удосужился прочитать это послание. Конверт остался нераспечатанным на его рабочем столе.

* * *

– Знаешь, Марго, в отрочестве я был изрядным шалопаем. – Эйнштейн лежал рядом с Воронцовой, и его пальцы неспешно перебегали с обнаженной груди на ее теплый, упругий животик никогда не рожавшей женщины, потом его руки возвращались к нежным плечам, а губы ласкали хрупкую ключичку. – Я иногда ненавидел мать за то, что она заставляла меня учиться игре на скрипке. Я вообще терпеть не мог делать все, что нужно было делать по принуждению, ты понимаешь?

– Конечно, любимый.

– Знаешь, я никому никогда не рассказывал. Говорю только тебе. Однажды я набросился на учительницу музыки со стулом в руках. Она в ужасе выбежала из нашего дома и никогда больше к нам не возвращалась. Маме пришлось подыскивать другого преподавателя…

– А кто были твои родители?

– Мама была дочерью богатого штутгартского торговца кукурузой. Отец называл себя коммерсантом. Но, я думаю, с коммерцией у него не очень-то получалось. Сперва отец был совладельцем маленькой мастерской по производству перьевой набивки для матрасов и перин. Потом в Мюнхене он с братом Якобом основал небольшую фирму по торговле электрическим оборудованием. Кстати, именно они занимались поставкой электрического освещения для знаменитого фестиваля Октоберфест, знаешь о таком?

– Нет, милый.

– Ну да, конечно. Но вскоре они прогорели. И тогда отец с мамой уехали в Павию, это городок под Миланом, попытались там наладить дело… Только и там у них ничего не ладилось…

После прогулки по фруктовому саду они долго сидели в беседке, болтая о пустяках. Эйнштейн почему-то вдруг вспомнил

о письме одной девочки, которая жаловалась ему, что ей с трудом дается математика и приходится заниматься намного больше других, чтобы не отстать от одноклассников. Она просила совета.

– И что же ты посоветовал бедной девочке? – спросила Маргарита.

– А что я мог ей посоветовать? – засмеялся Эйнштейн. – Я ей посоветовал не огорчаться трудностям с математикой. И заверил, что мои трудности еще больше, чем ее.

– Умница, – улыбнулась Маргарита, поцеловала в щеку и попыталась пригладить взлохмаченные волосы Альберта.

Вечером, после ужина, Эйнштейн играл на скрипке. Единственным слушателем была его Единственная. Потом, сидя рядышком на их любимом полукруглом диване, они говорили о музыке, о композиторах. Перебирая великие имена, Эйнштейн делился своими сомнениями:

– Затрудняюсь, кто значит для меня больше – Бах или Моцарт. В музыке я не ищу логики. Интуитивно воспринимаю ее, не зная никаких теорий. Мне не нравится музыкальное произведение, если я не могу интуитивно ухватить его внутреннюю целостность и единство… архитектуру.

– Мне кажется, ты должен любить Вагнера, Альбертль…

– Честно говоря, я восхищаюсь его изобретательностью. Но отсутствие четкого архитектурного рисунка рассматриваю как декадентство. Для меня его личность как музыканта неописуемо противна, так что большей частью слушаю его с отвращением.

– Альбертль… Так нельзя.

– Только так и можно… Да, ты слышала анекдот обо мне, который рассказывают все, кому не лень?

– Нет.

– Так вот, я умер, предстал перед Богом. Бог мне говорит: «Ты великий ученый, я хочу наградить тебя. Чего ты хочешь?» А я его прошу: «Покажи мне, Господи, формулу Вселенной!» Он подает мне скрижаль с длинной формулой. Я смотрю и вдруг вижу: «Господи! Но тут же ошибка!» – «Да знаю, знаю…», – сокрушенно вздыхает Бог.

– Смешно, – улыбнулась краешком губ Маргарита. – Но ты не умрешь. По крайней мере, пока я с тобой…

«Ты не умрешь, пока я с тобой…» Он подумал, что эта ее последняя фраза похожа на фальшивые слова из какого-то бродвейского спектакля. Да нет, у них с Марго вряд ли что вечное может получиться. Ей нужен муж-поклонник, а мне – жена-домохозяйка, которая всегда рядом, которая встречает и провожает, кормит и купает, а в основном – ждет. И не мешает.

Но пока они наслаждались уединением. Им было хорошо и

покойно. Лежа в постели, они лениво переговаривались. Покидали кровать лишь изредка. Шлепая босиком по теплому полу, Эйнштейн время от времени уходил в кабинет покурить, давно взяв себе за правило никогда не дымить в спальне. Оставшись одна, Маргарита безмятежно нежилась на смятых простынях и восстанавливала в памяти все детали вчерашней застольной болтовни Оппенгеймера с ее Альбертлем.

Когда Эйнштейн походя поинтересовался развертыванием атомного проекта, Оппенгеймер принялся жаловаться на трудности, которые переживала его суперсекретная лаборатория.

– ...Я сам предложил генералу Гровсу это плато Лос-Аламос в штате Нью-Мексико. Еще в детстве я здесь учился в закрытом пансионе. Пустынная территория, равноудаленная и от Атлантического побережья, куда германские подводные лодки иногда высаживают своих шпионов, и от населенных пунктов, жители которых могли бы пострадать в случае (тьфу-тьфу-тьфу!) ЧП во время проведения опытов. Поначалу мы с Гровсом предполагали поселить рядом с Лос-Аламосом примерно сотню ученых с семьями. Но уже скоро там проживало три с половиной тысячи сотрудников. А сегодня – и вовсе более шести тысяч. Можете себе представить подобный муравейник?..

Оппенгеймер лично занимался комплектованием научного коллектива, исколесил тысячи километров, чтобы встретиться с каждым потенциальным кандидатом, постараться убедить его покинуть насиженное местечко в университете или лаборатории, оставить жилье, отрешиться от прежнего быта и перебраться в пустыню Нью-Мексико и, работая там, оказаться отрезанным от всего внешнего мира.

Первые поселенцы старинного городка Санта-Фе, прежней резиденции испанских вице-королей, появились уже весной 1943 года. Их автобусом ежедневно доставляли на плато Лос-Аламос, покуда вблизи лаборатории не выстроили целый поселок.

– И когда же вы будете готовы выпустить джинна из бутылки? – просто так, ради любопытства спросил у своего молодого коллеги Эйнштейн.

– Я думаю, к середине июля все завершится.

«Генерал Гровс... Плато Лос-Аламос, штат Нью-Мексико... Санта-Фе... Три с половиной тысячи сотрудников... Сегодня более шести тысяч», – высвечивались в цепкой памяти Маргариты имена, географические названия, даты и цифры...

* * *

В своих прогнозах Оппенгеймер не ошибся. 12 и 13 июля составные части снаряда «Фэт Мэн» («Толстяк») в строгом соответствии с совершенно секретным планом доставили в район Аламогордо и подняли на металлическую 33-метровую башню, стоящую, как морской маяк, посреди бескрайней пустыни. В два часа ночи 16 июля, после устранения ряда технических неполадок, все участники эксперимента заняли свои посты в пятнадцати километрах от «пункта ноль». Громкоговорители транслировали танцевальную музыку. Первоначально взрыв намечался на четыре утра, но погода испортилась, было облачно, дождливо и воздух был очень влажный, и пуск отложили на полтора часа. В пять пятнадцать все участники программы – ученые и «технари» – надели темные очки и улеглись ничком на землю, отвернув лица от точки «ноль». В 5.30 ослепительный белый свет залил тучи и горы. Все!

Оппенгеймеру, который изо всех сил вцепился в одну из стоек контрольного поста, в эту поистине историческую минуту неожиданно вспомнились строки из древнеиндийского эпоса «Бхагават Гита»:

Мощью безмерной и грозной
Небо над миром блистало б,
Если бы тысяча солнц
Разом на нем засверкала.

Когда гигантское облако пыли высоко поднялось над местом взрыва, в его памяти возникли другие, еще более ужасные, пророческие слова:

Я становлюсь смертью,
Сокрушительницей миров.

Жертвой испытаний стал лишь один солдат, который накануне вечером вернулся из увольнения. Как позже выяснил генерал Гровс, он был достаточно навеселе. Взрыв застал его полусонным и ослепил. Через несколько дней его зрение восстановилось. Но солдатик поклялся: больше никогда в жизни не брать в рот спиртного.

МОСКВА, Кремль, 17 июля 1945

Едва получив подтверждение о взрыве в американской пустыне, начальник внешней разведки НКВД СССР Павел Фитин тут же позвонил Поскребышеву:

– Александр Николаевич, получена срочная информация из-за океана. Ее необходимо довести до сведения товарища Сталина. Это крайне срочно. Доложите, пожалуйста.

– Обязательно, сейчас доложу.

Через пять минут Фитину по «вертушке» раздался ответный звонок.

– Павел Михайлович, приезжайте. Товарищ Сталин ждет вас.

Еще в машине Фитину совсем некстати вспомнилось: в Древнем Риме гонцов с плохими вестями казнили. Сильные мира сего надеялись таким образом замолить судьбу.

Сам он был готов ко всему.

Выслушав краткий доклад Фитина о состоявшемся испытании атомной бомбы на полигоне Аламогордо, Сталин долго молчал. Фитин боялся пошевельнуться. Потом вождь встал, жестом остановив попытку Фитина вскочить:

– Сидите. Сейчас вы можете сообщить о случившемся событии товарищам Молотову и Берии. Да, минуточку. Благодарю вас за оперативность. Как там у вас говорят, кто вовремя оповещен – тот, стало быть, вооружен, так?

– Так точно, товарищ Сталин.

– Хотя вы же знаете, как поступали в Древнем Риме с гонцами, которые приносили дурные вести?

У Фитина душа ушла в пятки: «Он что, мысли читает на расстоянии?» Но сумел собраться:

– Никак нет, товарищ Сталин.

– Глупые люди... Кто владеет информацией – тот владеет миром. Совсем глупые люди... Ладно, можете идти.

ПОТСДАМ, Германия, 24 июля 1945

В зале заседаний дворца Цецилиенхоф, где проходила Потсдамская конференция, летний зной почти не ощущался. Когда обсудили все вопросы, запланированные на очередное заседание глав трех государств-победителей, председательствующий президент США Гарри Трумэн объявил:

– До встречи завтра, господа, как обычно, в 11 часов.

Но руководители делегаций не спешили отправляться по своим резиденциям, по-прежнему сидели в креслах, обмениваясь какими-то малозначительными фразами. Черчилль дымил сигарой, Сталин медленно набивал табаком трубку. Трумэн, держа руку на тоненькой зеленой папочке, наконец собрался с силами (в папке лежал машинописный листок с многозначительной кодовой фразой: «Мореплаватель достиг Нового Света»), вздохнул и с нажимом произнес, обращаясь персонально к Сталину:

– Я обязан поставить вас в известность, дорогой генералиссимус, о том, что в Соединенных Штатах на сегодняшний день создано новое оружие необыкновенной разрушительной силы. Проинформировать вас об этом – мой союзнический долг.

Британский премьер-министр Уинстон Черчилль при этих словах даже головы не повернул в сторону американского президента. Он смотрел только на Сталина, ему важна была его реакция. Получив от Трумэна совершенно секретный доклад генерала Гровса о первом испытании атомной бомбы в пустыне неподалеку от Лос-Аламоса, Черчилль принялся усердно провоцировать своего менее опытного в политических играх американского коллегу использовать сведения о супербомбе как несокрушимый аргумент в этих тяжелых потсдамских переговорах.

Лицо «дядюшки Джо» оставалось невозмутимым, не выражая никаких эмоций. Лишь на мгновение он опустил тяжелые веки в знак того, что воспринял информацию, и тут же заинтересовался невидимым пятнышком на рукаве своего белоснежного кителя. Даже достал из брючного кармана сияющий такой же белизной носовой платок и обмахнул им рукав. Потом Сталин поднял голову, нашел глазами маршала Жукова и безлично обратился ко всем присутствующим:

– Ну что ж, до завтра – значит до завтра.

И Черчилль, и Трумэн были ошеломлены: что, Сталин ничего не понял?! Не понял, что отныне у Запада находится

смертоносное средство, которое восстанавливает соотношение сил с Россией! Оба лидера были явно разочарованы. Позже в своих мемуарах Трумэн напишет: «Сталин не проявил особого интереса к моему сообщению о бомбе. Его ответ сводился к тому, что он рад это слышать и надеется, что мы сможем применить новое оружие против Японии...»

А Сталин, прибыв в Бабельсберг на виллу, которая была отведена под резиденцию советской делегации, тут же пригласил к себе Молотова:

– Вячеслав Михайлович, у меня состоялся любопытный разговор с Трумэном...

Выслушав рассказ Сталина о беседе с американским президентом, Молотов, недолго думая, с ходу рубанул:

– Цену себе набивают.

Сталин засмеялся:

– Пусть набивают. Надо будет сегодня же переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы.

Только в этот момент присутствовавший при разговоре Георгий Жуков сообразил, что и там, во дворце, и здесь, в Бабельсберге, речь шла о создании советской атомной бомбы...

Маршал также не знал, что еще за две недели до 16 июля – даты, намеченной до испытания атомной бомбы в штате Нью-Мексико, от нью-йоркской резидентуры НКВД в Москву ушла шифровка с точным указанием параметров взрывного устройства. Тогда же начальник внешней разведки Павел Фитин поставил в известность товарища Сталина о предстоящих в Штатах испытаниях.

* * *

Поздним вечером того же дня, перед отходом ко сну, президент Гарри Трумэн решил зафиксировать в своем дневнике для истории заметки о состоявшихся событиях: «...Только что провел несколько часов со Сталиным. Я сказал ему, что я не дипломат и отвечаю «да» или «нет» на вопросы после того, как выслушаю все доводы. Он сказал, что хочет обсудить некоторые вопросы. Я ответил, что готов их выслушать. Он высказал их, и это – динамит. Но у меня тоже есть динамит, который я пока еще не намерен взрывать...»

САРАНАК-ЛЕЙК, 6 августа 1945

Когда «отважный капитан» Эйнштейн пришвартовал свой парусник к мосткам, на берегу его поджидал знакомый репортер «Нью-Йорк таймс». Поздоровавшись, он сказал:

– Профессор, сегодня атомная бомба сброшена на Хиросиму. Ваш комментарий?

– Какой ужас! – только и смог произнести ученый.

Постоял минуту в полном молчании, а потом медленно побрел к своему коттеджу. Дома, слава богу, никого не было. Он никого не хотел видеть. Просто не мог.

Вечером он сказал Маргарите: «Если бы я знал, что до этого дойдет, я стал бы сапожником».

МОСКВА, Кремль, лето–осень 1945

...По возвращении из Постдама в Москву Сталин 18 августа подписал постановление Государственного Комитета Обороны № 9887 сс/он «О специальном комитете при ГКО», согласно которому производство атомной бомбы в СССР ставилось на промышленную основу. Последним пунктом постановления предписывалось «поручить тов. Берия Л.П. принять все меры к организации закордонной разведывательной работы по получению более полной технической и экономической информации об урановой промышленности и атомных бомбах».

Научное руководство поначалу было возложено на Петра Капицу. Но очень скоро академик взмолился:

«Товарищ Сталин. Почти четыре месяца я заседаю и активно участвую в работе Особого комитета и Технического совета по атомной бомбе (А.Б.)... В организации работы по А.Б., мне кажется, есть много ненормального. Во всяком случае, то, что делается сейчас, не есть кратчайший и наиболее дешевый путь к ее созданию... Правильная организация всех этих вопросов возможна только при одном условии, которого нет, но, не создав его, мы не решим проблемы А.Б. быстро и вообще самостоятельно, может быть, совсем не решим. Это условие – необходимо больше доверия между учеными и государственными деятелями...

Особый комитет должен научить товарищей верить ученым, а ученых, в свою очередь, это заставит больше чувствовать свою ответственность, но этого пока еще нет...

Товарищи Берия, Маленков, Вознесенский ведут себя в Особом комитете как сверхчеловеки. В особенности тов. Берия. Правда, у него дирижерская палочка в руках. Это неплохо, но вслед за ним первую скрипку все же должен играть ученый. Ведь скрипка дает тон всему оркестру. У тов. Берия основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. С этим у тов. Берия слабо... Я ему прямо говорю: «Вы не понимаете физику, дайте нам, ученым, судить об этих вопросах», на что он мне возражает, что я ничего в людях не понимаю. Вообще, наши диалоги не особенно любезны...

У меня с тов. Берия совсем ничего не получается. Его отношение к ученым... мне совсем не по нутру... Стоит только послушать рассуждения о науке некоторых товарищей на заседаниях Техсовета. Их приходится часто слушать из вежливости и сдерживать улыбку, так они бывают наивны. Воображают, что, познав, что дважды два четыре, они уже

постигли все глубины математики и могут делать авторитетные суждения...

При создавшихся условиях работы я никакой пользы от своего присутствия в Особом комитете и в Техническом совете не вижу...

Ваш П.Капица.

...P.P.S. Мне хотелось бы, чтобы тов. Берия познакомился с этим письмом, ведь это не донос, а полезная критика. Я бы сам ему все это сказал, да увидеться с ним очень хлопотно.

П.К.»

Берия медленно читал письмо, и Сталин видел, как его лицо покрывается багровыми пятнами. Потом, положив листы на стол перед собой, Берия накрыл их ладонью и жестко произнес:

– Товарищ Сталин, Капица – провокатор и саботажник. Он умышленно срывает проект. Я вынужден ставить вопрос о его аресте.

Сталин спокойно посмотрел на своего соратника и, делая большие паузы между каждым словом, сказал:

– Я тебе, Лаврентий, его сниму, но ты его... не трогай.

– Слушаюсь, товарищ Сталин.

Но внутри у него все кипело. Оказавшись у себя в кабинете, Берия велел немедленно соединить его с Капицей, предложил этому писаке поскорее приехать к нему, есть о чем потолковать.

На что возомнивший о себе гордец Капица ответил:

– Если вы хотите со мной поговорить, Лаврентий Павлович, то приезжайте ко мне в институт.

Берия приехал. И подарил ученому двустволку.

На следующий день он создал специальную комиссию по тщательнейшей проверке процесса производства кислорода, изобретенного академиком. Затем Петр Капица был отстранен от должности директора Института физических проблем, снят со всех постов в атомном проекте и, по сути дела, отправлен в ближнюю почетную ссылку – на Николину гору... Там благодать, Москва-река, сосновый бор... Да и с соседями есть о чем посудачить, мировые проблемы обсудить – Сергей Прокофьев, Сергей Михалков, Василий Качалов, сам Николай Александрович Семашко...

Правда, неуемный академик и в «золотой клетке» продолжал зловредно активничать. Организовал домашнюю физическую лабораторию. Потом в 1946 году пригласил от своего имени Альберта Эйнштейна приехать в СССР для работы в области физических проблем. Последнее предложение вызвало переполох в спецслужбах США и в американском посольстве в Москве. Не говоря уже о Лубянке.

По странному совпадению, именно в 1955-м, в год смерти Эйнштейна, Петр Леонидович Капица был восстановлен в должности директора Института физических проблем.

ВАШИНГТОН, Белый дом, 4 сентября 1945

Новый хозяин Белого дома Гарри Трумэн, сидя в Овальном кабинете, уже в который раз перечитывал многостраничный Меморандум 329 под грифом «Совершенно секретно» – «Стратегическая карта некоторых промышленных районов России и Маньчжурии» с изложением детальных географических и экономических характеристик крупнейших городов.

Названия некоторых просто невозможно было произнести, они вызывали у президента улыбку. Маг…ни…то..горск… Че..ля..бинск… Куй…бы…шев… Свер…д…лов…ск… Нижни… Та… гил… Тьфу ты, господи, язык сломаешь. Дикари, одним словом. Одолев «Moscow» и «Leningrad», Трумэн вернулся к первой странице документа и поставил свой автограф. Хватит нам дипломатии.

…Позже Трумэн утвердит директивный план «Чариотир» по будущей атомной бомбардировке индустриальных центров Советской России. В течение тридцати дней планировалось сбросить 133 атомные бомбы на 70 городов. На Москву выделялось 8 бомб, на Ленинград – семь. Достаточно? Пожалуй, с головой хватит.

На втором, двухгодичном этапе предполагалось сбросить на Советский Союз 200 атомных и 200 тысяч тонн обычных бомб.

МОСКВА – ТОКИО, август–сентябрь 1945

– Машенька, ты к обеду меня не жди. Буду поздно, кушайте без меня. – Генерал Антонов, не дожидаясь возможных вопросов жены, положил трубку на рычаг.

Подумав, он не стал давать поручение дежурному офицеру по Генштабу и сам набрал по «ВЧ» начальника Разведуправления Кузнецова:

– Подъезжайте ко мне как можно скорее.

– Слушаюсь, Алексей Иннокентьевич.

Кузнецов, конечно, сразу догадался, о чем пойдет речь: Хиросима и Нагасаки. И, уже приближаясь к кабинету начальника Генерального штаба, набросал в уме приблизительный текст шифрограммы в Токио своему резиденту Сонину. После краткого разговора с Антоновым шифровка самую малость была скорректирована: «Принять срочные меры по обследованию действий атомных бомб в районах Хиросимы и Нагасаки. Результаты доложить». Аналогичное поручение получил также помощник военно-морского атташе в Японии, капитан 1-го ранга Анатолий Родионов.

Проникшие в Нагасаки сотрудники токийской резидентуры ГРУ Иванов и Сергеев, повидавшие на своем веку всякое, были в шоке: «Собирали, что требовалось, среди пепла, руин, обугленных трупов. Видели ли когда-нибудь отпечатанный миллионы лет назад на геологических отложениях папоротник? А вот когда от людей, еще сутки назад пребывавших в здравии, только след на камне… Страшно вспоминать, но мы взяли с собой наполовину обугленную голову с плечом и рукой…».

Чемодан со страшным грузом они благополучно доставили в советское посольство. И потом заплатили за выполнение приказа дорогой ценой. Сергеев вскоре умер от лучевой болезни, а Иванову перелили в общей сложности 8 литров крови. При этом сами врачи удивлялись, как он вообще оставался жив.

ПРИНСТОН, август 1945

...Альберт уснул, свернувшись в клубочек, как ребенок. Маргарита положила руку на его плечо и, засыпая, подумала: если бы он предложил мне остаться, то...

Перед этим они говорили о «зеленой палочке» Льва Толстого. Той самой, на которой был написан секрет общечеловеческого счастья, и о других тайнах, которые могут быть открыты, если в течение часа не думать о делах обыденных.

А до того, утром, Альберт пригласил ее полюбоваться его клубничными грядками, кустами роз и барбариса.

– Это уже второй урожай, – явно гордясь своими агрономическими талантами, говорил он Маргарите. – Учитывая здешний климат, их надо почаще поливать.

Он пошарил руками в зарослях бурьяна в поисках шланга, потом нашел кран и с усердием опытного садовода принялся за полив зреющих ягод, стараясь точно распределять воду между кустиками клубники, не оставляя сухим ни одного побега. «С математической точностью», – подумала Маргарита, идя в шаге перед Альбертом, на ходу вырывая сорную траву.

Она настолько увлеклась своим занятием, что даже не услышала, как Альберт перекрыл кран и, бросив в траву шланг, подошел к ней сзади и, вытерев мокрые руки о свои холщовые штаны, обнял ее за плечи. Он уткнулся в ее теплую, нежную шею и прошептал:

– Марго...

Ей порой становилось безумно жаль своего «Аль», которого нещадно эксплуатировали просители, посетители, родственники, друзья и мимолетные знакомые. Она знала, что он не принадлежит к тем мыслителям, чей интерес к судьбам человечества сочетается с безразличием к судьбе конкретного человека, с которым он сталкивается в повседневной жизни. Он писал тысячи рекомендательных писем, давал советы сотням людей, часами мог беседовать с полоумным человеком, семья которого писала ему, что только он в силах помочь больному. Он был мил, добр, разговорчив, улыбался с необыкновенным радушием, но с тайным нетерпением ожидал сладкой минуты, когда наконец сможет вернуться к настоящей работе.

Эта тяга к одиночеству не сводилась исключительно к решению каких-то глобальных научных задач. Вовсе нет. Он признавался: «Страстный интерес к социальной справедливости и чувство социальной ответственности противоречили моему резкому предубеждению против сближения с людьми и

человеческими коллективами. Я всегда был лошадью в одноконной упряжке и не отдавался всем сердцем своей стране, государству, кругу друзей, родным, семье. Все эти связи вызывали у меня тягу к одиночеству, и с годами стремление вырваться и замкнуться все возрастало. Я живо ощущал отсутствие понимания и сочувствия, вызванное такое изоляцией. Но вместе с тем ощущал гармоническое слияние с будущим. Человек с таким характером теряет часть своей беззаботности и общительности. Но эта потеря компенсируется независимостью от мнений, обычаев и пересудов и от искушения строить свое равновесие на шатких основах».

* * *

Когда в Москве было принято окончательное решение о возвращении Коненковых, Маргарита в последний раз отправилась к Альберту в Принстон. Прожив в его коттедже две недели, она ни на минуту не упускала из-под контроля проблемы «упаковки багажа». К бесконечным дорожным хлопотам был привлечен советский вице-консул Павел Михайлов, что вполне естественно. Во всяком случае, он вооружил Коненковых официальным мандатом, которым предписывал всем советским учреждениям на территории США обеспечить беспрепятственный проезд супругов до Сиэтла, где их ждал корабль, а также из Владивостока до Москвы.

Михайлов становится просто близким человеком. Он настаивал, чтобы его встреча с Эйнштейном состоялась не в Принстоне, а на дальнем озере. Позже Альберт Эйнштейн сообщил возлюбленной, что «Михайлов вновь передал мне привет. Кажется, симпатии взаимны». В следующем письме ученый сообщает Маргарите, что «в соответствии с программой» теперь уже он нанес визит «консулу». «Рекомендации и советы от Михайлова» и в дальнейшем упоминаются в его письмах.

Предусмотрительная Маргарита и на расстоянии нежно стимулирует душевное состояние своего законного супруга, сообщая Коненкову: «Дорогуся! Я была очень рада получить от тебя весточку. Ты пишешь, что Буржуа советует тебе для упаковки компанию Бодвордт. Но ведь я тебе тоже о них говорила. Я только боюсь, что эта компания очень дорогая. Если все же ты решил обратиться к ним, то, по всей вероятности, они заберут все вещи и упаковывать будут в их мастерской, где у них все приспособления. Ужасно меня удивляет и беспокоит, что консул ничего не предпринимает по поводу упаковки. Перед тем как

обратиться в Бодвордт, нужно, конечно, выяснить вопрос с консулом. Упаковка ведь будет стоить очень дорого. Всегда твоя Маргарита.

P.S. Дай крошкам в мою честь что-нибудь сладенького».

19 августа она чуть ли не официально информирует мужа: «С Эйнштейном я еще не говорила о консуле. Боюсь, он не согласится его принять, но я все-таки попробую... Только теперь чувствую, как ужасно я устала (устала на курорте! От чего?) и как мне необходим отдых».

Спустя два дня Маргарита, не скрывая раздражения, написала Коненкову: «Дорогуся моя! Сейчас написала маленькое письмо Пав. П. Михайлову (консулу) с сообщением, что Эйнштейн будет рад его видеть. Я все выжидаю удобную минуту (в смысле настроения!), чтобы спросить Эйнштейна об этом. Возможно, что консул будет тебе звонить, если действительно он думает приехать. Как-то ты, мой дорогой, и как мои зверьки? Меня ужасно беспокоит вопрос с упаковкой и т.д. Неужели ты до сих пор ничего не слышал от консула? Прямо жуть берет. Я же вот исполнила свое обещание – переговорила о нем с Эйнштейном и сразу же даю ему об этом знать... Интересно, приедет ли консул. Я бы на его месте подождала бы до сентября и поехала бы к Эйнштейну в Принстон. Всего один час езды, а чтобы доехать сюда, нужно потратить не так много времени и денег...»

Но мастеру было не до того. Он лепил, ориентируясь на газетные и журнальные фотографии, портреты выдающихся советских полководцев, героев войны – Жукова, Рокоссовского, Конева, Малиновского...

Не выпуская Коненкова из-под своего контроля, Маргарита по-прежнему нежно обращается к нему из принстонского «гнездышка» 27 августа: «Роднуся! Что же ты мне пишешь так редко? За все время я получила от тебя только 2 письма. 21 августа я писала тебе, что одновременно пишу и Михайлову, консулу, о том, что Эйнштейн сказал, что будет рад его здесь видеть. К моему удивлению, от Михайлова до сих пор нет ни слуха ни духа. Мне просто неудобно перед Эйнштейном, который несколько раз меня спрашивал, «когда же приедет ваш консул?». Ведь мог же он ответить несколько слов, приедет он или нет. Я дала ему также телефон, по которому он мог бы меня вызвать, если он почему-то не хотел писать. Меня все время беспокоит вопрос об упаковке твоих скульптур. Действительно, Михайлов сказал, что ему поручено оказать всяческое содействие – но кто знает, что он подразумевает под этим «содействием». Во всяком случае, мне кажется, что дальше ждать нельзя и нужно поставить им вопрос ребром – будут они упаковывать или нет. Ведь время

летит, а мы все на том же месте, даже паспортов в руках нет... Крепко тебя целую. Твоя Маргарита!»

НЬЮ-ЙОРК, Гринвич-Виллидж, сентябрь 1945

...С превеликим трудом высвободившись из-под грузного, потного тела Сергея, Маргарита поднялась с развороченной любовной схваткой постели, набросила шелковый халат и подошла к балкону. Пресытившись, он всегда мгновенно засыпал, а ей страшно хотелось курить.

Она села в кресло, на ощупь нашла спички, мундштук и сигаретки. Вспомнила, как Альберт все смеялся: «Мундштук» в переводе с немецкого – «деталь для рта». Прости, моя милая, но ты гораздо лучше пользуешься другой деталью для рта. Поверь мне, ты умеешь мастерски курить. Очень красиво и нежно».

Сегодня Сергей был чересчур грубоват и требователен. Она видела нависшее над ней его взмокшее от пота лицо с прилипшим ко лбу седым чубом, устремленные в какую-то пропасть глаза, приоткрытый в мучительной гримасе рот. А она заслоняла от него весь сторонний мир. Он тискал ее груди, тер соски, кусал шею, от его рук на бедрах оставались багровые синяки... Но все равно, ей было с ним необыкновенно хорошо, как никогда.

* * *

Для перевозки сокровищ творческой мастерской Коненкова, его работ, библиотеки и домашнего скарба, скопившегося за 22 года американской «ссылки», лично товарищ Сталин, сообщили скульптору в советском консульстве, распорядился зафрахтовать специальный пароход «Смольный».

Не было ли в ящиках с обнаженными «Вакханками» чего-нибудь погорячее, кто знает... Именно в эти жаркие месяцы, после первого в мире ядерного взрыва 16 июля в пустыне Аламогордо, последовавшего затем безжалостного уничтожения Хиросимы и Нагасаки 6 и 9 августа 1945-го, советская разведка резко активизировала работу по добыванию технической документации по атомной бомбе. Как ныне уже известно, задача была блестяще выполнена. Прямых доказательств причастности семейства Коненковых к данному делу нет. Возможно, это просто хронологическое стечение обстоятельств. Или хроническое...

* * *

...Маргарита Ивановна вышла на верхнюю палубу и, уютно устроившись в шезлонге, всматривалась в удаляющиеся берега Америки. Смотрела, но ничего не видела. Думала о своем. Вспоминала, как в день расставания Альберт надел ей на руку свои именные золотые часы и нежно поцеловал в губы. Оба понимали, что прощаются навсегда. И он, и она знали: это была их личная плата за «ядерное равновесие».

– Давай я напоследок помою тебе голову, – предложила Маргарита в их прощальный вечер. Она знала, что он обожал это действо, почти сочетаемое с интимным актом. Он буквально млел, таял под ее руками, иногда даже постанывал от удовольствия.

Альберт Эйнштейн, видимо, напрочь забыл о ветхозаветной филистимлянке Далиле, обольстившей и затем предавшей Самсона, проделав нечто непотребное с его волосами, в коих таилась сила героя. И вряд ли физик читал толкования христианского богослова Иоанна Златоуста, который писал: «Издревле в раю Диавол уязвил Адама женщиною... Женщиною мужественнейшего Самсона ослепил... Она предала иноплеменникам своего супруга, которого любила, ласкала, которому говорила, что любила его больше, чем себя. Того, кого вчера любила, ныне обольщает, кого вчера согревала лобзанием, ныне, обольщая, предает смерти...»

Стюард принес ей кофе, учтиво спросил, не желает ли гостья чего-либо еще. Получив отрицательный ответ, он удалился. Маргарита Ивановна достала из дорожной сумочки последнее письмо Эйнштейна, вновь принялась читать:

«Принстон. 8.X1.45

Любимейшая Маргарита!

Я получил твою неожиданную телеграмму еще в Нью-Йорке, откуда я смог вернуться только вчера вечером. Так тяжело задание, которое несет с собой большие перемены для тебя, но я верю, что все закончится благополучно. Хотя по прошествии времени ты, возможно, будешь с горечью воспринимать свою прочную связь со страной, где родилась, оглядываясь на пройденное перед следующим важным шагом. Но в отличие от меня у тебя есть еще, возможно, несколько десятилетий для активной жизни в творчестве. У меня же все идет к тому (не только перечисление лет), что дни мои довольно скоро истекут. Я много думаю о тебе и от всего сердца желаю, чтобы ты с радостью и мужественно вступила в новую жизнь и чтобы вы оба успешно перенесли долгое путешествие. В соответствии с программой я

нанес визит консулу… Целую. Твой А.Эйнштейн».

Она невесело усмехнулась: как же хитроумно Альбертль попытался все зашифровать. Мол, друг поймет, а враг озадачится. Во время последнего совместного отдыха на берегу Саранак-Лейк Маргарита все рассказала Эйнштейну. Ну, или почти все. (То, что позволила Москва, одновременно с приказом о возвращении в Советский Союз.)

Маргарита говорила и говорила без удержу: «Альбертль, ты не понимаешь. Ты – гений, ты другой. Ты – совершенно независимый человек, ты – единственный, ты сам по себе. А я? Я в прямой зависимости от всех. В сладкой – от тебя. В мерзкой – от самых страшных людей. Ты не представляешь себе… Вот ты же любишь Достоевского. Помнишь его выражение «тварь дрожащая»?.. По-английски так не скажешь. Но это все обо мне… Мне горько, мне больно, мне печально…»

* * *

Она вытянула руку, чтобы в который уже раз полюбоваться золотыми часиками, которые Эйнштейн подарил ей в час расставания. Их мощный лайнер «Смольный» уверенно рассекал океанские волны, оставляя за собой белые буруны. Становилось довольно прохладно, и Маргарита Ивановна вернулась в свою каюту.

Во Владивосток они прибыли в декабре 1945 года. Впереди Коненковых ждало долгое путешествие железной дорогой до Москвы. А еще разгрузка, перегрузка многотонного багажа и прочие хлопоты.

Кроме своих работ, Сергей Тимофеевич вез с собой обширнейшую библиотеку, состоящую из книг, которых в ту пору в Союзе днем с огнем было не сыскать. Издания Библии на разных языках, теософские произведения английских и американских мыслителей, уникальные труды по астрономии, карты звездного неба, коллекция автографов знаменитостей, собрания сочинений русской классики.

По прибытии в Москву скульптор был приглашен в Кремль, где его принял товарищ Сталин. Он угощал его чаем с лимоном. Предложил коньяку. Сергей Тимофеевич вежливо поблагодарил, но отказался. «Как же так? – усмехнулся Сталин. – Ведь вы сами мне писали, что были немалым пьяницей…» – «Так ведь б ы л, дорогой брат, – склонил голову Коненков, – увы, был…»

Заботы, которой был окружен воротившийся на родину Коненков, не удостаивался ни один из реэмигрантов. Он очень

скоро получил роскошную квартиру-студию вблизи Пушкинской площади, а самому мастеру дали «зеленую улицу»: вернисажи, хвалебные газетные и журнальные статьи, всевозможные почести.

Коллеги скульптора ревниво поглядывали на роскошно обустраивавшегося мастера. Посыпались упреки: дескать, прожив самые тяжелые для страны годы за океаном в тепле и достатке, он совершенно незаслуженно получил от власти слишком много. На всякий случай присовокуплялись модные в те годы обвинения в «формализме» и «модернизме». Травля дошла до предела. Искусство (вернее, его деятели) требовало жертв.

Спохватившаяся Маргарита Ивановна в отчаянии написала слезное письмо самому Лаврентию Павловичу Берии с просьбой оградить семью от необоснованных нападок с учетом «ее заслуг и заслуг С.Т.Коненкова перед Родиной». Лаврентий Павлович мгновенно отреагировал. Благодаря «профилактике» злопыхателей удалось легко усмирить.

А когда Сергею Тимофеевичу Коненкову была присуждена Сталинская премия, злобный вой завистников и вовсе сошел на нет. Ведь Коненков официально стал как бы придворным художником, и высказывать критические замечания в адрес сталинского лауреата уже было просто небезопасно...

* * *

«Только что сам вымыл себе голову, но без особого успеха. У меня нет твоих умений и аккуратности... Но как мне все здесь напоминает о тебе: Альмаровый плед, словари, и чудесная трубка, которую мы считали потерянной, и куча вещей в моей келье. Ну и, понятно, осиротевшее гнездышко...»

Так Эйнштейн писал Маргарите 27 ноября 1945 года. Писал просто так, в никуда. Но через месяц он получил возможность сообщить ей новые трогательные подробности своего бытия:

«Я совсем запустил волосы, они выпадают с необычайной скоростью. Скоро ничего не останется. Гнездышко также имеет захудалый и обреченный вид. Если бы оно могло говорить, ему нечего было бы сказать. Я пишу тебе это, прикрыв колени Альмаровым пледом, а за окном темная-темная ночь...»

Ах ты, коварная искусительница Далила... Ну, а ты, забывчивый лохматый Самсон?..

ПРИНСТОН, 24 декабря 1945

Оппенгеймер не сомневался: Эйнштейн непременно поддержит его идею. Когда он без всякой договоренности примчался к нему, мэтр тихо-мирно сидел на веранде в плетеном кресле и наслаждался гаванской сигарой. На взволнованного Роберта он смотрел с улыбкой:

– Что-то случилось?

– Мистер Эйнштейн, мы должны... Обязательно должны обратиться к нашим русским коллегам. Они же тоже занимаются бомбой. Я говорил с Юри, Лангмюром. Это должно быть коллективное письмо или телеграмма. Они не могут не быть солидарными с нашей тревогой.

– Я гляжу, Роберт, вы просто обожаете эпистолярный жанр, – усмехнулся Эйнштейн. – За свою жизнь я столько написал умных и глупых телеграмм и писем... Руки болят. Не хотите ли выпить чего-нибудь?

– Нет, спасибо.

– Ну ладно, давайте ваше письмо, – по-прежнему мягко улыбаясь, сказал Эйнштейн. – Элен! Принесите нам кофе, пожалуйста! Итак:

«Москва. Президенту Академии наук СССР, господину Вавилову С.И.

...Те, которые в этой стране работали над атомными бомбами, очень взволнованы большими опасностями, которые связаны с этим открытием. Основные факты в этой области и их последствия для жизни человечества сейчас сформулированы в книге, написанной учеными, занимающимися атомными исследованиями, которая в ближайшее время должна выйти. Эта книга также выразит наше убеждение, что угроза бомбы может быть предотвращена только сотрудничеством в международном масштабе путем соглашения или организации, достаточной для того, чтобы обсудить эту проблему, как мировую проблему...»

– Ты что, правда веришь в то, что эта книжка перевернет общественное сознание в мировом масштабе? – оторвался от машинописного текста хозяин дома.

– Верю. Читайте, пожалуйста, дальше.

«Мы предлагаем выдающимся физикам СССР, Франции и Англии принять участие в этой книге краткими высказываниями таких наших русских коллег, как Капица, Иоффе, Курчатов, Ландау, Френкель, или тех, кого Вы найдете нужным указать для этого.

Для того чтобы вся сила мировой научной мысли и научного

авторитета могла повлиять на проблемы, поднятые атомной бомбой, мы настойчиво просим Вас протелеграфировать к 15 января высказывания в несколько сот слов на имя Альберта Эйнштейна, Принстон, Нью-Джерси.

Мы были бы рады показать законченную рукопись этой нашей книги тому, кому Вы найдете нужным поручить этот просмотр здесь, и мы можем Вас уверить, что текст, который Вы нам пришлете, будет использован без каких бы то ни было изменений. А.Эйнштейн».

– Ты хочешь, чтобы я подписал это, Роберт?

– Ну конечно.

– Ради бога. Только я всегда привык рассчитывать на какой-то эффективный результат. А тут что? Я уверен, что первым, кто в Москве прочтет наше письмо, наверняка будет советский Гувер – Берия.

– Вот пусть читает и думает.

* * *

Письмо, действительно, так и не дошло до академика Вавилова. Но в своем прогнозе Эйнштейн ошибся лишь в одной детали – рассмотрение обращения было поручено не Берии, а не менее зловещей фигуре – Андрею Вышинскому, бывшему грозному Генеральному прокурору страны, в 40-е годы почему-то занявшему должность замнаркома иностранных дел.

МОСКВА, 1946

Интуитивно чувствуя напряженно-опасную московскую атмосферу, Коненков осторожно, исподволь интересовался у доверенных друзей-приятелей судьбами старых товарищей.

– Сергей Клычков? Арестовали в 1937-м, – рассказывали ему. – Жене сообщили, что он осужден Военной коллегией Верховного Суда на десять лет без права переписки. А знаешь, что это такое – «без права переписки»? Расстрел… Коля Клюев тоже канул где-то на Колыме… Как и Бабель… И Мейерхольд тоже… А его красавицу Зиночку Райх помнишь? Да знал ты ее, она же сперва была женой Есенина, а потом уже Мейерхольда… Ее убили в 38-м… Только вот Миша Булгаков помер своей смертью, слава богу, еще перед войной, в 40-м. Считай, повезло… Изя Иткинд с 37-го пропал – шпион, говорили…

Насупленный, молча сидевший в компании Юрий Карлович Олеша вдруг встрепенулся и тоже заговорил о Мейерхольде:

– Он часто, в эпоху своей славы и признания именно со стороны государства, наклонялся ко мне и ни с того ни с сего говорил мне шепотом: «Меня расстреляют…» Тревога жила в их доме. Помимо них, сама по себе. Когда я жил в этом доме в их отсутствие, я видел, слышал, ощущал эту тревогу. Она стояла в соседней комнате, ложилась вдруг на обои, заставляла меня, когда я возвращался вечером, осматривать все комнаты – нет ли кого там, пробравшегося в дом, пока меня не было, заглядывать под кровать и за двери, в шкафы… Тревога была такой властной в его пустом доме, что иногда я просто обращался в бегство. Ни от чего. От обоев, от портрета хозяйки с большими черными глазами, которые вдруг начинали мне казаться плачущими. Хозяйку закололи в этом доме. Так что до появления убийц я уже слышал их, почти видел. За несколько лет. Хозяина расстреляли, расстреляли, как он и предчувствовал это. Перед их гибелью они попрощались со мной в моем сновидении. Подошли к какому-то окну с той стороны, – он взмахнул рукой, – с улицы, и, остановившись перед темным, но прозрачным для меня окном, поклонились…

– Юр, ты бредишь. Выпей лучше…

Один из старинных приятелей, ощущая душевное смятение Сергея Тимофеевича, горько усмехнулся и процитировал ему полузапретные строки Анны Ахматовой:

Успеете наахаться,
И воя, и кляня,

Я научу шарахаться
Вас, смелых, от меня...

Воротившись в ставший загадочным для него Советский Союз, Коненков все же чувствовал в себе какой-то необъяснимый душевный подъем, прилив сил и принялся столь плодотворно работать, что его новые скульптуры заставили даже завистливых коллег говорить о чрезвычайно успешном творческом периоде мастера. Самым близким друзьям Сергей Тимофеевич пафосно твердил, что ощущает себя в долгу перед людьми: «Должно быть, мне не хватало русской почвы под ногами, чтобы найти более глубокие и, главное, более органичные решения».

Сергей Тимофеевич продолжал работать над своей портретной галереей. Он на удивление довольно быстро и легко вписался в стандарты советской жизни, социалистического реализма и с удовольствием примерял тогу официально признанного скульптора. Ваял и Ленина, и Сталина, и «Девушку с кукурузой», и Никиту Хрущева, и Луначарского, и Отто Шмидта. Он прекрасно понимал, кого приглашать стать моделью. «Марфинька» – одна из первых кремлевских красавиц, внучка Максима Горького, но самое главное – невестка Лаврентия Павловича Берии – Марфа Максимовна Пешкова становится одной из лучших работ мастера. Потом он переводит в мрамор свои старые работы – портрет Шаляпина, бюст академика Павлова, режет деревянную скульптуру Достоевского.

На одном из юбилейных банкетов, где присутствие Коненкова было обязательным, скульптор не мог не обратить внимания на потрясающую, удивительной красоты женщину, оперную певицу Мери Накашидзе.

Памятуя светские манеры, он попросил проходившего мимо поэта Ираклия Абашидзе представить его красавице. Тот горделиво усмехнулся, словно демонстрируя собственный бриллиант:

– Что, хороша, да?.. Бес в ребро, а?

Потом подвел Сергея Тимофеевича к певице.

– Мери, позволь тебе представить гениального скульптора современности Сергея Коненкова. Лучше его нет, клянусь.

Дама царственно протянула руку, поощрительно улыбнулась. А Коненков, плененный яркой женской красотой, не мог сдержаться и непроизвольно прикоснулся к ее плечу, произнеся:

– Вы... как мраморная. Такой вас и сделаю.

Мери вначале даже не поняла, о чем идет речь. Но Сергей Тимофеевич протянул ей свою визитную карточку и пригласил в свою мастерскую. Певица была польщена. Маргарита Ивановна с

некоторым подозрением восприняла новую модель мужа и время от времени как бы невзначай наведывалась в мастерскую, угощая гостью то персиками, то медовыми грушами. Впрочем, хозяйка дома напрасно волновалась – сеансы проходили вполне пристойно, хотя роскошные обнаженные плечи Мери ее все-таки раздражали…

Самым важным откровением-исповедью Коненкова стал его собственный «Автопортрет», выразительно подводящий итоги жизненного пути. Образ, полный внутренней свободы и духовного порыва. После смерти мастера бронзовый отлив этой работы родные установили на его могиле на Новодевичьем кладбище.

Правда, не все его работы встречали единодушное одобрение и понимание. Возвращаясь к своему любимому образу – человека, рвущего оковы, добивающегося свободы, истинного победителя в мировой войне, он изобразил гиганта с огромным вздыбленным фаллосом в качестве символа яростного мужского начала. Руководство Союза художника, увидев Это, ахнуло, идею скульптора не поняло, сколько Коненков ни пытался объяснить, что Это – олицетворение победы страны и послевоенный подъем СССР, что Это – аллегорическая фигура с сопровождающими символическими атрибутами. Короче, Это велели напрочь отломать. А зря…

Маргарита же с головой погрузилась в домашние хлопоты и финансовые дела, которые она вела с заказчиками мужа. Модные наряды и великосветские приемы канули в прошлое. В тоске и печали она, не зная, чем себя занять, даже записалась на курсы политпросвещения. Но скоро оставила эту пустую затею. И в дальнейшем не скрывала, что советский быт и нравы ей не по нутру. В начале 50-х совершенно случайно в Филипповской булочной Маргарита Ивановна встретила свою старую знакомую по американским приключениям Елизавету Юльевну. Подчиняясь внутреннему приказу, женщины издали лишь слегка кивнули друг другу и, опустив глаза, разошлись. Выйдя на улицу, Коненкова все же не удержалась и украдкой оглянулась. Но знакомой фигуры не увидела. Как будто Зарубина ей просто привиделась.

Когда мастерская Коненкова стала официально утвержденным местом паломничества иностранных гостей, Маргарита Ивановна стала необходимым элементом интерьера. Увенчанная кокошником, с подносом конфет в руках, она встречала иноземцев у входа, заученно при этом приговаривая: «Конфета дружбы, конфета дружбы. Отведайте, господа. Прошу вас…» Но глаза ее были пусты и безжизненны. Потом гости осматривали работы мастера, выставленные в домашнем музее, а

хозяин царственно сидел в кресле, время от времени приветствуя их легким кивком головы. Все было чинно и благородно, ничем не напоминая прежние развеселые посиделки на Пресне…

* * *

Заглянув в кабинет мужа, Маргарита Ивановна вместо привычного бодрого приветствия «Доброе утро!» услышала зловеще тихий вопрос:

– И как вы прикажете это понимать?

Сергей Тимофеевич швырнул на стол какие-то бумаги.

– А что это? – вопросом ответила она.

– Это я должен спросить «что это?». Вот, послушай, дорогая. – Коненков, держа лист на расстоянии, принялся громко читать:

«Принстон, 15.01.1946

Любимейшая Маргарита!

Это уже третье посланное тебе письмо, а от тебя так и нет ни одного. Я уверен, что ты получаешь мои, а твои исчезают в какой-то неведомой дыре. Надеюсь, что так оно и есть, а помимо этого, надеюсь, что ты все нашла таким, каким и хотела найти, и получила желаемые результаты от своей тяжелой работы. Я наконец написал что-то достойное. Ездил в Вашингтон, чтобы высказать свое мнение перед комиссией в Палестине. Наполовину она состоит из англичан, и я могу тебя уверить, что они еще никогда не слышали такого публично выраженного возмущения. Я даже не представлял, что смогу все это изложить на английском. Но если человек должен сделать что-то, он сделает. А все остальное обычная работа. Я здоров, а вот мой ассистент заболел. Все благоразумные люди недовольны развитием политической ситуации, но так было всегда и всегда останется так, ибо большинство рождается не для того, чтобы править. Я сижу на моем маленьком полукруглом диване в полоску и наблюдаю тихой ночью за моим маленьким миром. Я укрыт голубым пледом, а передо мной на круглом столике лежит богатство из курительных трубок. Я экономно использую средство для очистки, которого хватит до моего последнего вздоха. Произвожу с помощью синего карандаша расчеты, и почти все как прежде. Но различие уже есть.

Сердечные пожелания и привет от твоего А.Э.

Сегодня у тебя, кажется, должен быть Новый год. Счастья в 1946 году».

– Ну и?..

– Сергей, откуда это письмо у тебя?

– На тумбочке валялось. Нечего вещественные доказательства разбрасывать, «любимейшая»... Добрые люди помогли с переводом.

Учитывая темперамент обоих супругов, понятно, что семейная сцена была более чем бурной. Прислуга забилась на кухню и не высовывалась.

С той поры жить они стали по-разному: Коненков – в творчестве, а Маргарита – в четырех стенах. Ее не интересовало ничего – ни политика, ни искусство. Она жила воспоминаниями о человеке, который остался далеко-далеко и с которым она больше уже никогда не увидится. Лишь перечитывание писем из Америки помогало ей держаться на плаву...

ПРИНСТОН – НЬЮ-ЙОРК, 1946

«Чего-либо... драматичного не наблюдается в моем здешнем маленьком мирке, – извещал Эйнштейн свою далекую московскую подругу. И делился сомнениями. – Как собака, я честно мучаюсь со своим молодым ассистентом, чтобы решить загаданную самим загадку. Иногда я спрашиваю себя, не сошел ли я окончательно с ума, не находя решения. Это своеобразный контраст между тем, кто есть человек на самом деле, и тем, за кого его принимают. В этом году я остаюсь в Принстоне, так что не надо опасаться за мое физическое и душевное здоровье (яхта)... От моего имени все собирают деньги на общественные нужды: евреи, физики-атомщики и штат Нью-Джерси. Последний – на помощь голодающим в Европе...

С сердечными пожеланиями. Целую. Твой А.Э.».

Осознавая свой долг перед обществом, Эйнштейн строго следовал своим нравственным заветам: «Забота о человеке и его судьбе должна быть основной целью в науке. Никогда не забывайте об этом среди ваших чертежей и уравнений». Хотя в душе он был поклонником Спинозы, никогда не обращавшегося к власть имущим, независимого от всех, избравшего себе профессию гранильщика алмазов, чтобы никто и ничто не мешало уединенным размышлениям. Эйнштейн тоже не раз говорил о своей мечте быть ремесленником или смотрителем маяка как об идеальном общественном положении мыслителя.

Однако исторические обстоятельства постоянно понуждали его к активному вмешательству в жизнь.

В послевоенные годы, опасаясь того самого атомного джинна, выпущенного с его косвенной помощью из бутылки, Эйнштейн стал пылким сторонником мирового правительства, которое стало для него «спасительным понятием». Хотя он и опасался тирании со стороны подобного монстра. Но еще большую тревогу вызывала у него потенциальная «война всех войн». Его преследовало чувство вины. Он не раз сожалел о том самом письме президенту Рузвельту, написанном еще в 39-м году, в котором призывал максимально ускорить работы по созданию американской атомной бомбы в противовес возможной германской.

Беседуя с журналисткой Антонией Валлентайн, Эйнштейн произнес покаянную фразу: «Я нажал на кнопку...» Хотя, в общем-то, ему было органически чуждо представление о зависимости исторических событий от воли человека, творящего историю. Себя он, во всяком случае, к таковым не причислял. Эйнштейн в

абсолютной степени владел искусством той самой толстовской «зеленой палочки»; вернее, отрешенность от мыслей о себе была для него не искусством, а органическим свойством внутреннего мира.

Роковым образом все совпало. Трагедии вселенские и личные. Беря всю вину на себя за то зло, которое существует в мире, он особенно переживал многовековую трагедию разрушительного использования достижений разума. Человеческий интеллект должен искать гармонию в природе, вести к ней общество. Но в антагонистическом обществе плоды разума могут стать отравленными, и каждая научная идея, каждое открытие внутреннего ratio мира могут стать оружием иррациональных сил. Подобные мысли мучили Эйнштейна постоянно.

Он знал: «Освобождение атомной энергии не создает новой проблемы, но делает более настоятельным разрешение старой проблемы». А именно – в возможности агрессивного и разрушительного применения научных открытий. И нередко говорил о том, что открытие цепных атомных реакций так же мало грозит человечеству уничтожением, как изобретение спичек. Поэтому необходимо сделать все для устранения возможности злоупотребления этим средством.

Двести тысяч человек погибло при бомбардировке Хиросимы и Нагасаки. Двести тысяч... Да тех, кто отдал приказ о бомбардировке, надо судить, как нацистов. И его самого в том числе. Ради чего, спрашивается, уничтожать тысячи людей? Для того, чтобы продемонстрировать Сталину, кто в мире хозяин?! Боже.

Весной 1946 года Эйнштейн встретился с приехавшим в Америку известным советским писателем и публицистом Ильей Эренбургом. «Эйнштейну, когда я его увидел, – вспоминал Илья Григорьевич, – было за шестьдесят лет; очень длинные седые волосы старили его, придавали ему что-то от музыканта прошлого века или от отшельника. Был он без пиджака, в свитере, и вечная ручка была засунута за высокий воротник, прямо под подбородком. Записную книжку он вынимал из брючного кармана. Черты лица были острыми, резко обрисованными, а глаза изумительно молодыми, то печальными, то внимательными, сосредоточенными, и вдруг они начинали смеяться задорно, скажу, не страшась слова, по-мальчишески. В первую минуту он показался мне глубоким стариком, но стоило ему заговорить, быстро спуститься в сад, стоило его глазам весело поиздеваться, как это первое впечатление исчезло. Он был молод той молодостью, которую не могут погасить годы, он сам ее выразил брошенной мимоходом фразой: «Живу и недоумеваю,

все время хочу понять...»

А проницательного физика в своем российском собеседнике волновало то, о чем он позже сообщит Маргарите: «Конечно, такому человеку противостояние со многими могучими официальными инстанциями не доставляет радости. Он будет счастлив, когда это все закончится».

Они много говорили о трагических последствиях создания атомной бомбы. По мнению Эренбурга, Эйнштейну казалось особенно страшным то, что многих американцев разрушение Хиросимы и Нагасаки не встревожило. Такая потеря памяти казалась ученому величайшей угрозой для цивилизации. Он рассказал своему московскому гостю притчу: «В Центральной Африке существовало небольшое племя... Люди этого племени давали детям имена Гора, Пальма, Заря, Ястреб. Когда человек умирал, его имя становилось запретным (табу), и приходилось подыскивать новые слова для горы или ястреба. Понятно, что у этого племени не было ни истории, ни традиций, ни легенд, следовательно, оно не могло развиваться – чуть ли не каждый год приходилось начинать все сначала. Многие американцы напоминают людей этого племени... Я прочитал в журнале «Ньюйоркер» потрясающий репортаж о Хиросиме. Я заказал по телефону сто экземпляров журнала и раздал мои студентам. Один потом, поблагодарив меня, в восторге сказал: «Бомба чудесная!..» Конечно, есть и другие. Но все это очень тяжело...»

Эйнштейн совершенно ясно понимал, что новому руководителю США Гарри Трумэну ядерное оружие служит инструментом устрашения, предрекая: «Если третья мировая война будет вестись атомными бомбами, то четвертая – камнями и палками».

Имя, авторитет и популярность Эйнштейна безжалостно эксплуатировали. Его бесконечно втягивают в какие-то интриги, зазывают на публичные мероприятия, рауты, используют в рекламных целях. Иной раз он сам легкомысленно ввязывается в какие-то общественные акции. В 1946 году принялся активно помогать темнокожему актеру и певцу Полю Робсону в организации митинга-демонстрации против линчевания негров. Потом на заседании англо-американского комитета по положению в Палестине Альберт Эйнштейн отстаивал необходимость создания еврейского государства Израиль.

Успел достойно, любезно по тону, но твердо по смыслу ответить на предложение одного из старейших и наиболее уважаемых немецких физиков, Арнольда Зоммерфельда из Мюнхена, «зарыть топор войны» и вернуться в Баварскую академию наук: «После того как немцы уничтожили в Европе

моих еврейских братьев, я не хочу иметь с ними никаких дел, даже если речь идет об относительно безобидной академии».

А потом вынужден извиняться перед Маргаритой: «Ответ задержал, потому что люди и моя работа не дают покоя. Я ограничиваюсь только самым необходимым, но все равно никогда не успеваю...» При этом проявляет трогательное внимание к малейшим новостям из Москвы: «Удивительно, что вы можете рассчитывать на получение уже в июле по-новому оборудованной мастерской. Я очень рад, что он нашел своего сына живым и что у него даже есть внук... Думаю, что майский праздник был великолепен. Однако ты знаешь, что я с беспокойством отношусь к чрезмерному проявлению патриотических чувств. Я делаю все, что могу, чтобы убедить людей в необходимости мыслить космополитично, благоразумно и справедливо. Только три дня назад я обратился (по телефону) в этом смысле к собранию студентов в Чикаго. Это очень тяжелая работа. Скептик с тонким вкусом сказал однажды о споре между чувством и разумом: более умный уступает. Это – конечно, разум. Я могу только надеяться на то, что в великом деле борьбы за мир не будут руководствоваться этим правилом.

...Гнездышко выглядит одиноким, но верным другом, который принимает уставших от повседневной работы... Я вообще забросил свои волосы и бренное тело. Все, что ты сказала о воде в обеих странах, может соответствовать истине. Многие считают, что физические явления непонятны. К этому относится стремительная и полная волнений жизнь. В любом случае очень интересно то, что ты написала об осветлении своих волос. Я очень порадовался этому...

Желаю тебе всего хорошего. С приветом и поцелуем.

Твой А.Э.»

МОСКВА, Кремль. 25 января 1946

Сталин стоял у окна своего кабинета, всматриваясь в кремлевские окрестности. За время, минувшее после войны, все здесь обрело прежний мирный вид.

В 20.15 в кабинет заглянул Поскребышев и негромко доложил:

– Все участники совещания собрались, товарищ Сталин.

– Пусть заходят.

Первым вошел, естественно, Берия, не пропустив вперед даже Молотова и Маленкова. Лаврентий Павлович чувствовал, что на сегодняшнем совещании именно он – главное действующее лицо. Далее появились Вознесенский, Микоян, Жданов, президент Академии наук Вавилов. Последним в кабинет зашел красавец лет сорока, с бородой лопатой и блестящими глазами – Игорь Васильевич Курчатов. Именно ему (после отставки строптивого Капицы) было решено поручить научное руководство советским атомным проектом.

Когда все расселись за столом, Сталин, как обычно, принялся мерить шагами свой кабинет. Никого не перебивал. Потом, вернувшись к столу, внимательно осмотрел каждого и потребовал особо запомнить всем: мы обещаем максимально широкую поддержку в работах над атомным проектом. Но:

– Их необходимо вести широко, с настоящим русским размахом. Не стоит заниматься мелкими проблемами.

Потом вновь прошелся до книжного шкафа и обратно. Посмотрел на Игоря Курчатова, потом перевел взгляд на председателя Госплана Вознесенского:

– Наши ученые – люди очень скромные. И они никогда не замечают, что жить плохо – это уже плохо. Надо подумать, товарищ Вознесенский, как облегчить материально-бытовое положение наших ученых. Подумать о премиях за большие дела. Например, за решение этой нашей проблемы. Хотя наше государство сильно пострадало, но всегда можно обеспечить, чтобы человек жил на славу, имел свои дачи, чтобы человек мог отдохнуть, чтобы была машина.

– Так точно, товарищ Сталин, – неожиданно по-военному откликнулся Вознесенский.

«Какого человека Он имеет в виду?» – хмыкнул про себя Курчатов и покосился по сторонам. Ему все было любопытно: все-таки он впервые был в кабинете самого генералиссимуса. Изразцовые печи, прекрасный портреты Ленина, полководцев.

Присев за стол, Сталин обратился к Курчатову:

– Думаю так, что нам надо всемерно использовать Германию, где есть и люди, и оборудование, и опыт, и заводы. Подтянуть немецких ученых и специалистов, которые нам помогли. – Он сделал паузу и внимательно взглянул на напряженного ученого. – Товарищ Курчатов, я хотел бы знать ваше мнение о работе коллег, что еще нужно сделать для ускорения работ, кого из ученых нужно к ним привлечь дополнительно. Что вы думаете о товарищах Иоффе, Алиханове, Капице? На кого они работают, на что направлена их деятельность? На благо Родины или нет? Как вы считаете, товарищ Курчатов?..

Не услышав скорого и внятного ответа, генералиссимус после паузы уже с раздражением задал следующий вопрос:

– Почему вы, Игорь Васильевич, ничего не требуете для максимального ускорения завершения работ?

– Так ведь мы все понимаем: страна в разрухе, столько людей погибло. Страна сидит на голодном пайке. Всего не хватает.

Сталин прервал его:

– Дитя не плачет – мать не разумеет, что ему нужно. Просите все, что нужно. Отказа не будет. Будем считать, что необходимо предоставить товарищу Курчатову и его группе неограниченные кредиты. Но будем его строго контролировать.

...Когда совещание закончилось и его участники стали покидать кабинет, Сталин остановил Берию:

– Лаврентий Павлович, останься.

Вот такие минуты Берия особенно любил. Доверительные беседы наедине, когда ни одна живая душа не смела даже позволить себе гадать, чьи именно судьбы в данный момент решаются в кабинете товарища Сталина. Первого секретаря ЦК партии союзной республики, какого-нибудь наркома, маршала или целого народа.

– Докладывай, Лаврентий, по своему «атомному бюро».

– Товарищ Сталин, в современных условиях, даже при всей секретности поисковой работы, разработки рудников, полностью скрыть нашу активность в этом направлении практически невозможно. Кроме того, есть у нас и враги, и дураки. Короче говоря, американцам уже известно об открытии нами урановых месторождений и продолжении разведки новых. Но они полагают, что на освоение рудников уйдет не менее десятилетия.

– За сколько справишься ты?

– За три года. Максимум – за три с половиной.

– Головой отвечаешь, Лаврентий.

– Я понимаю, товарищ Сталин.

– Знаешь, Лаврентий, есть такая истина: из двух дураков-генералов один обязательно выиграет сражение, и его назовут

великим полководцем.

Берия кивнул, но промолчал, не зная, как верно реагировать: что это, шутка, намек или прямой упрек? А Сталин между тем, прохаживаясь за его спиной, задал и вовсе неожиданный вопрос:

– А информация из Америки у тебя от кого, от того самого Зарубина?

Лаврентий Павлович чертыхнулся про себя: «Вот же память!»

– Никак нет, товарищ Сталин. Зарубина нам пришлось отозвать из Америки еще в 1944-м. Там сейчас новый резидент. Если позволите, я напомню эту неприятную историю. Один идиот из вашингтонской резидентуры написал на Ваше имя письмо. Информировал, что, по его данным, Зарубин сотрудничает с американскими спецслужбами. Пришлось полгода проверять. Ничего не подтвердилось, Зарубин оказался чист, как младенец. Проверили заодно и Миронова, который писал то письмо. Было проведено следствие. Выяснилось, что в Штатах Миронов постоянно следил за встречами резидента Зарубина с его агентами и осведомителями, считая их сотрудниками ЦРУ. За клевету Миронова отдали под суд. Но, по заключению судебно-медицинской экспертизы, оказалось, что он страдает типичной шизофренией. А Василий Михайлович Зарубин сегодня работает в центральном аппарате заместителем начальника внешней разведки.

– Справляется?

– Так точно.

– Хорошо. Кстати, а как поживает наш друг Альберт Эйнштейн?

– Да как, стареет. Чудит. Но с женой Коненкова по-прежнему поддерживает переписку. Мы контролируем. Ничего особенного. Сопли-вопли, слюнявые поцелуйчики. В общем, пестики-тычинки...

– Ну что ж, будем завидовать этому престарелому скрипачу... Романтик, твою мать...

В своих предположениях относительно десятка лет для реализации русского атомного проекта американские аналитики действительно просчитались. Они не могли даже представить, что для ускорения работ наши геологи будут работать без защитных костюмов, сковывающих движения, а добыча урановой руды на Колыме, в Казахстане, Средней Азии будет производиться зэками ГУЛАГа без применения специальных механизмов. Так было проще и вернее. Что там дозы какой-то радиации, кто ее видел?.. Официально они добывали «спецруду», в документах вместо слова «уран» значилось «свинец». Согласно приказу НКВД от 6 января 1945 года предписывалось: «Обеспечить выделение

рабсилы в полном соответствии с заявками, направляя контингент, исключительно годный к тяжелому физическому труду».

Подчинив Спецкомитету, то бишь себе, главные управления лагерей промышленного строительства и горно-металлургических предприятий, а также военно-строительные части МВД, Берия мобилизовал около 700 тысяч человек. В «Манхэттенском проекте» участвовало примерно 125 тысяч ученых, специалистов и рабочих.

ПРИНСТОН, весна 1946

Вспоминая свою любимейшую Маргариту, Эйнштейн в последнее время частенько засиживался на своем полукруглом диване, укрытый пледом-альмариком, с трубкой во рту, а по ночам делал заметки прекрасным карандашом, подаренным Маргаритой. И никаких женщин, кроме разве что Элен Дюкас, заверял он свою далекую московскую возлюбленную.

Хотя тут, скажем прямо, чуть-чуть лукавил. После отъезда Маргариты постоянной гостьей дома в Принстоне стала восхитительная Джоанна Фантова, которой было совершенно наплевать на то, что Альберт был старше ее на 22 года и что его некогда пышные волосы стремительно выпадали, и что все реже и реже он был способен ласкать ее. Просто женщины любят умных мужчин, а уж гениальных – тем более...

Джоанна вместе с многоопытной Элен Дюкас мужественно держали оборону, ни на фут не подпуская к своему усталому, любимому мужчине назойливых посетителей: «Профессор нездоров...», «Профессор занят...», «Профессор проводит эксперименты...», У профессора коллеги...»

Он сам знал, с кем ему хочется общаться, а с кем нет.

Джоанна это вскоре поняла и исчезла сама, когда прочла еще не отправленное в Москву письмо Эйнштейна:

«Любимейшая Маргарита!

Я долго размышлял над тем, как я смогу решить эту проблему: ты не получаешь моих писем, я не получаю твои или мы оба ничего не получаем. Но, несмотря на то, что люди говорят о моем остром научном уме, я совершенно не в состоянии решить эту задачу. Это письмо я пишу на тот случай, если моя гипотеза найдет подтверждение. В настоящее время я читаю научный труд о магии и предрассудках всех народов во все времена. Эта книга убедила меня в том, что на месте черта сидит кто-то, кто позволяет исчезать твоим и моим письмам. Это, возможно, дойдет. Надеюсь, что ты нашла все в нормальном состоянии на твоей любимой огрубевшей старой родине. У нас все по-старому, если никто не болеет (меня вновь довольно сильно мучил желчный пузырь, но сейчас снова все в порядке). Жизнь спокойно идет дальше, и я добиваюсь в своей работе больших успехов.

Госпожа Лоу, которую ты в Принстоне считала единственным образцом женщины, нанесла нам прощальный визит. Она с мужем уезжает в Англию. Другие существа женского пола вокруг меня не появляются, о чем я не очень жалею.

Благодаря моим выпадам в адрес немыслимой политики

количество корреспонденции в мой адрес резко увеличилось. Эта политика пачкает чистых, а запачканных делает опасными...

Устройство для чистки трубок я использую экономно, так что его должно хватить до моей смерти... Господин Михайлов еще не был у меня. Надеюсь, что на меня не наложили табу (никогда об этом не узнаешь).

С наилучшими пожеланиями. Целую. Если получишь это письмо, пошли к черту тех, кто пытался его скрыть. Твой А.Э.».

МОСКВА, 1946

По возвращении на родину Коненков, словно наверстывая упущенное, принялся много ездить по стране. Побывал в родных местах, на Смоленщине, потом наведался в Карелию, побродил по Михайловскому, Ясной Поляне. Он занимал себя работой, был весь в трудах, изваял памятники Пушкину, Льву Толстому, Сурикову, Неждановой. Ростовчане – вот молодцы! – таки установили его монумент Стеньке Разину... Сергей Тимофеевич был всеяден, с удовольствием работал с любым материалом – будь то бронза, мрамор, гипс, дерево или терракота... Ему льстило, что знатоки называли его искусство живым мостом от великих мастеров эпохи Возрождения до наших дней.

К патриарху тянулись молодые скульпторы и художники. Он давал им не только профессиональные, но и духовные уроки. В мастерской Коненкова частенько бывали будущие российские знаменитости Эрнст Неизвестный, Вячеслав Клыков, Зураб Церетели... Неизвестный считал, что Коненков наряду с Врубелем – наиболее мужское, брутальное проявление авангарда Серебряного века искусства России.

Скульптору Юрию Чернову иногда казалось, что Коненков воспринимал самого себя едва ли не божеством. И имел к тому основания. Чернов говорил, что Коненков был прекрасен. Как святой, пророк, евангелист, который говорит нам: я создал карту мира и прогресса. Сам себя он видел так: скульптор Сергей Коненков стоит на высокой горе, а весь мир вращается вокруг него. Возможно, ему казалось, что он никогда не умрет. Молодежь подкупали чудачества старого мастера. Он принимал посетителей, сидя в кресле, рядом с «арфой мира». Это была сложная деревянная конструкция с металлическими струнами и круглыми барабанами. В нужный момент он командовал: «Коля, давай», и подручный Коля начинал крутить эти барабаны, раздавался какой-то космический звук, а сам мастер мощным (даже в преклонном возрасте) голосом начинал песнопение: «Приди, Пророк, приди, Пророк!..» У слушателей мороз шел по коже. А Коненков стоял в центре этой композиции с развевающейся седой бородой и горящими глазами...

* * *

Прочитав очередное письмо из безумно далекой теперь Америки, Маргарита Ивановна решила не тянуть с ответом и

отправилась на Центральный телеграф, благо он был рядом, тут же, на Горького. В операционном зале она присела у длинного стола, взяла бланк и, царапая тупым пером бумагу, быстро сочинила нежно-благодарственную телеграмму своему «Аль». Подала текст в окошко, телеграфистка нахмурилась, увидев необычный адрес: «Принстон, штат Нью-Джерси, США...», и подозрительно, с сомнением посмотрела на Коненкову. А Маргарита, впомнив совет Эйнштейна, мысленно послала к черту всех, кто попытается мешать их переписке, и все прошло более-менее благополучно, без лишних объяснений...

Потом, уже дома, долго сочиняла пространное послание Альбертлю с описанием своих душевных переживаний, милых житейских деталей.

ПРИНСТОН, март 1946

Как правило, до института Эйнштейн добирался пешком. Полчаса ходу, сущая ерунда. Прогулки доставляли ему такое удовольствие. Выходя из дома, он сворачивал на тенистую аллею, которая лежала между рощами и лугами. Поляны перемежались зарослями орешника, платанов, кленов и лип. Здесь было много и фруктовых деревьев, особенно яблонь. И осенью, идя привычной дорогой, он собирал в траве опавшие краснощекие яблочки, которыми потом угощал институтских коллег. Парочку обязательно припрятывал в карманы – для двух единственных оставшихся рядом с ним женщин – Элен и Маргот (увы, не той, заокеанской дамы сердца, а своей падчерицы).

В Принстоне фигура Эйнштейна, бредущего от его дома к институту и обратно, была настолько привычной и легкоузнаваемой, что местные жители принимали ее чуть ли не как обязательную часть пейзажа. Но тем не менее всякий раз принстонцы смотрели на него с обожанием, жадными, любопытными глазами, как на небожителя, спустившегося к ним. Ему нравилась песенка, которую распевали студенты:

Кто в математике силен
И в интегралы кто влюблен,
Кто воду пьет, а не рейнвейн,
Для тех пример – наш Аль Эйнштейн!

Справившись со своими формальными делами, Эйнштейн решил не задерживаться в институте и вернулся домой, на Мерсер-стрит.

В своем кабинете на втором этаже он чувствовал себя уютно и безопасно, как в надежной скорлупе. С облегчением опустившись в кресло у рабочего стола, Эйнштейн взял несколько листов бумаги, ручку и, по привычке держа бумагу на колене, принялся сочинять давно просроченные ответы на письма знакомых, мало знакомых и совершенно посторонних людей. Закончив очередное послание, он опускал листок просто на пол, рядом с креслом. Потом, все потом...

Вот же странное письмо от 19-летнего парня, студента Рутгерского университета. Парень, конечно, маялся вечными вопросами: «Моя проблема состоит вот в чем: какова цель жизни человека на Земле?.. Серьезно, сэр, я даже не знаю, зачем хожу в колледж изучать инженерное дело... Не нужно недомолвок. Если

вам кажется, что я свихнулся, скажите прямо».

«Ну что ему ответить? Что посоветуете, друзья? – Эйнштейн обвел глазами портреты, украшающие стены кабинета: Ганди, Фарадея, Максвелла... – Храните молчание? Спасибо. Тогда отвечу этому парню сам. Слушай меня, парень:

«На меня произвела впечатление искренность вашего стремления найти цель жизни человека и человечества. Но, по-моему, на вопрос, поставленный таким образом, невозможно дать разумный ответ. Когда мы говорим о цели какого-нибудь поступка, мы имеем в виду простой вопрос: какое желание будет удовлетворено данным поступком или его последствиями или какие нежелательные последствия будут предотвращены? Разумеется, мы можем осмысленно говорить о цели поступка с точки зрения общества, к которому принадлежит индивидуум...»

Он поймал себя на мысли, что повторяет в своих наставлениях Тагора. Усмехнулся и продолжил: «Цель поступка в таких случаях имеет отношение – по крайней мере, косвенное – к исполнению желаний тех лиц, которые составляют общество...

И все же мы чувствуем разумность и важность вопроса – как прожить свою жизнь? На мой взгляд, ответ таков: удовлетворение чаяний и нужд всех людей, насколько это достижимо, и стремление к гармонии человеческих отношений. Для этого необходимо сознательное мышление и самовоспитание. Бесспорно, просвещенные греки и древние мудрецы Востока достигли в этой важнейшей области значительно больше того, что излагается в школьных и университетских программах».

Ну вот, а теперь можно пообщаться и с самой приятной собеседницей. Только надо не забыть указать на конверте не ее домашний адрес, а, как она просила, «Центральный телеграф, до востребования, Маргарите Ивановне Коненковой».

«Любимейшая Маргарита!

Я получил твое первое письмо довольно оригинальным образом. Оно пришло точно в мой день рождения. Меня особенно порадовало, что оно содержало подробное описание событий твоей жизни. И мне особенно понравилось, что эта двуликая личность раскрыла себя. Я нахожу удивительным, что ты поддерживаешь со своей старой подругой, несмотря на такую длительную разлуку, полностью гармоничные отношения. Я отослал все письма и думаю, что все пропавшие еще дойдут. А вот с отправкой этого письма возникли трудности. По-видимому, мне не удалось правильно оформить его как письмо «до востребования», и пришлось писать на временный адрес в отеле. Я рад, что там вам был оказан такой теплый прием, особенно мистеру К., для которого неподходящее окружение несет

неприятную душевную нагрузку. Я считаю, что поступал совершенно правильно, проявляя сдержанность в своих советах.

Здоровье мое оставляет желать лучшего. Я очень ослаблен многочисленными приступами и связанными с этим делами. Думаю, что это продлится недолго. Так уже было со мной в прошлом году, но проявлялось не так отчетливо. Сестра моя чувствует себя неважно, поэтому ее нельзя отпускать в поездку одну. Если все будет в порядке, летом она с моим сыном и семьей поедет в Швейцарию. Сын должен получить кафедру в Калифорнии. Яблоко от яблони недалеко падает. С тех пор, как ты перестала бывать у меня, жизнь моя течет равномерно и замкнуто. Эксидент и Хорс ни разу не были здесь. Дружба Маргот с первым, кажется, дала трещину.

На скрипке я почти не играю, а потому почти разучился играть. Однажды сыграл с Бергманом, да и то потому, что не сумел отказаться. Зато я много играю на рояле то, что приходит в голову. Курительные трубки я чищу только тогда, когда они полностью забиваются, и вообще поддерживаю относительную чистоту. Работа очень напряженная, но я чувствую, что нахожусь на верном пути, и мой страусенок (ассистент) – превосходный помощник. Прилагая массу усилий, мы преодолеваем препятствия одно за другим.

Ты мне так и не написала, нашла ли ты там что-нибудь подходящее в смысле работы. Мне это было бы очень интересно, и я считаю, что ты не можешь быть долго бесполезной. Это письмо я пишу в своей хижине в воскресенье после обеда, поглядывая на сад, где на березе появились первые листочки, а на других деревьях только набухают почки.

С сердечными пожеланиями. Целую. Твой А.Э.

Принстон 23.03.46».

МОСКВА, улица Горького, 17, октябрь 1947

Телефонный звонок заставил Маргариту Ивановну вздрогнуть: «Ну кто там еще? Как они все надоели...» Но оказалось, звонила старинная подруга (еще с 20-х годов) Анастасия Николаевна. Щебетунья, как всегда, едва поздоровавшись, тут же затараторила:

– Марго, ты читала? Как это что? Твой Алик опять отличился! Наши академики по нему так прошлись, мамочки... Ты «Новое время» читаешь? Нет? Так купи немедленно последний номер, там напечатана прекрасная статейка. Нет, слушай, никуда не ходи, я лучше сама тебе привезу, у меня есть. Жди!

Маргарита Ивановна в ожидании гостьи отдала распоряжение готовить кофе (Анастасия жила неподалеку), уселась в кресло и, коль позволяло время, принялась листать сборник стихов Аветика Исаакяна, который вчера этот дурно пахнущий лауреат Сталинской премии подарил ее мужу. «Моей Родине»... «Великому Сталину»... «Наша борьба»... Замечательно. Какие чудненькие строки... Ода!

Снова бушует кровавый поток войны,
Железные кони со ржаньем взметают прах,
Но пред волей народа все бури смириться должны,
И грядущее мира в надежных руках.
Ненарушимы счастливой страны рубежи,
От победы к победе ты Родину нашу ведешь.
Да будет, как солнце, светла и долга твоя жизнь,
Народа великого мудрый, великий вождь!

Прелестно. А рифмы-то какие милые: «Прах» – «в руках»! Какой, кстати, «прах» имел в виду этот осатаневший, похотливый козел, когда, надравшись вчера коньяком, пытался тискать ее в коридоре?..

Анастасия не заставила себя долго ждать. Впорхнув (если это позволительно сказать при ее формах) в квартиру, она выложила перед Маргаритой свежий выпуск «Нового времени»:

– Ну вот, наслаждайся!

Маргарите понравился заголовок «О некоторых заблуждениях профессора Альберта Эйнштейна».

Анастасия не удержалась от комментариев:

– Живи он в Союзе, после такой статейки не миновать бы ему Сибири, как считаешь?

Маргарита читала: «Знаменитый физик Альберт Эйнштейн известен не только своими замечательными научными открытиями. В последние годы маститый ученый уделяет также много внимания общественно-политическим вопросам. Он выступает с обращениями по радио и в печати, возглавляет ряд общественных организаций. Он неоднократно поднимал голос против гитлеровских варваров, а в последнее время – против опасности новой войны, в защиту прочного мира, против стремления милитаристов полностью подчинить себе американскую науку... Однако в ряде последних выступлений Эйнштейна имеются стороны, которые представляются нам не только неправильными, но и опасными и вредными для того дела мира, за которое хочет бороться Эйнштейн. Мы считаем своим долгом открыто сказать об этом для того, чтобы внести полную ясность в важнейший вопрос о методах успешной борьбы за мир. Именно с этой точки зрения следует подойти к тому лозунгу «всемирного правительства», который в последнее время отстаивает профессор Эйнштейн...»

Слава богу, «товарищем Эйнштейном» еще не назвали. А то бы уж точно – в Сибирь.

«В пестрой компании сторонников этого лозунга наряду с открытыми империалистами, пытающимися прикрыть им свои планы безудержной экспансии, имеется немало представителей интеллигенции капиталистических стран, увлеченных кажущейся простотой идеи и не отдающих себе отчета в ее реальных последствиях...

Сторонники «всемирного правительства» широко используют мнимо радикальные фразы о том, что государственный суверенитет в атомный век якобы стал пережитком старины... Сторонники «мирового сверхгосударства» предлагают нам добровольно поступиться... независимостью во имя некоего «всемирного правительства», прикрывающего громко звучащей вывеской мировое господство капиталистических монополий.

...В своем открытом письме, адресованном в сентябре сего года делегациям государств – членов Организации Объединенных

Наций, Эйнштейн выдвигает новый вариант ограничения национального суверенитета. Он предлагает реорганизовать Генеральную ассамблею Организации Объединенных Наций, превратив ее в непрерывно работающий мировой парламент, обладающий более широкими полномочиями, чем Совет Безопасности, который, как заявляет Эйнштейн (повторяя в этом вопросе то, что твердят каждый день оруженосцы американской дипломатии), якобы парализован в своих действиях применением права вето. Реорганизованная по плану Эйнштейна Генеральная ассамблея должна иметь право принимать окончательные решения, отбросив принцип единогласия великих держав.

Эйнштейн предлагает, чтобы делегации в Организацию Объединенных Наций выбирались путем народного голосования, а не назначались правительствами отдельных государств...

Такова ирония судьбы, приведшая Эйнштейна к фактической поддержке планов и устремлений злейших врагов мира и международного сотрудничества. Эйнштейн зашел в этой поддержке так далеко, что он в своем послании заранее заявляет, что, мол, если Советский Союз откажется присоединиться к такой, устроенной на новых принципах организации, то другие государства будут иметь полное право вступить на этот путь без Советского Союза, предоставив ему возможность в будущем присоединиться в качестве члена организации или же в качестве «наблюдателя».

Это предложение, в сущности, мало чем отличается от заявлений откровенных глашатаев американского империализма, как бы далеко ни отстоял от них в действительности профессор Эйнштейн...

Мы считаем, что Альберт Эйнштейн стал на ложный и опасный путь, погнавшись за миражом «всемирного государства» в мире, где существуют разные общественно-политические и экономические системы. Этот факт вовсе не мешает экономическому и политическому сотрудничеству между государствами различной социальной и экономической структуры при трезвом учете этих различий. Но Эйнштейн обратился к политическому прожектерству, которое играет на руку злейшим врагам международного сотрудничества и прочного мира. Путь, на который Эйнштейн призывает вступить делегации государств – членов Организации Объединенных Наций, ведет не к укреплению международной безопасности, а в тупик новых международных отношений. Подобный путь выгоден лишь тем кругам, которым эти осложнения сулят новые военные заказы и новые прибыли.

Именно потому, что мы так высоко ценим Эйнштейна и как

крупнейшего ученого, и как общественного деятеля, стремящегося посильными ему средствами вести борьбу за мир, мы считаем своим долгом сказать это с полной откровенностью, без всяких дипломатических прикрас.

Академик С.И.Вавилов, академик А.Ф.Иоффе, академик Н.И.Семенов, академик А.Н.Фрумкин».

Маргарита Ивановна отложила журнал и взглянула на подругу:

– Что скажешь?

– А что я могу сказать? Тебе думать надо. И прежде всего прервать с ним всякую переписку.

– Может быть, может быть...

ПРИНСТОН, ноябрь 1947

Элен принесла перевод статьи из «Нового времени» вместе с утренней почтой. Эйнштейн читал открытое письмо и улыбался. Далекий от подковерных игр, он интуитивно понимал технологию его написания. Конечно же, и Вавилова, и Иоффе, и Семенова, и Фрумкина никто не стал утомлять сочинительством. Просто пригласили в их, как его там, Главный Агитпроп и предложили подписать готовый текст. Хотите что-нибудь поправить? Да ради бога. Нет? Тем лучше. Приглашали, естественно, по одному. Кто еще подписал? Иоффе, кажется, мог ответить чиновник. Или Фрумкин. Ну уж Вавилов, так это точно.

Через пару часов Эйнштейн позвал Дюкас и попросил перепечатать несколько страниц своего ответа в Россию.

«Четверо моих русских коллег благожелательно атаковали меня в открытом письме… Я ценю усилие, которое они предприняли, и еще больше ценю тот факт, что они выразили свою точку зрения так честно и прямо. В человеческих делах действовать разумно можно, только пытаясь понять мысли, побуждения и опасения оппонента так полно, чтобы суметь увидеть мир его глазами. Всем людям доброй воли следовало бы делать максимум возможного для улучшения такого взаимного понимания…

Главный объект вашей атаки – моя поддержка «мирового правительства».

…Нам не следует делать ошибку, возлагая на капитализм вину за все существующее социальное и политическое зло и полагая, что само лишь установление социализма могло бы вылечить все социальные и политические болезни человечества. Опасность такого мнения состоит прежде всего в том, что оно порождает фанатическую нетерпимость «правоверных», превращая один из возможных социальных методов в подобие церкви, которая клеймит всех, кто к ней не принадлежит, как предателей или гнусных злоумышленников…

Любое правительство само по себе зло, поскольку несет в себе тенденцию сползания к тирании… Что удивило меня более всего в позиции, выраженной в вашем письме, так это следующее: вы – страстные противники анархии в экономической сфере – столь же страстно защищаете анархию, например, неограниченный суверенитет, в сфере международной политики… Вы пытаетесь доказать, что Генеральная Ассамблея Объединенных Наций – это просто кукольный театр, управляемый Соединенными Штатами, и, следовательно, американскими капиталистами. Такие

аргументы производят на меня впечатление некоторого рода мифологии, они не убеждают. Однако они делают очевидной отчужденность интеллектуалов наших двух стран, которая является результатом прискорбной и искусственной взаимной изоляции...

Неужели действительно неизбежно, что из-за наших страстей и унаследованных обычаев мы обречены уничтожить один другого, так что не останется ничего заслуживающего сохранения? Не значит ли это, что все разногласия и различия в мнениях, которые мы затронули в нашем странном обмене письмами, ничтожно малы по сравнению с опасностью, угрожающей всем нам? Не должны ли мы сделать все, что в наших силах, чтобы устранить опасность, угрожающую всем народам одинаково?

Если мы твердо придерживаемся концепции и практики неограниченного суверенитета наций, это означает только, что каждая страна оставляет за собой право добиваться своих целей военными средствами. При этих обстоятельствах каждая нация должна быть подготовлена к такой возможности, а значит, должна стараться изо всех сил превосходить любую другую. Это стремление будет все более подчинять себе всю нашу общественную жизнь и будет отравлять нашу молодежь задолго до того, как сама катастрофа обрушится на нас...

Только это я имею в виду, поддерживая идею «мирового правительства»... Я защищаю «мировое правительство», ибо убежден, что нет никакого другого пути к устранению самой страшной опасности из когда-либо угрожавших человеку. Цель избежать всеобщего уничтожения должна быть для нас важнее любой другой цели. Я уверен, что вы не сомневаетесь в том, что письмо написано со всей серьезностью и честностью, на которые я способен. Верю, вы примете его в таком же духе».

Не дождавшись публикации своего ответа советским коллегам, Эйнштейн передал свое письмо в профильный американский журнал. Через год «Новое время» откликнулось анонимным комментарием, который сводился к одному: «Неуменье разглядеть империалистическое существо лозунга «всемирного правительства», скрывающего стремление к ликвидации независимости отдельных народов и государств, приводит профессора Эйнштейна к поддержке этого лозунга и вместе с тем к защите американского империализма – внешней и внутренней».

МОСКВА, Кремль, 1947

– Товарищ Сталин, Вышинский в приемной, – доложил Поскребышев.

– Пусть заходит.

Заместитель министра иностранных дел, за которым тянулся длиннющий шлейф самых громких дел 30-х годов, в кабинет Сталина не вошел, а каким-то непостижимым образом **просочился** , бочком-бочком, склонив голову, с заискивающей улыбочкой, топорщившей его рыжеватые усики. Всякий раз, глядя на Вышинского, Сталин испытывал смешанные чувства. С одной стороны, лакей, холуй, страшившийся своего меньшевистского прошлого, с другой стороны, вышколенный исполнитель Его воли. Только Его.

– Садитесь, товарищ Вышинский. Прочтите вот это, – Сталин протянул ему два листа бумаги с подколотым конвертом.

На основной текст (на английском) Андрей Януарьевич лишь покосился, а перевод прочел на всякий случай дважды:

«17 ноября 1947 г.

Уважаемый господин Сталин!

Я обращаюсь к Вам как уже старый еврей с просьбой сделать все возможное для того, чтобы найти шведа Рауля Валленберга и отправить его обратно на его родину. Валленберг был в числе очень немногих, которые в тяжелые дни нацистских преследований добровольно и рискуя своей жизнью боролись за то, чтобы спасти моих несчастных еврейских соплеменников.

С глубоким уважением

Альберт Эйнштейн».

– Что скажешь, Андрей Януарьевич?

– Так ведь, товарищ Сталин, вы же знаете, – начал мямлить Вышинский. – Там ...

– Я **знаю** . Но обращение этого «старого еврея» не должно остаться без ответа. Поручите нашему посольству связаться с Эйнштейном и сообщить ему, что нами были предприняты исчерпывающие меры по розыску этого Валленберга, но, к сожалению, они не дали позитивного результата... Больше ничего уточнять не нужно. Понятно?

– Так точно, товарищ Сталин, – склонил голову Вышинский.

А Сталин скривил губы: «Эйнштейн... Вот же неугомонный старик. Сколько ему, кстати, лет?»

– Так он ваш ровесник, товарищ Сталин, – сморозил совершеннейшую глупость Вышинский и мгновенно покрылся холодным потом.

Но Сталин воспринял очевидную бестактность с невозмутимостью сфинкса:

– Можете идти, товарищ Вышинский.

МОСКВА, Политехнический музей, декабрь 1947 – МИНСК, январь 1948

– Вениамин, отправившись на поиски Земли обетованной, спрашивает встретившегося на пути крестьянина: «Куда дорога на Эрец Исроэл?» И вот недавно с трибуны Организации Объединенных Наций товарищ Громыко дал нам ответ на этот вопрос! – Михоэлсу казалось, что он говорит в полном соответствии с курсом партии.

И в подтверждение этого раздался шквал аплодисментов. А он стоял бледный, неподвижный, потрясенной реакцией зала. Овации не прекращались минут десять. Потом, общаясь с писателями, коллегами, собравшимися на юбилей «дедушки еврейской литературы» Менделя Мойхер-Сфорима, он с воодушевлением рассказывал им о том, с каким восторгом в Америке восприняли идею товарища Сталина о создании в Крыму еврейской социалистической республики, о том, как сам Альберт Эйнштейн говорил ему о необходимости утверждения еврейского государства.

Через неделю Михоэлс был командирован в Минск, откуда он живым уже не вернулся. «Трупы Михоэлса и Голубова обнаружили в 7 часов утра рабочие, которые шли на работу, – сообщал в Москву генерал госбезопасности Белоруссии Цанава. – Погибшие были запорошены снегом... У погибших все вещи и деньги были целы...»

В Москве были организованы пышные похороны Михоэлса. Газета «Правда» опубликовала прочувственный некролог: «Советский театр понес большую утрату... Умер Соломон Михайлович Михоэлс. Смерть вырвала из наших рядов...»

Л.Ф.Цанава был награжден орденом Ленина «за заслуги перед государством». В ноябре 1948 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «поручить МГБ СССР немедля распустить «Еврейский антифашистский комитет», так как, как показывают факты, этот комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки. В соответствии с этим органы печати этого комитета закрыть, дела комитета забрать».

В пятую годовщину гибели народного артиста СССР С.Михоэлса, 13 января 1953 года, все та же главная газета Страны Советов в своей передовице сообщила:

«По показаниям арестованного Вовси, он получил директиву «об истреблении руководящих кадров в СССР» из США. Эту

директиву от имени шпионско-террористической организации «Джойнт» ему передали врач Шимелиович и известный буржуазный националист Михоэлс, долгое время носивший личину народного артиста».

ПРИНСТОН—НЬЮ-ЙОРК, 1949

Приглашая Эйнштейна к телефону, Элен напомнила: «Это мистер Пол Суизи, известный экономист. Вы встречались с ним в Нью-Йорке...» Да-да, вспомнил Эйнштейн, он действительно как-то слушал лекцию Суизи по теории монополистического капитализма. Потом они даже немного подискутировали в кулуарах.

Взяв трубку, он сразу узнал напористый голос Суизи. Тот сразу взял быка за рога:

– Мистер Эйнштейн, я знаю, что вы – сторонник социалистической идеи...

– Да, и я этого никогда и ни от кого не скрывал. Всегда говорил об этом публично.

– Вот и хорошо! Дело в том, что мы с товарищами затеяли выпуск нового журнала «Ежемесячное обозрение», и я хотел бы вам предложить выступить в первом же номере со статьей, эссе (жанр определите сами) с изложением своих взглядов. Наш журнал, как вы понимаете, будет марксистского направления. Как вы относитесь к моей идее?

– В общем-то, положительно. Одно препятствие – время. Тут я на голодном пайке...

– Я знаю о вашей занятости, мэтр. Поэтому и звоню вам сейчас. «Обозрение» готовится к выходу не ранее мая следующего года. У вас впереди почти шесть месяцев. Вас это устраивает?

– Конечно... Только учтите, я ведь не экономист и не специалист, разбирающийся в социальных вопросах.

– Ничего страшного, людей будет интересовать ваше мнение как выдающегося ученого, как мыслителя, всемирно известного общественного деятеля.

– Пока мы говорили, мистер Суизи, я уже даже название для эссе придумал – «Почему социализм?».

– Прекрасно!

...Чистый лист бумаги, на котором было начертано лишь два слова «Почему социализм?», как минимум месяц лежал на столе Эйнштейна. Все руки не доходили. Но затем, собравшись, он два вечера писал, не отрываясь.

«...Несчетные голоса утверждают, что человеческое общество находится в состоянии кризиса и потеряло стабильность. Для такой ситуации характерно, что люди испытывают безразличие или даже враждебность по отношению к большим или малым группам, к которым они принадлежат. В качестве примера позвольте привести один случай из моего личного опыта.

Недавно я обсуждал опасность новой войны, которая, на мой взгляд, была бы серьезной угрозой существованию человечества, с одним умным и благожелательным человеком. Я заметил, что только наднациональная организация могла бы стать защитой от такой опасности. На что мой собеседник спокойно и холодно сказал мне: «Почему вы так сильно настроены против исчезновения человеческой расы?»

Я уверен, что еще столетие назад никто не мог бы так легко сделать заявление подобного рода. Его сделал человек, который безуспешно пытался обрести какой-то баланс внутри себя и потерял надежду на успех. Это выражение мучительного одиночества и изоляции, от которых в наши дни страдают так много людей. В чем причина этого? Есть ли выход?

Легко задать такие вопросы, но трудно ответить на них с какой-то определенностью. Тем не менее я должен постараться ответить на них, насколько позволят мои силы, хотя и хорошо сознаю, что наши чувства и стремления часто противоречивы и неясны и что их нельзя объяснить легкими и простыми формулами.

Человек одновременно одинокое и социальное существо. Как существо одинокое он старается защитить свое существование и существование наиболее близких ему людей, удовлетворять свои желания и развить свои врожденные способности. Как социальное существо он ищет признания и любви других людей, хочет разделять их удовольствия, утешать их в горе, улучшать условия их жизни...

Для отдельного человека понятие «общество» означает сумму его прямых и косвенных отношений к своим современникам и ко всем людям прошлых поколений. Человек способен мыслить, чувствовать, желать и работать сам по себе. Но в своем физическом, умственном и эмоциональном существовании он настолько зависит от общества, что вне общества ни думать о человеке, ни понять его невозможно...»

Анализируя суть происходящего кризиса, Эйнштейн приходил к выводу, что при капитализме свою зависимость от общества человек «ощущает не как благо, не как органическую связь, не как защищающую его силу, а скорее как угрозу его естественным правам или даже его экономическому существованию... Действительным источником этого зла, по моему мнению, является экономическая анархия капиталистического общества. Мы видим перед собой огромное производительное сообщество, чьи члены все больше стремятся лишить друг друга плодов своего коллективного труда...». Перечисляя все пороки капитализма, Альберт Эйнштейн называет

самым большим злом «изувечивание личности».

Заканчивал он свои размышления так: «Я убежден, что есть только один способ избавиться от этих ужасных зол, а именно – путем создания социалистической экономики с соответствующей ей системой образования, которая была бы направлена на достижение общественных целей. В такой экономике средства производства принадлежат всему обществу и используются по плану...»

Хотя Эйнштейн исповедовал социалистические идеалы, он принципиально не доверял массовым движениям и был человеком, которого не пожелала бы иметь в своих рядах ни одна политическая организация.

Так или иначе, этот своеобразный манифест Эйнштейна, безусловно, лег в его досье, где было собрано уже немало документов, свидетельствующих об «антиамериканской деятельности» ученого. А одна из правых газет лишний раз напомнила своим читателям, что этот «принц современной науки является активным участником многочисленных подставных организаций коммунистов».

При всей своей беспечности Эйнштейн ощущал постоянное внимание к своей персоне. Иностранным дипломатам он жаловался, что его телефонные разговоры прослушиваются, а за его домом следят. Это его особенно раздражало, особенно когда в доме появлялись посторонние женщины. А секретарь Элен Дюкас ему рассказывала, что уже несколько раз замечала каких-то странных людей, которые без стеснения рылись в баке, куда она выносила мусор из дома Эйнштейна.

МОСКВА, август–сентябрь 1949

Берия прекрасно помнил слова, сказанные ему Сталиным в кремлевском кабинете, когда речь зашла о сроках завершения работ по созданию советской атомной бомбы: «Головой отвечаешь, Лаврентий».

29 августа 1949 года (через три с небольшим года после того памятного разговора) на Семипалатинском полигоне в Казахстане была успешно испытана первая советская атомная бомба РДС-1 (абсолютная копия американского «Толстяка», хотя ученые и чекисты расшифровывали аббревиатуру РДС как «Россия делает сама»).

...Сентябрьским утром, попивая традиционный кофе, Сергей Тимофеевич Коненков листал свежую «Правду».

– О, Марго! Послушай-ка, вот, кажется, и свершилось. Слушай: «23 сентября президент США Трумэн объявил, что, по данным правительства США, в одну из последних недель в СССР произошел атомный взрыв. Одновременно аналогичное заявление было сделано английским и канадским правительствами. Вслед за опубликованием этих заявлений в американской, английской и канадской печати, а также в печати других стран появились многочисленные высказывания, сеющие тревогу в широких общественных кругах.

В связи с этим ТАСС уполномочен сообщить следующее.

В Советском Союзе, как известно, ведутся строительные работы больших масштабов – строительство гидростанций, шахт, каналов, дорог, которое вызывает необходимость больших взрывных работ с применением новейших технических средств. Поскольку эти взрывные работы происходили и происходят очень часто в разных районах страны, то возможно, что эти работы могли привлечь к себе внимание за пределами Советского Союза.

Что же касается производства атомной энергии, то ТАСС считает необходимым напомнить о том, что еще 6 ноября 1946 г. министр иностранных дел СССР В.М.Молотов сделал заявление относительно секрета атомной бомбы, сказав, что «этого секрета давно уже не существует». Это заявление означало, что Советский Союз уже открыл секрет атомного оружия и он имеет в своем распоряжении это оружие. Научные круги Соединенных Штатов Америки приняли это заявление как блеф, считая, что русские могут овладеть атомным оружием не ранее 1952 г. Однако они ошиблись, так как Советский Союз овладел секретом атомного оружия еще в 1947 г.

Что касается тревоги, распространяемой по этому поводу

некоторыми иностранными кругами, то для тревоги нет никаких оснований...»

Дочитав сообщение, Коненков молодцевато рассмеялся: «Ничья! Вот так вот...»

* * *

Тем же утром товарищ Сталин, держа «Правду» перед собой, внимательно читая это сообщение ТАСС, недовольно поморщился: «По сути верно, но сделано коряво, косноязычно... Ну ладно, слово – не воробей, уже вылетело, не поймаешь... Но вот главного редактора Поспелова давно пора бы уже сменить. Может, на Суслова... Как его там? Михаил Андреевич... Сволочь он, конечно, редкая. Но служить будет верно, как пес...»

Сталин, как и Берия, хорошо помнил свои слова: «Головой отвечаешь, Лаврентий». Лаврентий с делом справился – получай награду. Звания Героя дать ему было нельзя, у него уже была Золотая Звезда. Но товарищ Сталин, как всегда, умел найти выход из любого положения: был подписан специальный указ, согласно которому в стране вводилось новое звание – Почетный гражданин Советского Союза. Пускай Лаврентий порадуется такой почести. Ни у кого такого отличия еще не было, пусть он будет первым, заслужил. А вторым Почетным гражданином, решил Сталин, будет товарищ Курчатов.

Награждая отличившихся физиков звездами Героев Социалистического Труда, генералиссимус заметил: «Если бы мы опоздали на год-полтора с атомной бомбой, то, наверное, «попробовали» бы ее на себе».

ПРИНСТОН—НЬЮ-ЙОРК, 1949 и другие годы

Эйнштейна все чаще посещало чувство одиночества и грусти. Своему другу юности Марку Соловину он писал: «Вам кажется, что я взираю на труд моей жизни со спокойным удовлетворением. Вблизи все это выглядит несколько иначе. Нет ни одного понятия, в устойчивости которого я был бы убежден. Я не уверен вообще, что нахожусь на правильном пути. Современники видят во мне еретика и одновременно реакционера, который, так сказать, пережил самого себя. Конечно, это мода и близорукость. Но неудовлетворенность поднимается и изнутри. Да иначе и не может быть, когда обладаешь критическим умом и честностью, а юмор и скромность создают равновесие вопреки внешним влияниям...»

Он долго сопротивлялся, но все-таки поддался на уговоры друзей и в 1949 году, накануне своего 70-летия, взялся за мемуары – «в назидание потомкам». Хотя, строго говоря, они походили вовсе не на биографические заметки. Скорее это была глубокая философская исповедь выдающегося человека, великого ученого.

Он писал: «Там, вовне, был этот большой мир, существующий независимо от нас, людей, и стоящий перед нами как огромная вечная загадка, доступная, однако, по крайней мере отчасти, нашему восприятию и нашему разуму. Изучение этого мира манило как освобождение, и я скоро убедился, что многие из тех, кого я научился ценить и уважать, нашли свою внутреннюю свободу и уверенность, отдавшись целиком этому занятию.

Мысленный охват в рамках доступных нам возможностей этого внеличного мира представлялся мне, наполовину сознательно, наполовину бессознательно, как высшая цель... Предубеждение этих ученых против атомной теории можно, несомненно, отнести на счет их позитивистской философской установки. Это интересный пример того, как философские предубеждения мешают правильной интерпретации фактов даже ученым со смелым мышлением и с тонкой интуицией...»

Для него было два критерия истины в физике: теория должна иметь «внешнее оправдание» и «внутреннее совершенство». То есть теория должна согласовываться с опытом – раз, а два – она должна из минимальных предпосылок раскрывать максимально глубокие закономерности универсальной и разумной гармонии законов природы.

13 февраля 1950 года нобелевский лауреат выступил в первой телепередаче вдовы президента Рузвельта Элеоноры в дискуссии об опасности гонки вооружений. Ведущая попросила своего гостя говорить максимально откровенно. Но об этом Эйнштейна можно было и не просить.

Он открыто предупреждал американцев: «Теперь народу заявляют, что создание водородной бомбы – это новая цель, которая, вероятно, будет осуществлена. Ускоренная разработка водородной бомбы была торжественно провозглашена президентом США. Если эти усилия окажутся успешными, то радиоактивное заражение атмосферы и, следовательно, уничтожение всей жизни на Земле станет технически возможным. Роковой исход, по-видимому, заключен в неумолимом характере самого явления. За каждым новым шагом неизбежно последует другой. А в конце все яснее предстает всеобщее уничтожение».

Куда там было Вячеславу Молотову с его оценками хищнической сущности американского империализма! Эйнштейн обвинял правительство США много жестче, бил наотмашь: «Создавали военные базы во всех пунктах Земли, которые могут приобрести стратегическое значение. Вооружали и усиливали потенциальных союзников. Внутри страны сосредоточилась невероятная финансовая сила, молодежь была милитаризована, производилась тщательная слежка за лояльностью граждан, особенно государственных служащих, с помощью все более внушительного полицейского аппарата. Людей с независимой политической мыслью всячески запугивали. Радио, пресса и школа обрабатывали общественное мнение».

Разумеется, после такого демарша градус недоверия к Альберту Эйнштейну в Штатах во сто крат повысился. Американцы, к счастью, не опустились до уровня германских нацистов, которые требовали: «Убить Эйнштейна!» Но тем не менее уже на следующее утро после скандального выступления ученого по телевидению директор ФБР Гувер потребовал провести полное расследование деятельности Эйнштейна и затребовал оформить всю порочащую его информацию с целью подготовки специального доклада о лишении Альберта Эйнштейна гражданства США. Правда, иммиграционный департамент это предложение отклонил. Но проверки на лояльность продолжались. Личное дело неблагонадежного Эйнштейна насчитывало 1427 страниц. В вину ему вменялось то, что он «проповедует доктрину, направленную на установление анархии».

Не выдержав преследований, Эйнштейн опубликовал открытое письмо: «Проблема, вставшая перед интеллигенцией

этой страны, весьма серьезна. Реакционные политики посеяли подозрения по отношению к интеллектуальной активности, запугав публику внешней опасностью. Преуспев в этом, они подавляют свободу преподавания, увольняют непокорных, обрекая их на голод. Что должна делать интеллигенция, столкнувшись с этим злом? По правде, я вижу только один путь – революционный путь неповиновения в духе Ганди. Каждый интеллигент, вызванный в одну из комиссий, должен отказаться от показаний и быть готовым к тюрьме и нищете. Короче, он должен жертвовать своим благополучием в интересах страны. Он должен основываться на убеждении, что для гражданина позорно подчиниться подобной инквизиции, оскверняющей дух конституции. Если достаточное число людей вступит на этот тяжелый путь, он приведет к успеху. Если нет – тогда интеллигенция этой страны не заслуживает ничего лучшего, чем рабство».

В 50-е годы газетными сенсациями стали призывы великого ученого помиловать супругов Розенберг, осужденных к смертной казни за атомный шпионаж, и его жаркий призыв ко всем американцам не давать показания следственной комиссии сенатора Маккартни.

Провозглашенная им «охота на ведьм» радовала Эйнштейна тем, что он оказался в замечательной компании – композитор Леонард Бернстайн, кинорежиссер Стэнли Крамер, драматург Артур Миллер, певец Пит Сигер, кинозвезды Чарли Чаплин, Орсон Уэллс…

* * *

В 1952 году премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион после смерти первого президента молодого еврейского государства Хаима Вейцмана предложил Эйнштейну баллотироваться на пост президента его страны. Однако великий физик, проявив максимум дипломатичности и деликатности, от столь лестного предложения отказался, ссылаясь на свою удаленность от практической жизни, непрактичность и общую рассеянность. Хотя свой отказ сам считал почти предательством. Тем не менее портрет Альберта Эйнштейна как выдающегося еврея украсил денежные банкноты Израиля.

К концу жизни Эйнштейн изменил свои взгляды на религию и богоизбранность евреев. В письме философу Эрику Гуткинду он неспроста написал: «Для меня иудаизм, как все другие религии, является воплощением самых детских предрассудков… А

еврейский народ, к которому я счастлив принадлежать и с менталитетом которого я ощущаю глубокое родство, не обладает для меня качествами, отличающими его от всех прочих народов... Насколько я могу судить по своему опыту, они ничем не лучше любой другой группы людей, хотя от самых худших язв общества их хранит недостаток у них власти. В остальном я не вижу в них ничего «избранного»...»

Примерно за год до смерти он говорил о «космическом религиозном чувстве», о том, что хотел бы «ощутить Вселенную как единый космический организм». Но при этом он с удовольствием цитировал посвященное ему стихотворение:

Был этот мир великой тьмой окутан.
– Да будет свет! – и вот явился Ньютон.
Но сатана недолго ждал реванша:
Пришел Эйнштейн, и стало все как раньше.

ПРИНСТОН, апрель 1955

На склоне лет Альберт Эйнштейн оценивал свои жизненные достижения с тем самым «спокойным удовлетворением». Он знал, что ему удалось суметь вышибить из-под человека твердь мироздания и он заставил его ощутить себя в беспредельном, искривленном конгломерате сил, пространств, времен, движений. Десятки лет ученый бился, чтобы связать геометрию, оптику, механику, тяготение, электромагнитные силы, атомную физику, создать единую теорию поля, чтобы отыскать один золотой ключик, который отпирал бы замки всех тайников природы. Но не успевал.

В начале апреля 1955 года он получил письмо от своего старинного друга, славного доброго Бертрана Рассела. Молодец старина, по-прежнему бодр, полон энтузиазма. Рассел напоминал Эйнштейну об их прежней идее, которую обсуждали еще в Принстоне и на Саранак-Лейк. А именно – объединения ученых в борьбе против ядерного оружия. Но для этого сначала нужно выступить с манифестом, но не представителей того или иного народа, континента или вероучения, а просто известных всему миру людей, представителей человеческого рода, которому грозит уничтожение. Рассел брался составить текст такого обращения и спрашивал совета, кого бы из маститых, уважаемых ученых привлечь к этому движению.

Эйнштейн еще раз перечитал письмо. Конечно, идея здравая. Рассел прав: все мы пристрастны в своих чувствах. Однако, как люди, мы должны помнить о том, что разногласия между Востоком и Западом должны решаться только таким образом, чтобы дать возможное удовлетворение всем: коммунистам и антикоммунистам, азиатам, европейцам или американцам, белым и черным. Эти разногласия не должны решаться силой оружия. Это должны понять как на Западе, так и на Востоке.

Сейчас же нужно ответить Бертрану. Эйнштейн неловко повернулся в кресле и едва не застонал от боли. Что за черт, отчего же такая тяжесть в животе?.. Когда боль стихла, забившись куда-то в глубину, Эйнштейн позвал Элен и попросил принести кофе. А сам принялся сочинять ответ, полный безоговорочной поддержки плана Рассела. Но заметил при этом, что сам он, к большому сожалению, не сможет в данный момент оказать какую-либо реальную помощь, поскольку хворает, но подпись свою с удовольствием поставит. Подумав, он написал несколько имен ученых, но, что-то вспомнив об одном из них, вычеркнул. Потом Эйнштейн отдал письмо секретарю и велел поскорее отправить.

Буквально через неделю, разбирая почту, Элен Дюкас обнаружила очередное послание Бертрана Рассела и тут же отнесла его патрону. Пробежав текст, Эйнштейн поправил одно-два слова и подписал манифест.

* * *

...16 апреля после обеда Эйнштейн, как обычно, отдыхал у себя в комнате. Верная Элен Дюкас, находившаяся в соседнем кабинете, внезапно услышала шум падающего тела. Она вбежала и обнаружила Эйнштейна лежащим на полу ванной комнаты. Буквально за несколько дней до этого она заметила, как лицо Эйнштейна исказила гримаса нестерпимой боли, и встревоженно спросила: «Все ли в порядке?» Через силу он ей ответил в своей обычной манере: «Всё – в порядке. Я – нет».

Прибывшие врачи никак не могли уговорить Эйнштейна отправиться в больницу. Он категорически возражал. Морфий снял боли, и Эйнштейн уснул. Элен пристроилась на диванчике в кабинете хозяина, который располагался дверь в дверь с его спальней, и всю ночь подавала больному кубики льда и минеральную воду, чтобы не допустить обезвоживания организма.

На следующий день врачи продолжали настаивать на немедленной госпитализации. Эйнштейн по-прежнему сопротивлялся. Решающим аргументом доктора Дина стал упрек:

– Если вы откажетесь, вы станете тяжким бременем для миссис Дюкас. Не жалеете себя, пожалейте хотя бы ее.

В городской больнице, куда доставили больного, диагностировали разрыв аневризмы брюшной аорты. Больному сделали внутривенные уколы и напичкали обезболивающими таблетками. Эйнштейн отказался от операции, сказав, что не верит в искусственное продление жизни, и попросил телефон. Первый звонок он сделал Элен, попросив срочно привезти первый, черновой вариант текста своего телевизионного выступления, а также экземпляр еженедельника Стоуна и свои последние заметки по единой теории поля.

Эйнштейн все еще возился со своими уравнениями, когда явился его старинный приятель Отто Катан. Эйнштейн, приложив руку к груди, радостно сказал другу, что теперь чувствует: успех его теории единого поля близок, осталось чуть-чуть... Но мечта о том, чтобы все сущее описать одним уравнением, преследовавшая его всю жизнь, так и осталась мечтой.

Навестив его в больнице, падчерица Марго нашла отчима в

бодром расположении духа: «Он говорил с глубоким спокойствием, о врачах даже с легким юмором и ждал своей кончины, как предстоящего «явления природы». Насколько бесстрашным он был при жизни, насколько тихим и умиротворенным он встретил смерть.

Без всякой сентиментальности и без сожалений он покинул этот мир».

В четверть второго ночи 18 апреля дежурная медсестра заметила на мониторе, что у Эйнштейна затруднения с дыханием. Пошла проверить, подняла обездвиженному больному голову. Он по-прежнему очень тяжело дышал. Испугавшись, сестра кинулась к двери, чтобы позвать врача, но не успела. В своем бредовом медикаментозном сне Альберт Эйнштейн пробормотал несколько слов по-немецки, которые медсестра не разобрала, сделал два глубоких вдоха – и умер…

Подводя жизненные итоги, он был чрезмерно строг к себе, говоря, что ни в чем не удался. Не состоялся как муж, ни одну женщину не сделал счастливой, не состоялся как отец и не состоялся, в общем, как ученый. Сжигая незадолго перед смертью свой архив, сказал близким, что без его открытий человечеству будет легче жить.

Вероятнее всего, он имел в виду свои идеи об отсутствии пустоты, об отрицательной энергии. Хотя это предположение тоже относилось к теории относительности. Или к теории невероятности…

В то воскресенье на столике у его больничной койки лежала неоконченная рукопись. В ней были новые уравнения, приводящие к единой теории поля. Рядом были наброски к докладу, который он собирался сделать по случаю седьмой годовщины образования Государства Израиль. В нем содержалось признание: «Все, к чему я стремился, – это своими слабыми силами служить правде и справедливости, даже рискуя при этом никому не понравиться».

Он надеялся, что завтра боли хоть немного стихнут и он сможет еще поработать.

Эйнштейн не хотел, чтобы поклонялись его костям, поэтому оставил указание о кремации. Прах Эйнштейна был развеян над рекой Делавэр, а его мозг, считавший границу между прошлым, настоящим и будущим «упрямой иллюзией», растворился в реке времени. Не зря он не раз повторял, что в конце концов умереть тоже неплохо.

* * *

Буквально перед посадкой в самолет Рим–Париж Бертрану Расселу сообщили о смерти Альберта Эйнштейна. «Я чувствовал себя разбитым, – вспоминал он, – не только по понятным всем причинам, но еще и потому, что понимал: без его поддержки мой план обречен на провал… Но по приезде в Париж я получил его письмо с согласием поставить свою подпись. Это было одним из последних деяний его общественной жизни».

Одно из последних… Даже мертвый Эйнштейн еще служил миру и науке.

Патологоанатом Томас Харви с согласия родственников сохранил мозг Эйнштейна в формалине, а офтальмолог Генри Абрамс не удержался от искушения законсервировать глаза ученого. Часть срезов мозга была роздана специалистам. Дотошные исследователи выяснили, что мозг Эйнштейна находился в пределах обычной нормы. Однако латеральная извилина, отделяющая теменную область от остального мозга, отсутствовала. Возможно, именно поэтому эта доля мозга оказалась шире, чем у обычных людей. В медицине принято считать, что именно она отвечает за пространственные ощущения и аналитическое мышление. Ведь сам Альберт Эйнштейн не раз говорил, что мыслит скорее образами, нежели понятиями…

9 июля 1955 года в прессе было опубликовано обращение одиннадцати ученых, которое вошло в историю как «Манифест Рассела–Эйнштейна». Его подписали Макс Борн, Фредерик Жолио-Кюри, Перси Бриджмен и другие. Своим гражданским долгом они считали напомнить и предостеречь землян: «Перед нами лежит путь непрерывного прогресса, счастья, знания и мудрости. Изберем ли мы вместо этого смерть только потому, что не можем забыть наших ссор? Мы обращаемся как люди к людям: помните о том, что вы принадлежите к роду человеческому, и забудьте обо всем остальном. Если вы сможете сделать это, то перед вами открыт путь в новый рай; если вы это не сделаете, то перед вами опасность всеобщей гибели».

Но многие выдающиеся мыслители, в том числе великий датский физик Нильс Бор, сочли эту затею очередным чудачеством Эйнштейна, даже не ответили на предложение Рассела поставить свою подпись под «Манифестом»…

МОСКВА, 1957 и другие годы

– Лидочка, зайдите, пожалуйста, – добавив бархата голосу, проворковал Михайлов.

– Слушаю, Николай Александрович, – застыла на пороге скромница-секретарша.

– Вы, пожалуйста, – министр культуры протянул девушке листы бумаги, – отпечатайте это в двух экземплярах. Это записка в ЦК, – сказал он с нажимом. – Понимаете...

Старательная Лидочка, отлично разбирая безобразный почерк министра, лихо барабанила по клавишам печатной машинки:

«...В последние годы среди советских художников, особенно среди художников Москвы и Ленинграда, где сосредоточена половина всего состава деятелей советского изобразительного искусства, получили широкое распространение отсталые, ошибочные взгляды, нездоровые настроения. На художественную интеллигенцию оказывает заметное влияние современная буржуазная идеология.

У значительной части художников отчетливо выявились симпатии к эстетству и формализму в искусстве...»

Николай Александрович, естественно, волновался. Предлагая «Оргкомитету Союза советских художников созвать Всесоюзный съезд в установленный срок», он очень рассчитывал на поддержку ЦК. Чтобы все прошло, «как полагается», Михайлов считал, что необходимо «внести в повестку дня предстоящего съезда вопрос о перерегистрации членов Союза советских художников в целях перевода в кандидаты всех лиц, недостаточно зарекомендовавших себя творческой работой. Благодаря этому все случайные, нетворческие элементы в союзах утратят право решающего голоса...»

И что получилось?

Конфуз. Нет, вначале все шло согласно протоколу. В президиум съезда медленно, но верно восходили усталые сталинские старцы – Герасимов, Манизер, Вучетич, Томский... Усаживались за стол, крытый багряным бархатом, глубокомысленно взирали в зал поверх голов. Вучетич сразу по-хозяйски открыл бутылку «Боржоми», налил в мгновенно запотевший стакан и выпил до дна. Сразу стало легче. Глаза потеплели, и даже торс распрямился.

Но откуда только взялся этот неуемный, дерзкий бунтарь Колька Никогосян? Поднял руку и попросил слова. Председательствующий недоуменно пожал плечами: вот же невоспитанный народ, но разрешил высказаться – оттепель на

дворе. Потом, конечно, горько сожалел о своем легкомысленном демократизме.

– Товарищи! – чересчур громко начал Никогосян. – Вы посмотрите, кто сидит за этим столом! Вам не напоминает это «тайную вечерю» Леонардо? Только там был Христос, Иуда и апостолы. А за этим столом – все иуды сидят! А Христа я не вижу! Я требую, чтобы в президиум вошел Коненков!

Ну, ладно был бы один крикун... А тут весь зал встал и зааплодировал. Коненков прошел в президиум, сел в середку, разгладил окладистую бороду и подпер голову замком могучих кистей.

...По окончании первого заседания съезда молодые художники гурьбой высыпали на улицу. Под ногами чавкал февральский снег.

– А ведь завтра, братцы, уже весна, – лихо вступая в лужу, напомнил друзьям Никогосян.

– Ты на что это намекаешь? – поинтересовался кто-то.

– Это дело надо отметить, – уверенно сказал подошедший к группке смешливых живописцев седовласый патриарх.

– О, Сергей Тимофеевич! Вы, как всегда, правы!

– Ну так поехали ко мне, ребята. Места всем хватит...

Пока добирались до Пушкинской, пока суетились в «Елисеевском» гастрономе, сумерки окончательно загустели. Эрик Неизвестный, как самый галантный кавалер, рванул на площадь к бабулькам-цветочницам за букетом для Маргариты Ивановны. Кто-то побежал в Филипповскую булочную за свежим хлебом, благо, все рядом, недалеко...

Коненков прохаживался у гастронома. Он был с непокрытой головой, но сырой вечерний ветерок заставил все-таки поднять воротник шубы. Он поджидал своих молодых единоверцев, а память угодливо воскрешала в памяти живые картинки начала века: все та же Тверская (ну пусть сегодня улица Горького, тоже неплохо)... Пушкинская площадь... гастроном Елисеева... булочная Филиппова... последний зимний вечер... Неясной тенью вдруг возник отчаянно хмельной Сережка Есенин с растрепанными кудрями... Вот на извозчике подъехал вальяжный боярин Федор Иванович... Следом прошествовал Петр Кончаловский со своей очаровательной доченькой Наташенькой... Тут же оказались Клычков с Жоржем Якуловым... Хорошо, что Мейерхольда нет... А на Пресне у ворот их шумную компанию встречает преданный дядя Григорий...

Но в этот вечер – 28 февраля 1957 года – у ворот дома Коненкова их никто не встречал. А прислужница сообщила хозяину, что Маргарита Ивановна наверху, неважно себя

чувствует и просила не беспокоить.

– Ну и ладно, – согласился Сергей Тимофеевич, – без женского общества нам сегодня даже лучше будет. Верно, ребята?.. Давайте-ка за стол. Присаживайтесь кому где удобно.

Да кто ж будет против?!.

В компании молодых, задиристых художников Сергей Тимофеевич чувствовал себя превосходно. Видения, посетившие его сегодняшним вечером у «Елисеевского», не отпускали, уводили от текущих проблем в далекое прошлое…

– …Сергей Тимофеевич, а что, правда вы играли на лире?

– А вы откуда знаете?

– Так рассказывали.

– Кто же?

– Кончаловский.

– А, Петруша-болтуша. Играл, конечно. И до сих пор порой балуюсь. Правда, редко, под настроение… Илья, Эрик, вы что заскучали? Давайте-ка, не стесняйтесь, наливайте… Я, кстати, благодаря лире с Сережей Есениным познакомился. Клычков привел его ко мне на Пресню, а у двери они остановились: я как раз в тот вечер привел к себе слепых бродяг с Таганки, они пели, а я лепил их лица… Была такая идея – создать «Нищую братию». Иногда бросал свое праздное занятие, брал в руки лиру и подыгрывал песням этих горемык.

Только когда песня закончилась, Есенин с Клычковым решились войти. Сошлись воедино три Сергея. Клычков сразу предложил каждому загадать желание. Я не стал… Честно говоря, когда я Есенина увидел, был поражен его молодостью: мальчишка мальчишкой. Светловолосый, стриженный в скобку, в поддевке… Потом Есенин читал стихи, потом пили водку, вот как мы с вами сейчас… Он был, конечно, гениальный поэт. Это очень хорошо, что его сейчас опять стали понемногу издавать…

Как сейчас вижу, как тогда он у меня читал. Начало, правда, не помню, но не в том дело. Ага, вот:

Все пути твои – в удаче,
Но в одном лишь счастья нет:
Он закован в белом плаче
Разгадавших новый свет.
Там настроены палаты
Из церковных кирпичей;
Те палаты – казематы
Да железный звон цепей.
Не ищи меня ты в боге,
Не зови любить и жить…

Я пойду по той дороге
Буйну голову сложить.

– Каково? Здорово, верно?.. Да наливай ты до краев, не жадись!..

Коненков добродушно, с миротворческой улыбкой наблюдал за суетой своих гостей. Ему вспоминался один вечер, когда за столом сидели Давид Бурлюк, Каменский, Маяковский, Есенин... Было там шумно, весело.

Тогда, помнится, Маяковский неожиданно для всех объявил: «Здесь среди нас присутствует знаменитый скульптор Исаак Иткинд. Интересно, что он думает о футуризме?»

Бедолагу Иткинда взгромоздили на стол и потребовали ответа. Исаак нашелся:

– Я вам сейчас расскажу одну притчу из Талмуда...

Раздался дикий хохот. Но зарокотал мощный бас Маяковского: «Дайте Иткинду говорить! Талмуд и футуризм – это очень интересно».

И скульптор смог продолжить:

– Однажды мудрец и мальчик пришли в огромный город и попали на базар. Это было очень давно, много веков назад. Один из торговцев на весь базар орал: «Вот самое гнилое мясо. Всего десять грошей!» Рядом стоял другой торговец и робким голосом говорил: «Вот свежее мясо, всего два гроша». Но никто не обращал внимания на него, а к продавцу за десять грошей ломилась толпа.

И тогда мальчик спросил у мудреца: «Скажи мне, почему гнилое мясо берут за десять, а свежее не берут за два гроша?» Мудрец усмехнулся: «Знаешь, сынок, все просто – сейчас мода на гнилое мясо!»

...Совсем недавно Коненкову рассказали о трагической судьбе Исаака. Где-то в Алма-Ате обнаружились его следы. В 1937-м его, действительно, арестовали как шпиона, в тюрьме на допросах выбили зубы, отбили слух, а потом сослали в Казахстан. Хвала тебе господи, жив, бродяга, уникальный человек и гениальный мастер. Повидаться бы...

* * *

Пожаловав Сергею Тимофеевичу Коненкову Ленинскую премию, новый вождь СССР Никита Сергеевич Хрущев решил навестить скульптора в его мастерской, на его трудовом, так сказать, посту.

...Старый скульптор, работая с камнем, обычно никогда не спешил. Сделает одно-два движения резцом и замрет, отрешившись от всего, погружаясь в размышления о предмете своего труда. Потом выделит какую-то деталь – и опять застынет в своих извечных думах. Словно патриарх, вершащий историческое действо. Примет решение – и снова оживут его руки.

Именно в такую минуту в мастерской Коненкова угораздило появиться Хрущева в сопровождении кремлевской свиты и журналистской братии. Минут сорок Никита Сергеевич внимательно осматривал готовые работы, потом подошел к Коненкову, уже восседавшему в кресле:

– Ну, Сергей Тимофеевич, здорово. Я бы так не смог.

Задетый сказанным Коненков искренне возмутился и начал кричать:

– Нет, вы посмотрите, он бы так не смог! Я всю жизнь посвятил этому делу, а он бы так не смог! Возьмите да попробуйте!

Хрущев побледнел, потом покраснел и вспотел. Свита окаменела. В конце концов Никита Сергеевич нашелся:

– Вы уж извините, Сергей Тимофеевич, я не так выразился. Я хотел сказать, что восхищен вашим талантом и вашим трудом.

Тут же, наскоро попрощавшись, первый секретарь ЦК отбыл восвояси...

Домашние после до утра хоронились в своих комнатах, стараясь не попасть на глаза Сергею Тимофеевичу, который все никак не мог угомониться, метался по мастерской, громил все, что ни попадя, суковатой палкой и материл тупарей...

Многоопытные друзья посоветовали Сергею Тимофеевичу не чураться политики и так или иначе продемонстрировать свою политическую лояльность и, если угодно, даже преданность. Коненков, прикинув все «за» и «против», согласился.

В 1959 году в журнале «Коммунист» появилась коленопреклоненная статья скульптора. Коненков восторженно писал: «Наша действительность устремлена в будущее. Именно теперь, когда перед человечеством столь зримо открылись светлые и прекрасные дали, так ощутима преемственность эпох... Предчувствия и мечты таких своих предшественников, как Томас Мор, Кампанелла, Сен-Симон, Фурье и Роберт Оуэн, Маркс и Энгельс гениально превратили в науку построения социалистического общества... Октябрьская революция бросила вызов всем темным силам старого мира. Нас терзали голод и сыпняк, темнота и невежество, сивуха и безграмотность... И сейчас, оглядываясь назад, даже трудно поверить, какие

огромные силы напрягали вся партия, вся страна, чтобы победить бич безграмотности... А ведь без этого не могло бы свершиться и другое – запуск советскими людьми искусственных планет в глубины Вселенной. Все это вехи на нашем пути к коммунизму...

Чтобы прийти к коммунизму, говорил Н.С. Хрущев в своем докладе на XX1 съезде КПСС, нам надо уже сейчас воспитывать человека будущего. Человек будущего! Теперь это уже не далекая утопия, а вполне осязаемый образ. Нам не надо ждать, пока трубы возвестят о дне рождения этого человека. Он уже дышит, мыслит и живет вместе с вами... Наши суждения, слова и краски еще не могут изобразить, какие чудесные изменения произойдут в мире, когда земля будет приведена в совершенное состояние, пробьются воды в пустыни, и в мире восторжествует жизнь, пронизанная гармонией и светом. Прекрасная полнота жизни при коммунизме – выше наших сегодняшних представлений, как небо выше земли. Но человек будущего достигнет этой высоты. Человек будет совершенен!»

Почтенного старца щедро осыпали наградами и почетными званиями. Он стал действительным членом Академии художеств, вскоре народным художником СССР. И в конце концов был увенчан Золотой Звездой Героя Социалистического Труда. Правда, все это его уже мало занимало. Разве что как-то в разговоре с молодыми художниками Сергей Тимофеевич неожиданно даже для себя вспомнил возмущенный рык Федора Шаляпина, узнавшего из эмигрантской прессы, что некий безликий аноним «Совнарком» посмел лишить его звания народного артиста республики...

Сегодня Коненкова уже было чего лишать. Но не за что. Хотя он, конечно, в определенной (легкой) степени страдал раздвоением личности. Отравленный воздухом свободы и независимости, бунтарь по натуре, Сергей Тимофеевич в отличие от большинства своих коллег имел реальную возможность объективно сравнивать плюсы и минусы западного мира с прелестями милой его сердцу азиатчины. Плюс ко всему его терзала зияющая пустота вокруг и то самое навалившееся одиночество.

Но, с другой стороны, ему льстило, тешило самолюбие почтительное внимание нового поколения художников, в глазах которых он, по всей вероятности, представал восставшей из пепла легендой или, может быть, ожившим Каменным гостем, Командором из «Маленьких трагедий»... Они ведь с воображением и юморком ребята.

Как и эти «прозайчики» из Литературного института, который стоял как раз напротив его мастерской. Вот уж пройды, так и

норовят выпросить десяточку-другую. Благо бы на дело, а то ведь наверняка на пропой... Вот вчера один явился, представился:

– Я аварский поэт Магомед Алиев. У меня есть одна мечта: прочитать вам, великому человеку, мои стихи. И вы потом скажете мне свое просвещенное мнение.

Бог ты мой! Хорошо, хоть денег не просит. Может, почитает стишок и уйдет?.. Да не тут-то было! На своем родном языке Магомед прочел замечательно длинную поэму «Ленин в горах», потом начал цикл каких-то лирических стихотворений... Коненков чувствовал, что слабеет с каждой минутой, и взмолился:

– Молодой человек, я, к сожалению, не понимаю вашего языка. Но чем вам можно помочь?

– Нравится? – обрадовался поэт. – Тогда я вам еще немного почитаю...

– Нет! Помочь, хочу помочь! – Сергей Тимофеевич запустил руку в карман.

– Мне домой надо, в горы, уважаемый товарищ Коненков. А билеты такие дорогие...

* * *

Коненков демонстративно старался держаться на почтительном расстоянии от какого-либо участия в публичной политической жизни. Но когда в начале зимы 1966 года ему позвонил и напросился в гости по «весьма спешному делу» старинный приятель, народный художник Павел Корин, Сергей Тимофеевич, разумеется, не мог отказать.

Посмотрев заготовки свежих работ друга, Павел Дмитриевич помялся, но вынул из кожаной папки несколько листков и протянул хозяину мастерской:

– Почитай, Сергей Тимофеевич.

Коненков начал вслух:

– «Глубокоуважаемый Леонид Ильич!..» Так это же не мне письмо... А я чужих не читаю.

– Конечно, не вам. Письмо Брежневу. Почитай все-таки дальше.

«...В последнее время в некоторых выступлениях и в статьях в нашей печати проявляются тенденции, направленные, по сути дела, на частичную или косвенную реабилитацию Сталина. Мы не знаем, насколько эти тенденции, учащающиеся по мере приближения XXIII съезда, имеют под собой твердую почву. Но даже если речь идет только о частичном пересмотре решений XX и XXII съездов, это вызывает глубокое беспокойство. Мы считаем

своим долгом довести до Вашего сведения наше мнение по этому вопросу...

Мы считаем, что любая попытка обелить Сталина таит в себе опасность серьезных расхождений внутри советского общества. На Сталине лежит ответственность не только за гибель бесчисленных невинных людей, за нашу неподготовленность к войне, за отход от ленинских норм в партийной и государственной жизни. Своими неправыми делами он так извратил идею коммунизма, что народ это никогда не простит. Наш народ не поймет и не примет отхода – хотя бы частичного – от решений о культе личности. Вычеркнуть эти решения из его сознания и памяти не может никто.

Любая попытка сделать это поведет только к замешательству, к разброду в самых широких кругах. Мы убеждены, например, что реабилитация Сталина вызвала бы большое волнение среди интеллигенции и серьезно осложнила бы настроения в среде нашей молодежи... Не менее серьезной представляется нам и другая опасность. Вопрос о реабилитации Сталина не только внутриполитический, но и международный вопрос. Какой-либо шаг в направлении его реабилитации, безусловно, создал бы угрозу нового раскола в рядах мирового коммунистического движения, на этот раз между нами и компартиями Запада. С их стороны такой шаг был бы расценен, прежде всего, как наша капитуляция перед китайцами, на что коммунисты Запада ни в коем случае не пойдут...

Мы не могли не написать о том, что думаем. Совершенно ясно, что решение ЦК КПСС по этому вопросу не может рассматриваться как обычное решение, принимаемое по ходу работы. В том или ином случае оно будет иметь историческое значение для судеб нашей страны. Мы надеемся, что это будет учтено».

– Ну, и что ты от меня хочешь, Павел Дмитриевич? – Коненков отложил в сторону письмо.

– Чтобы вы поставили свою подпись под этим обращением. Его уже подписали уважаемые в стране люди. Например, академики Арцимович и Капица, известные писатели Паустовский, Чуковский, Катаев, Майя Плисецкая, я, в конце концов, Иннокентий Смоктуновский...

– А это кто?

– Ну как же, Сергей Тимофеевич, это известнейший актер!

– Не знаю, я в театрах уже не помню когда бывал, а в кино и подавно... И вы считаете, что и моя подпись должна быть в этом ряду?

– Конечно, вы скульптор с мировым именем, лауреат...

– Сталинской, заметьте, премии, Павел Дмитриевич. А сам-то ты разве нет?

– Ну почему же нет? Было дело, в 1952-м еще. Правда, они теперь все Государственными премиями считаются…

– А шведы-то премию своего изобретателя динамита почему-то не переименовали! Как была Нобелевская, так и есть по сей день. Хотя благодаря ему невинных людей наверняка погибло больше, чем при Сталине. Наверняка. В общем, не буду я подписывать, и точка. Я к Сталину обращался как к брату… Не обижайся.

Уходя, Корин бросил косой взгляд на роскошную мастерскую Коненкова: неплохое наследство тебе «братец» оставил…

* * *

Буквально через месяц, 15 марта 1966 года, председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР Владимир Ефимович Семичастный услужливо информировал Центральный Комитет, что «в Москве получило широкое распространение письмо, адресованное первому секретарю ЦК КПСС, подписанное 25-ю известными представителями советской интеллигенции… Сбор подписей под названным документом в настоящее время намерены продолжить, причем инициаторы этого дела стремятся привлечь к нему новых деятелей советской культуры… Известно, что некоторые деятели культуры, а именно: писатели С.Смирнов, Е.Евтушенко, режиссер С.Образцов и скульптор С.Коненков, отказались подписать письмо…»

* * *

Еще в детстве деревенская бабка-ведунья нагадала Сергею Коненкову долгую-предолгую жизнь. В зрелом возрасте он всем говорил, что доживет до 100 лет, и любил повторять фразу: «В любом возрасте оберегайте чувство молодости».

Когда ему стукнуло 97, тогдашний председатель Союза художников Екатерина Белашова ходатайствовала о предоставлении Коненкову государственной дачи. Обратилась в правительство. Там прошение помурыжили-помурыжили и, как говорится, благополучно положили «под сукно». Тогда Белашова, добрая душа, решила по-своему поощрить старого мастера и отправила его в Дом творчества на Сенеж. Екатерина Федоровна

искренне хотела как лучше, но, увы...

Всем хорош был этот дом: и находился в чудесном месте, и люди вокруг были замечательные, никто в душу не лез. Только вот бытовые удобства были общие, в коридоре. Когда Коненков попросил помочь ему в помывке, сердобольные нянечки охотно выполнили эту просьбу. Затем завернули в простыню. Но пока санитары несли старика из ванной комнаты в номер, его сильно продуло. На следующий день врачи диагностировали: воспаление легких. Плюс ко всему на дворе стояла промозглая осень. Возвращение в Москву ему тоже далось нелегко.

Говорят, у «русского Родена» до последних дней под рукой неизменно оставались карандаш и бумага, картон, пластилин, куски фанеры. Как-то вечером, сидя в кресле перед темнеющим окном, он ясно увидел никем еще не написанную картину под названием «Зал ожидания». Огромное полотно с изображением абсолютно одинаковых гробов. Только гробы, гробы, гробы с крестами на крышках – и все. Зал ожидания...

На календаре был бесснежный декабрь 1971 года. Сергей Тимофеевич Коненков не дожил ни до 100 лет, ни до коммунизма, ни до Армагеддона. Аминь.

* * *

В день смерти великого скульптора в дом к Маргарите сбежались с соболезнованиями близкие и знакомые. Они застали ее в смятении, нервно мечущейся из одной комнаты в другую.

– Оставьте свои сочувствия при себе! – нервно кричала она. – Что вы сюда понабежали? Или не понимаете, что я теперь нищая?!

Вскоре после кончины Коненкова люди в штатском изъяли из семейного архива несколько мешков бумаг. Но в спешке кое-что пропустили.

Маргарита Ивановна пережила всех – и своего мужа, и Альберта Эйнштейна. Стала затворницей. С годами от ее аристократического лоска мало что осталось. Бывшая красавица безумно располнела, погрузившись в сильную депрессию, неделями не поднимаясь с постели в своей комнате на втором этаже Дома-музея Коненкова. Выбраться на Тверскую – тьфу, на Горького! – было практически неразрешимой проблемой. Ноги не несли. Домработница наслаждалась унизительным положением барыни, открыто издевалась над ней, насильно кормя селедкой и черным хлебом, подстилая на стол газетку вместо скатерти. Будила спящую Маргариту Ивановну поистине варварским

способом – поджигала перед лицом бумагу, все те же газеты.

Тупыми ножницами она грубо состригала ей волосы, давясь при этом от хохота. А однажды состригла брови. Не давала папирос, без которых хозяйка не могла обходиться. Зная, что Маргарита в последние годы на дух не переносит спиртное, плебейка, вцепившись в подбородок, вливала ей в рот дешевенький коньяк. А потом плюхалась своей задницей на край кровати и, гаденько улыбаясь, ждала реакции.

На глазах хозяйки она портила вещи, открыто воровала драгоценности. Маргарита Ивановна горько сожалела, что в свое время не подарила племяннице роскошную лисью шубу, предмет зависти многих знакомых дам: «Ты еще не умеешь носить меха. Да и мне еще, может быть, придется выходить...» Но не пришлось. Скотина-домоправительница варварски отрезала от шубы рукава. Объяснила: нужно на воротники. Маргарита потом долго рыдала: «Зачем испортила вещь?! Да лучше бы просто забрала!..»

Лишь резная шкатулка с личными письмами и документами для домработницы не представляла никакого интереса. А в ней, кроме всего прочего, хранился пожелтевший от времени листок, испещренный элегантными готическими строками. Это было стихотворение, посвященное Маргарите, не великого физика, не лауреата Нобелевской премии, не самого знаменитого еврея в мире Альберта Эйнштейна, а ее любимого, седовласого, лохматого мужчины, первой половинки от их общего «Альмара».

Две недели томил тебя,
И ты написала, что недовольна мной.
Но пойми – меня также мучили другие
Бесконечными рассказами о себе.
Тебе не вырваться из семейного круга.
Это наше общее несчастье.
Сквозь небо неотвратимо
И правдиво проглядывает наше будущее.
Голова гудит, как улей,
Обессилели сердце и руки...
Приезжай ко мне в Принстон.
Тебя ожидают покой и отдых.
Мы будем читать Толстого,
А когда тебе надоест, ты поднимешь

На меня глаза, полные нежности,
И я увижу в них отблеск Бога.
Ты говоришь, что любишь меня,
Но это не так.
Я зову на помощь Амура,
Чтобы уговорил тебя быть ко мне милосердной.
А.Э.
Рождество. 1943 г.

Еще она нашла черновик письма своего мужа Сталину, в котором были такие странные строки: «И видел я одного Ангела, стоящего в солнце; и он воскликнул громким голосом, говоря всем птицам, летящим по середине неба: летите, собирайтесь на великую вечерю Божію. Чтобы пожрать трупы царей, трупы сильных, трупы тысяченачальников, трупы коней и сидящих на них, трупы всех свободных и рабов, и малых и великих... Ангел в солнце – это олицетворение последних членов Церкви Христовой. И они то сделают, тот призыв ко всем организаціям міра, чтобы выступить против атакующих армій Сатаны. А пир будет, так как Армія Сатаны будет побита. А когда атакующая Армія Сатаны будет побита – то пир будет, будут радоваться все в Арміи Божіей, как радовались в Россіи освобожденные от рабства капиталистов и помещиков...»

* * *

Маргарита Ивановна Воронцова-Коненкова умерла от истощения в 1980-м, наотрез отказавшись принимать дрянную пищу.

Дюжие, страдающие от жестокого похмелья санитары в замызганных халатах, вынося мертвое тело из квартиры-музея Коненкова, так пялились на бронзовую фигуру обнаженной красавицы при входе (скульптура Маргариты), что едва не уронили носилки. Они, разумеется, не догадывались, что увозят в морг музу знаменитого скульптора Сергея Коненкова, которой на роду было также суждено стать последней любовью великого физика Альберта Эйнштейна.

* * *

Маленькая девочка из штата Аризона как-то написала Альберту Эйнштейну: «Я Вам пишу, чтобы узнать, существуете ли Вы в действительности...»

Альберт Эйнштейн обреченно знал, как «странно быть известным во всем мире и все же быть таким одиноким». Он не понимал, что люди просто боятся гениев.

Хотя, конечно, в мире все относительно. Кроме любви.

Персоналии:

Антонов Алексей Иннокентьевич – (1896–1962). Род. в г. Гродно. Окончил Военную академию им. Фрунзе, Советский военачальник, генерал армии, начальник Генштаба Вооруженных Сил СССР. С 1955 г. – начальник штаба Объединенных Вооруженных Сил Организации Варшавского Договора. Кавалер орденов «Победа», трех орденов Ленина и др.

Берия Лаврентий Павлович — (1899–1953). Род. в Сухумском округе (Грузия). Государственный и политический деятель. Ген. комиссар госбезопасности, маршал, заместитель Председателя Совмина (1946–1953). Курировал атомный проект. Герой Соцтруда. Расстрелян в декабре 1953 г. по обвинению в шпионаже и заговоре с целью захвата власти.

Бромирский Петр Игнатьевич — (1886–1919/20). Род. в Волынской губ. Художник, скульптор. Символист. Автор памятника В.Сурикову.

Вигнер Юджин — (1902–1995). Род. в Будапеште. Американский физик и математик. Лауреат Нобелевской премии (1963).

Вознесенский Николай Алексеевич — (1903–1950). Род. в Тульской обл. Партийный и государственный деятель. Окончил Институт красной профессуры. Доктор экон. наук. Работал председателем Госплана, зам. Председателя Совмина СССР. Расстрелян по т.н. «ленинградскому делу». Реабилитирован (1954).

Воронцова (Коненкова) Маргарита Ивановна — (1896–1980). Род. в Сарапуле в дворянской семье. Жена С.Т.Коненкова.

Вышинский Андрей Януарьевич — (1883–1954). Род. в Одессе. Сов. государственный деятель. Член ЦК ВКП(б). Генпрокурор СССР, зам. Председателя Совнаркома, зам.министра иностранных дел.

Гарриман Уильям Аверелл — (1891–1986). Американский промышленник, государственный деятель и дипломат. Был советником президента Ф.Рузвельта, послом в СССР (1943–1946 гг.).

Есенин Сергей Александрович — (1895–1925). Род. в Рязанской губ. в крестьянской семье. Выдающийся русский поэт. Первая книга «Радуница» вышла в 1916 г. Автор поэм «Анна Снегина», «Пугачев» и др. Покончил жизнь самоубийством.

Зарубин Василий Михайлович — (1894–1972). Род в Москве в семье железнодорожника. Советский разведчик. Работал в ВЧК с 1920 г. Был нелегалом в Дании, Франции, Германии, Китае, США.

Зам. начальника Службы внешней разведки, генерал-майор. Награжден орденами Ленина, Красной Звезды и Красного Знамени.

Зарубина Елизавета Юльевна (Гутшнекер-Розенцвейг-Горская Лиза Иоэльевна) — (1900–1987). Род. в Сев. Буковине (Австро-Венгрия). Училась в Черновицком, Парижском, Венском ун-тах. Советская разведчица. С 1925 г. – сотрудник ОГПУ. Работала с мужем на нелегальном положении в ряде стран. Полковник КГБ. Уволена в запас в 1946 г.

Златоврацкий Александр Николаевич — (1878–1959). Скульптор. Один из основателей Общества русских скульпторов. Умер в Москве.

Иткинд Исаак Яковлевич — (1871–1969). Род. в Литве. Скульптор, заслуженный деятель искусств Казахской ССР (1968). Учился в Московской школе живописи, ваяния и зодчества. В 1938 г. сослан в Казахстан.

Капица Петр Леонидович — (1894–1984). Род. в Кронштадте. Физик, академик, лауреат Нобелевской премии (1978), дважды Герой Соцтруда, дважды лауреат Сталинской премии. Один из основателей Московского физико-технического института. Был членом ЕАК.

Клычков (Лешенков) Сергей Антонович — (1889–1937). Род. в Тверской губ. Поэт, прозаик, переводчик. Учился в Московском университете, участник первой мировой войны. Расстрелян. В 1956 г. реабилитирован.

Коненков Сергей Тимофеевич — (1874–1971). Род. в Смоленской губ. в крестьянской семье. Русский советский скульптор. Лауреат Государственной и Ленинской премий. Окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества, Высшее училище при Петербургской академии художеств. В 1923–1945 гг. жил и работал в США. Автор книги «Мой век». Действительный член Академии художеств СССР, народный художник СССР, Герой Социалистического Труда.

Кончаловский Петр Петрович — (1876–1956) – выдающийся советский живописец, народный художник РСФСР, член Академии художеств СССР, лауреат Госпремии.

Кончаловская Наталья Петровна — (1903–1988). Род в Москве. Дочка художника П. Кончаловского и внучка В. Сурикова. Русская писательница, поэтесса и переводчик.

Коняева Татьяна — (?–?). Первая жена С.Коненкова.

Корин Павел Дмитриевич — (1892–1967). Род. в с.Палех Владимирской губ. в семье иконописца. Окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Выдающийся советский живописец. Лауреат Сталинской, Ленинской премий. Народный

художник СССР.

Курчатов Игорь Васильевич — (1903–1960). Род. в Уфимской губернии в семье землемера. Окончил Крымский университет. Физик, создатель советской атомной бомбы. Основатель Института атомной энергии, академик АН СССР. Почетный гражданин СССР. Четырежды лауреат Сталинской премии, Ленинской премии, трижды Герой Социалистического Труда.

Лёвенталь-Эйнштейн Марго — Падчерица А.Эйнштейна.

Мариенгоф Анатолий Борисович — (1897–1962). Род. в Н.Новгороде. Учился на юридическом факультете МГУ. Русский поэт-имажинист, прозаик. Первая книга стихов «Витрина сердца» (1918). Автор романов «Циники», «Роман без вранья», мемуаров «Мой век, моя молодость, друзья и подруги».

Марич Милева — (1875–1948). Род. в Сербии. Первая жена А.Эйнштейна (1903–1919), мать его дочери и сыновей. Математик, окончила Цюрихский политехникум. Скончалась в психиатрической больнице.

Мейерхольд Всеволод Эмильевич (Майергольд Карл Казимир Теодор) — (1874–1940). Род. в г.Пенза в обрусевшей немецкой семье. Российский и советский режиссер и актер. Народный артист Республики. Окончил театрально-музыкальное училище Московского филармонического общества. Работал в МХТ актером (1898–1902), занимался режиссурой. Руководил Театром революции. В 1939 г. арестован, затем расстрелян. Реабилитирован в 1955 г.

Меликшев Павел Петрович — (1902–...). Род. в Кронштадте в крестьянской семье. Окончил артиллерийскую школу, факультет авиавооружения. Вице-консул в Нью-Йорке (1941–1945) под оперпсевдонимом Михайлов. Зам. начальника ГРУ Генштаба СА, генерал-лейтенант.

Мессинг Вольф Григорьевич — (1899–1974). Род. в Гура-Кальвария (Польша). Заслуженный артист РСФСР, выступавший с психологическими опытами. Гипнотизер, медиум.

Михайлов Николай Александрович — (1906–1982). Образование незаконченное высшее. 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ, секретарь ЦК КПСС, министр культуры СССР (1955–1960). Посол в Индонезии.

Михайлов Павел Петрович — (1902–1991). Член ВКП(б) с 1927 г. Образование высшее. С 1941 г. – вице-консул СССР в США, с декабря 1946 г. – и.о. генконсула в Нью-Йорке. Резидент ГРУ в США.

Михоэлс (Вовси) Соломон Михайлович — (1890–1948). Советский еврейский режиссер и актер, общ. деятель. Главный

режиссер Московского гос. Еврейского театра (ГОСЕТ). Был руководителем Еврейского антифашистского комитета. Народный артист СССР, лауреат Сталинской премии. Убит сотрудниками НКВД.

Никогосян Николай Багратович — (1918).Народный художник СССР, действительный член Российской Академии художеств. Окончил Московский художественный институт им. Сурикова. Лауреат Госпремии СССР (1977).

Оппенгеймер Джулиус Роберт — (1904–1967). Род. в США. Выдающийся физик .Окончил Гарвардский университет. Преподавал в Геттингенском, Цюрихском, Лейденском, Калифорнийском ун-тах. Затем – директор иниверситета фундаментальных исследований в Принстоне. Руководил «Проектом Манхэттен», возглавляя Лос-Аламосскую лабораторию по созданию атомной бомбы. В 1954 г. выступил против создания водородной бомбы, был отстранен от всех секретных работ и обвинен в нелояльности.

Плевицкая (Винникова) Надежда Васильевна — (1884–1940). Род. в Курской губ. в крестьянской семье. Русская певица, исполнительница народных песен и романсов. После революции 1917 г. эмигрировала. Умерла в Бретани (Франция).

Поскребышев Александр Николаевич — (1891–1965). Род. в Вятке. Окончил юридический и экономический факультеты МГУ. Личный секретарь И.В.Сталина (1924–1953). Генерал-лейтенант. Награжден 4 орденами Ленина.

Рассел Бертран Артур Уильям — (1872–1970). Род. в Уэльсе. Английский математик, философ и общественный деятель. Соавтор «Манифеста Рассела – Эйнштейна», предтечи Пагуошского движения ученых. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1950). Совместно с Ж.-П. Сартром организовал международный трибунал по расследованию преступлений США во Вьетнаме.

Рахманинов Сергей Васильевич — (1873–1943). Род. в Новгородской губернии. Окончил Московскую консерваторию. Выдающийся русский композитор, пианист и дирижер. После революции 1917 г. эмигрировал. Умер в Беверли-Хиллз (США).

Роллан Ромен — (1866–1944). Род. в Бургундии. Французский писатель, новеллист, автор биографий Бетховена, Микеланджело, Льва Толстого, Ганди. Пацифист. Профессор истории музыки в Сорбонне и Высшей нормальной школе. Автор пьес «Дантон», «Триумф разума», «Робеспьер» и др., романа «Жан-Кристоф». Лауреат Нобелевской премии (1915).

Рузвельт Франклин Делано — (1882–1945). 32-й президент США (1933–1945).

Рузвельт Элеонора — (1884–1962). Жена Ф.Рузвельта. Общественный деятель, феминистка. Участвовала в создании ООН.

Сац Наталья Ильинична — (1903–1993). Род. в Иркутске в семье композитора И.Саца. Режиссер, создатель первого в мире драмтеатра для детей и детского музтеатра. Народная артистка СССР, Герой Соцтруда, кавалер многих орденов, лауреат Государственной и Ленинской премий. Профессор, член Союза писателей. В лагерях ГУЛАГа отбыла 5 лет. Автор книг «Новеллы моей жизни», «Жизнь —явление полосатое» и др.

Семичастный Владимир Ефимович — (1924–2001). Род. в Днепропетровской обл. Советский партийный и государственный деятель, генерал-полковник. Председатель КГБ СССР (1961–1967), заместитель председателя Совета Министров Украины.

Склодовская-Кюри Мария — (1867-1934). Род. в Варшаве. Окончила Сорбонну. Дважды лауреат Нобелевской премии: по физике (1903) и химии (1911). Совместно с мужем П.Кюри занималась проблемами радиоактивности, открыла элементы радий и полоний. Умерла во Франции.

Сталин Иосиф Виссарионович — (1879–1953). Род в г.Гори (Грузия). Советский государственный, политический деятель. Генералиссимус.

Суизи Пол — (1910–2007). Родился в Нью-Йорке. Окончил Гарвардский университет. Экономист. Соучредитель журнала «Ежемесячное обозрение». Соавтор (с П.Бараном) теории монополистического капитализма.

Сцилард Лео — (1898–1964). Род. в Будапеште. Окончил Берлинский университет. Эмигрировал в Англию, потом в США (1938). Принимал участие в создании первого ядерного реактора и «Манхэттенского проекта».

Тагор Рабиндранат — (1861–1941). Индийский писатель, поэт, композитор, художник, общественный деятель. Лауреат Нобелевской премии (1913), автор гимнов Индии и Бангладеш.

Теллер Эдвард — (1908–2003). Род. в Будапеште. Американский физик, один из руководителей «Манхэттенского проекта».

Трумэн Гарри — (1884–1972). Род. в штате Миссури (США). 33-й президент США (1945–1952). Инициатор «охоты на ведьм» в США, антикоммунист.

Хейфец Яша (Иосиф Рувимович) — (1901–1987). Род. в Вильнюсе. Выдающийся скрипач. С 1925 г. – гражданин США. Преподавал в университете Южной Калифорнии. Умер в Лос-Анджелесе.

Хрущев Никита Сергеевич — (1894–1971). Советский партийный и государственный деятель.

Ферми Энрико — (1901–1954). Род в Риме. Выдающийся физик, лауреат Нобелевской премии (1938). Принимал участие в «Манхэттенском проекте».

Фефер Ицик (Исаак Соломонович) — (1900–1952). Советский еврейский поэт. Род. в Киевской губернии. Печатал стихи на идиш с 1919 г. Был членом президиума Союза писателей Украины. В годы войны – секретарем Еврейского антифашистского комитета. Тесно сотрудничал с НКВД. В 1952 г. расстрелян. В 1955 г. реабилитирован.

Фитин Павел Михайлович — (1907–1971). Род. в Тобольской губернии. Окончил институт механизации и электрификации сельского хозяйства. Работал в «Сельхозиздате». С 1938 г. в НКВД. Генерал-лейтенант госбезопасности (1945). С 1947 г. понижен в должности. После смерти Сталина уволен из органов. Работал в системе госконтроля, в Обществе дружбы и культурных связей с зарубежными странами.

Фукс Клаус — (1911–1988) – физик, участник «Манхэттенского проекта». Род. в Германии. Оконочил Кильский университет. Член Компартии Германии (1932). В 1933 г. эмигрировал во Францию, потом в Англию. Сотрудничал с советскими спецслужбами

Чаплин Чарльз Спенсер — (1889–1977). Род. в Лондоне в семье артистов мюзик-холла. Английский актер и режиссер. Впервые выступил на сцене в 1894 г. С 1912 г. работает в США. Снимается в кино, ставит фильмы. Самые известные к/ф «Огни большого города», «Новые времена», «Великий диктатор», «Огни рампы», «Король в Нью-Йорке». С 1952 г. ему запрещен въезд в США. Жил в Швейцарии. Лауреат двух премий «Оскар».

Шаляпин Борис Федорович — (1904–1979). Род. в Москве. Русский художник, портретист. Сын Ф.И.Шаляпина и итальянской балерины Иолы Торнаги. С 1925 г. учится и работает во Франции, с 1935 г. в США. Работал в театре и кино, иллюстратором журнала «Тайм». Умер в США.

Шаляпин Федор Иванович — (1873–1938). Род. в Казани. Выдающийся русский оперный певец. Был солистом Большого и Мариинского театров. Первый народный артист Республики (1918). В 1921 г. выехал на зарубежные гастроли, откуда уже не вернулся. В 1927 г. лишен звания народного артиста. Был солистом Метрополитен-опера (США). Умер в Париже. В 1984 г. перезахоронен в Москве. Постановление о лишении звания было отменено в 1991 г.

Эйнштейн Альберт — (1879–1955). Род. в г.Ульм

(Германия). Великий физик-теоретик, один из основоположников современной физики. Автор теории относительности. Лауреат Нобелевской премии за объяснение фотоэлектрического эффекта (1921). Умер в г. Принстон (США).

Эйнштейн Карл — (1895–1940). Немецкий поэт и прозаик, критик, анархо-синдикалист. Племянник А.Эйнштейна. Участник гражданской войны в Испании (1936–1938 гг.). Покончил с собой.

Эйнштейн-Лёвенталь Эльза — (1876–1936). Вторая жена А.Эйнштейна.

Юрок Сол (Гурков Соломон Израилевич) – (1888–1974). Род. в Брянской области. В 1906 г. эмигрировал в США. Импресарио.

Якулов Георгий Богданович (Якулян Геворг) — (1884–1928). Род. в Тифлисе. Русский художник-авангардист, график, сценограф, создатель «Теории света и происхождения стилей в искусстве» или «Теории разноцветных солнц». Учился в Институте восточных языков, мастерской Юона, Московском училище живописи, ваяния и зодчества.

ЛИТЕРАТУРА:

Ф.Шаляпин – «Повести о жизни» – М.: «Искусство» – 1960

А.Каменский – «Коненков» – М.: «Советский художник» – 1962

М.Рузе – «Роберт Оппенгеймер и атомная бомба» – М.: «Госатомиздат» – 1963

Л.Гровс – «Теперь об этом можно рассказать» – М.: «Госатомиздат» – 1964

Сборник «Воспоминания о Сергее Есенине» – М.: «Московский рабочий» – 1965

Ч.Чаплин – «Моя биография» – М.: «Искусство» – 1966

К.Зелиг – «Альберт Эйнштейн» – М.: «Госатомиздат» – 1966

В.Матвеев – «О мысленном внушении, «телепатах», сенсациях и чувстве ответственности» – «Урал» – №1 – 1969

Г.Жуков – «Воспоминания и размышления» – М.: «Политиздат» – 1970

Я.Голованов – «Этюды об ученых» – М.: «Молодая гвардия» – 1970

С.Коненков – «Мой век. Воспоминания» – М.: «Политиздат» – 1971

С.Коненков – «Земля и люди» – М.: «Молодая гвардия» – 1974

Ф.Гернек – «Пионеры атомного века» – М.: «Прогресс» – 1974

Б.Кузнецов – «Эйнштейн. Жизнь. Смерть. Бессмертие» – М.: «Наука» – 1980

Б.Хофман – «Альберт Эйнштейн. Творец и бунтарь» – М.: «Мир» – 1981

Н.Сац – «Новеллы моей жизни» в 2 томах – М.: «Искусство» – 1984, 1985

Ч.П.Сноу – «Портреты и размышления» – М.: «Прогресс» – 1985

«С.А.Есенин в воспоминаниях современников» – М.: «Художественная литература» – 1986

П.Судоплатов – «Спецоперации. Лубянка и Кремль» – М.: «ОЛМА-ПРЕСС» – 1988

А.Сахаров – «Тревога и надежда» – М.: «Интер-Версо» – 1990

А.Мариенгоф – «Роман без вранья» – Киев: «Искусство» – 1990

Э.Дюкас, Б.Хофман – «Альберт Эйнштейн как человек» – «Вопросы философии» – № 1 – 1991

И.Морозов, С.Козырев – «Бомба для Нагасаки в России?» – «Совершенно секретно» – №7 – 1992

П.Судоплатов – «Разведка и Кремль» – М.: «Современник» – 1997

И.Морозов – «Тайная миссия принца Такэды» – «Литературная

газета» – №34 – 20 августа 1997

П.Картер, Р.Хайфилд – «Эйнштейн. Частная жизнь» – М.: «Захаров» – 1998

Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т. 1–2 – М.: «Наука» – 1998–1999

Р. и Ж. Медведевы – «Сталин и атомная бомба» – «Российская газета» – 21–22 декабря 1999

Т.Крауц – «Хроника жизни дома с ротондой» – biblio.narod.ru – vfhn – март 2000

Д.Брайен – «Альберт Эйнштейн» – Мн.: «Попурри» – 2000

Ч.С.Чаплин – «Моя биография» – М.: «Вагриус» – 2000

Б.Денисов – «Разговорчивый Эйнштейн» – «Вечерняя Москва» – 8 февраля 2001

В.Феофанов, Б.Пилат – «Триумф и драма Альберта Эйнштейна» – М.: «Когелет» – 2001

В.Белоконь – «Гений атомного шпионажа» – «Независимая газета» – 31 января 2002

Ж.Медведев – «Сталин и атомная бомба» – «Вестник Российской Академии Наук» – №1 – 2002

В.Антонов – «Солдат, красноармеец. И руководитель некоторых резидентур» – «Независимая газета» – 20 февраля 2002

Д.Бай – «Дело Эйнштейна: все, как всегда, относительно» – «Беларусь сегодня» – 25 мая 2002

Д.Брайен – «Мозг Эйнштейна» – «Лебедь» (США) – №273 – 26 мая 2002

М.Армалинский – «Чтоб знали!» – М.: «Ладомир» – 2002

Ю.Смирнов – «И.В.Курчатов и власть» – «Вопросы истории естествознания и техники» – №1 – 2003

П.Константинов – «Сына Никиту она вымолила у иконы Взыскания погибших» – «Вечерняя Москва» – 17 января 2003

В.Покровский – «Ньютон и Эйнштейн страдали аутизмом» – «Независимая газета» – 14 мая 2003

А.Ваксберг – «Из ада в рай и обратно» – М.: «Олимп» – 2003

В.Есаков – «Эпизоды из истории атомного проекта. Заметки архивиста» – «Природа» – №10 – 2003

С.Боброва, О.Одноколенко – «Эйнштейн работал на НКВД ради любимой женщины» – «Итоги» – 30 января 2004

А.Малахов – «В СССР устанавливается царство Божие» – «Власть» – №29 (582) – 26 июля 2004

Пророк Сергей Коненков брату Иосифу Сталину – «Наука и религия» – 9 августа 2004

С.Боброва – «Последняя любовь Эйнштейна – Маргарита Коненкова» – «Русский экспресс» (Канада) – № 237

В.Абрамов – «Евреи в КГБ. Палачи и жертвы» – М.: «Яуза-

Эксмо» – 2005

В.Бояринцев – «Эйнштейн – главный миф 20-го века» – М.: «Яуза» – 2005

С.Донской – «Кофе с ароматом любви и порока» – «Караван историй» – 7 марта 2005

В.Нузов – Э.Неизвестный: «Российские олигархи не поддерживают искусство, а просто пиарят себя» – «Вечерняя Москва» – 18 апреля 2005

В.Чиков – «Операция «Энормоз» – «Боевое братство» – №8 – 2005

А.Смирнов – «Эйнштейн и его женщины» – «Зеркало недели» (Киев) – №51 (579) – 30 декабря – 13 января 2006

В.Аменицкий – «Четвертое измерение Альберта Эйнштейна» – «Независимая газета» – 20 апреля 2006

З.Гельман – «Теория чувств Эйнштейна» – «Российская газета» – №4116 – 13 июля 2006

Р.Колчанов – «Физик и лирика» – «Труд» – №128 – 15 июля 2006

Е.Громова, Н.Попова – «Альберт Эйнштейн – Большой Змей (искуситель)» – «Известия» – 21 июля 2006

М.Штейнберг – «Последняя любовь Эйнштейна» – «Чайка» (США) – № 8 (91) – 15 апреля 2007

Ю.Смирнов – «А.Эйнштейн обращается к советским ученым – письмо попадает к А.Вышинскому» – «Вопросы истории естествознания и техники» – №4 – 2007

М.Ремизова – «Изумительная женская логика. Последняя любовь Эйнштейна» – Радио «Свобода» – 15 мая 2007

М.Штейнберг – «Особенности национальной охоты за атомными секретами» – «Независимая газета» – 25 мая 2007

Е.Прудникова – «Берия. Последний рыцарь Сталина» – М.: «ОЛМА Медиа Групп» – 2007

Н.Кузина, А.Чирва – «Эйнштейн – черный чародей» – «Молодая гвардия» – №9 – 2007

Б.Ширянов – «Что есть там, где ничего нет?» – «Взгляд» – 6 января 2008

Weissberg – «Эйнштейн и атомная бомба» – Israel portal for you – 9 марта 2008

К.Ларина, К.Басилашвили – «Скульптор Сергей Коненков и его работа «Текстильщица» – «Эхо Москвы» – 11 мая 2008

К.Ларина, К.Басилашвили, Е.Бушуева – «Скульптор Сергей Коненков. Портрет жены Маргариты» – «Эхо Москвы» – 1 июня 2008

П.Картер, Р.Хайфилд – «Теория относительности в личной жизни» – «Огонек» – №43–44, 52 – 2008

А.Калашников – Н.Никогосян: «Художник должен рабски учиться всю жизнь» – «Огонек» – №49 – 2008

А.Самоваров – «СССР на перепутье» – АПН – 4 февраля 2009

Р.Гуссейнов – «Цепная реакция» – «Трибуна» – 12 февраля 2009

С.Лекарев – «Кто вы, мессир Мессинг?» – «Аргументы недели» – №14 (152) – 9 апреля 2009

О.Поляковский – «Роберт Оппенгеймер, истребитель миров» – «Эхо планеты» – № 15 – 17 апреля 2009

Е.Беркович – «Прецедент. Альберт Эйнштейн и Томас Манн в начале диктатуры» – «Нева» – №5 – 2009

Э.Максимова – «Атомная бомба на Большой Пироговской, 17» – «Известия» – 22 июля 2009

К.Смирнов – «Курчатов или Берия?» – «Новая газета» – №95 – 31 августа 2009

Г.Ревзин – «Идиллия у реактора» – «Weekend» – №36 (132) – 18 сентября 2009

В.Чумаков – «Вольф Мессинг: миссия невыполнима» – a-theism.com – 1 ноября 2009

С.Каминская – «Последней любовью «дедушки» атомной бомбы была советская шпионка» – «Новая» (Киев) – 11 ноября 2009

И.Дамаскин – «Богини разведки и шпионажа» – М.: «Вече» – 2009

А.Дальский – И.Курчатов: «Если бы не Берия, бомбы не было бы» – «Наше дело» (Одесса) – 11 января 2010

О.Семенова – «Настоящий Кончаловский» – «Огонек» – №15 (5124) – 19 апреля 2010

С.Осипов – «Наш человек в гестапо» – «Аргументы и факты» – 21 апреля 2010

А.Саенко – «Человек, который был Богом. Скандальная биография Альберта Эйнштейна» – lib.rus.ec

О.Акимов – «Феномен Эйнштейна» – sceptic-ratio.narod.ru.

В.Баша – «Наш человек в Лос-Аламосе. Немецкий коммунист, английский подданный, советский разведчик» – world.lib.ru

Примечания

1

Именно Наталье Петровне Кончаловской второй человек в СССР Вячеслав Михайлович Молотов вскоре после Великой Отечественной войны порекомендует написать письмо Коненкову с предложением прервать его затянувшуюся зарубежную «командировку» и вернуться на Родину, которая его с нетерпением ждет. Ответственное поручение она доблестно выполнила.

2

Под руководством И.Эренбурга была создана литературная комиссия. Писатели собирались и обрабатывали письма, дневники, свидетельства. Уже весной 1944 г. Эренбург представил в ЦК ВКП(б) проект «Черной книги». Ему сказали: «Работайте. Если книга получится хорошей, мы ее издадим». На что писатель заметил: «Это не та книга, которая может быть хорошей или плохой, ибо пишем ее не мы, а нацисты».

3

Вернувшийся после рождения «Малыша» и «Толстяка» в Англию, Фукс продолжал сотрудничать с Москвой, снабжая своих заочных незримых друзей информацией о создании нового сверхоружия – водородной бомбы. Но в 1950 году Фукса разоблачили, арестовали и осудили на 14 лет. Одновременно он был лишен британского гражданства. Выйдя в 1959 году на свободу, он переехал в ГДР, где продолжал заниматься ядерной физикой и вскоре стал академиком, а заодно и членом ЦК Социалистической единой партии Германии.